

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 1/2009

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

А. Ш. АТАМБАЕВ

Т. К. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

О. И. РЯБОВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины
Э. Салиева «Мелодия любви»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Михаилу Александровичу Рудову – 80 лет!

Если бы Некрасов в своё время не написал проникновенные строчки: «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!», то, несомненно, они родились бы в стенах «ЛК» по радостному поводу – в честь юбилея нашего учителя и постоянного автора Михаила Александровича Рудова – педагога, литературоведа и критика, поэта и переводчика, мыслителя и замечательного человека!

Сотрудничая с журналом «Литературный Кыргызстан» свыше сорока лет, Михаил Александрович Рудов показал себя мастером всех жанров. Его хлёсткие, острые басни, неоднократно публиковавшиеся на страницах «ЛК», не только полюбились нашим читателям, но и разошлись изустно в народе. Его тонкие лирические стихи и добротные переводы кыргызской классики трогают душу, западают в неё надолго.

Литературоведческие статьи профессора Рудова – это увлекательные исследования, путешествия в глубь творчества лучших писателей современности.

Значение Рудова-критика для русскоязычной литературы Кыргызстана, пожалуй, можно сравнить со значением критики Белинского для московской и питерской литературы того времени!

От всей души желаем нашему любимому автору, учителю и другу Михаилу Александровичу Рудову крепкого здоровья, счастья и еще многих-многих лет активного творчества!

Редакция журнала «Литературный Кыргызстан».

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 1/2009

ПРОЗА

- Геннадий Базаров. **Ноктюрн. Маленькая повесть** 5
Александр Крячун. **Первый турнир рыцаря. Рассказ** 28
Юрий Барвинок. **Эльф. Огни небольшого города. Рассказы** 59

ПОЭЗИЯ

- Светлана Сулова. **Новые стихи** 95
Евгений Колесников. **Я живу в перевернутом мире** 103
Леонид Калашников. **Из цикла «Русский рубеж»** 110

ПУБЛИЦИСТИКА

- Станислав Епифанцев. **Соотечественники. Что ждут они от России. И что жребий готовит им** 118

КУЛЬТУРА

- Георгий Хлыпенко. **Славянский мир в журнале «Литературный Кыргызстан»** 134

**В 2009 году «Литературный Кыргызстан»
выходит благодаря поддержке
Посольства России в Кыргызской Республике
и «Росзарубежцентра»**

ПРОЗА

Геннадий БАЗАРОВ

НОКТЮРН

Маленькая повесть

Знаменитого кинорежиссера, народного артиста СССР Геннадия Базарова представлять кыргызстанцам вряд ли нужно. А вот как писатель, он, пожалуй, еще не так широко известен. В журнале «Литературный Кыргызстан» публикуется с середины девяностых годов. Его повести, рассказы, эссе, с большим интересом встреченные читателями и по достоинству оцененные прессой, отличаются психологизмом, драматическое развитие сюжета, умение скупыми, точными мазками рисовать характеры своих героев. Многие автор оставляет между строк, доверяя читателю додумывать самому.

Старик по привычке очередной раз поминал покойную жену у просевшей могилы. Он толком-то и не знал слова молитвы, какие-то две-три фразы, а в остальном нашептывал слова, идущие от сердца, и они, составляя предложения, превращались в просьбу, адресованную Создателю, чтобы присмотрел Он за его покойной супругой, которая при жизни не могла мухи обидеть, была добра, покладиста и отличалась душевной щедростью. И всегда его просьба заканчивалась вопросом к Создателю: «Ну, почему, Всевышний, добрые люди так быстро умирают, подвержены всяким недугам, а нехорошие живут и живут, доставляя окружающим одни неприятности?».

Отговорившись, он провел руками по морщинам лица, седой бородке, поднялся с колен и только теперь заметил женщину, стоящую неподалеку. Заметил, просеял ее взглядом, огляделся окрест. Горы, снежные вершины, синь озера, на ближ-

них холмах – контуры аила. Словно убедившись, что все на своих местах, он снова обратил внимание на женщину. Ладно скроенная, эффектная особа выжидательно оглядывала его самого. Взгляд пронизывающий, вызывающий наряд. Она напоминала демонстрирующих моды длинноногих девушек, которых ему нередко приходилось смотреть по телевизору. Хотя сегодня, касательно одежды, все перепуталось – что в провинции, что в городе. Каждый одевается по своему усмотрению и это уже не вызывает, даже у старых людей, ни осуждения, ни восторга. Такие времена пошли нынче. У него самого где-то лежали джинсы, которые он натягивал, когда приходилось заниматься хозяйством. Удобные, крепкие штаны...

– Мне сказали, что вы сдаете комнату, – нарушила молчание женщина.

Старик кивнул и зачастил вперед коротким шагом. Он был мал ростом, сухопар и подвижен. Она пошла следом, волоча внушительный чемодан на роликах. Солнце поднялось высоко, припекало...

Дом его стоял на краю села, над обрывом. Рядом, вдоль берега озера, черная лента шоссе. Дом был добротный, небольшой двор с водопроводной колонкой, ухоженный яблоневый сад. В открытом сарае скучала корова с грустными глазами и два барана. Старик провел ее в дом, показал комнату. Здесь было прохладно. Комната прибранная.

– В соседней тоже жилец, вчера поселился, – сообщил старик. – Устраивайтесь. Если что надо, скажите.

– Сколько я вам должна?

– Надолго?

– Пока на неделю...

– Потом договоримся.

Старик вышел. Женщина присела на скрипучий табурет, закурила. Мысли путались. Только теперь она поняла, насколько устала. Ею овладела полнейшая апатия. Зачем она сюда прикатила? Почему именно сюда, где ни родных, ни близких? На секунду представила, как Лысый отреагировал на ее внезапное исчезновение. Представила – и ужаснулась. Лысым они называли своего босса. Безжалостный, жестокий тип. Иногда думаешь: какая мать его родила, такого оборотня? Дочь она доверила Фа-

риде. Просила никому не говорить, не выпускать одну на улицу. Женщина передернулась, загасила сигарету. Поднялась, стала вышагивать по комнате.

Лысый, его настоящего имени никто не знал, рослый, вполне симпатичный, запятидесятилетний мужчина, в прошлом, говорят, считался неплохим футболистом. Он был по-своему жуир, любил менять гардероб, вкусно поесть, иногда напивался. Когда такое случалось, девочки старались не попадаться ему на глаза. Лысый ненавидел женщин. Причину такого отношения к слабому полу никто не знал, но в последнее время кто-то пустил слух, что он ранний импотент и что этим болезненно тяготится. Когда распалась держава и общество лихорадочно пыталось разобраться в водовороте социальных перемен, когда появились первые богатые кыргызы-набобы, когда начался дележ недвижимого имущества, когда культура, наука, спорт остались предоставленными сами себе, Лысый понял – пора менять ориентацию. Тогда он обнаружил в себе незаурядный талант сводника. Симпатичный мужик, которого природа одарила порочной красотой, нравился женщинам. Лысый был галантен, умел говорить комплименты, целовать ручки. Красивые бабы к нему тянулись. У него водились деньги, катался на сверкающей иномарке, и всем казалось, что Лысый не из простых и с ним можно иметь дело. Интриговало, что он ни одну из своих знакомых не пытался совратить, затащить в постель. Угощал, делал подарки – не больше... После первых успехов своей затее, Лысый понял, что нашел «золотую жилу», которую нельзя упускать. Депутаты, высокопоставленные, заезжие толстосумы охотно шли на его предложения. Не будут же они искать на панели дешевых баб, когда здесь предлагаются экстравагантные особы, правда, за баксы, но они стоят этого. Из нескольких девиц Лысый сколотил потрясающую группу соблазнительно-эффектных дам. Каждая из них где-то числилась сотрудницей, работала, но по первому сигналу босса поступала в его распоряжение. Капризы, тем более отказы были не в счет. За ними заезжали крепкие мальчишки Лысого и развозили по адресам. Выжидали, получали плату от клиентов, следили за женщинами. Их незримо охраняли, стоило кому-то проявить самостоятельность – наказывали. Какой-то «новый» кыргыз не на шутку увлекся одной из дам «команды» Лысого. Волочился, делал подарки, выжидал у подъезда. Все закончилось просто. Недо-

строенный двухэтажный особняк набоба в один прекрасный день вспыхнул, как спичечный коробок, а сам хозяин получил короткую записку.

Лысый не был скрягой, рассчитывался щедро. Во всяком случае хватало на жизнь. К ней он относился особо, если остальных развозили по адресам, отелям, ее с очередным клиентом Лысый всегда устраивал в своем офисе, в так называемых спальнях покоях. О причине такого отношения она долго не догадывалась, пока Люся, еще одна, которая была удостоена подобного отношения, не высказала предположения, что Лысый подглядывает за ними в момент утех с очередным высокопоставленным или дорогим заезжим клиентом. Она поверила в это после того, как однажды Лысый, как бы между прочим признался, что она его волнует. И всегда, оказываясь очередной раз в этих самых «покоях», она с ужасом представляла, как в невидимую щель Лысый наблюдал за ее постыдным занятием с клиентом. И при таком особом отношении босс не пытался уединиться с ней. Это оставалось загадкой, пока кто-то не предположил, что у него ранний импотенцизм. Возможно, поэтому он ненавидел женщин. Любил и ненавидел...

Все это она вспомнила сейчас, вышагивая по комнате. Она сбежала, она устала. Знала: последствия непредсказуемы. Пока же хотелось отключиться, попытаться забыть прошлое. Наивно и смешно. Разве можно забыть прошлое?.. Почувствовав на себе чей-то взгляд, женщина резко оглянулась. У двери в ее комнату стоял человек. Среднего роста, сутулый, в отвислом, старомодном костюме. Лысеющий, небритые впалые щеки, этакий заурядный бухгалтер, которому перевалило за полтинник.

– Я ваш сосед, – негромко представился мужчина.

Она молча кивнула, занялась распаковкой чемодана. Мужчина вышел во двор, устроился на лавку в тени под навесом. Сосед вызвал у женщины чувство раздражения. Она привыкла к обществу самодовольных, сытых щеголей, и один вид этого безликого человека усугубил и без того подавленное состояние. И снова задалась вопросом: «Зачем она приехала? И почему сюда? Можно было рвануть в Турцию, на Черное море...». Все просто: хотелось быть ближе к дочери. Лысый знал о ее существовании и способен был пойти на все, чтобы проучить женщину за самовольный побег. Руки у него длинные, нрав – жестокий...

Переодевшись, она вышла во двор, устроилась по другую сторону лавки, закурила. Сосед вяло наблюдал за стариком, который суетился по хозяйству. Настроив самовар, старик подвязался передником, подхватил ведро и направился к скучающей корове. Погладил по голове, провел ласково руками по крупу, подсел под нее, устроив ведро между колен. Женщина с удивлением наблюдала, как дед ловко выцеживал из коровьего вымени молоко. Заправский дояр да и только. Она не выдержала и захлопала в ладоши. Старик ответил улыбкой, а сосед сидел вяло, уставясь перед собой, никакой реакции. Странный субъект, подумалось женщине. Из-за дувала нарисовались два хмыря – типичные забулдыги айильного масштаба. Увидели женщину, стали поддевать старика:

– Ой, аскакал! Уступи ведро этой красивой айым, пусть подоит!..

Старик досадливо замахал руками, прогоняя, но это их только подзадорило. Забулдыги – на то и забулдыги, чтобы заглядывать в каждый двор в надежде поживиться, где хлебом, где спиртным, где табачком. Они в курсе всех последних событий в округе, и, естественно, появление этой эффектной городской дамы у одинокого старика – своего рода сенсация. Старик знал, что они раструют новость да еще напридумают всякие небылицы. Дед прервал свое занятие, заспешил к забулдыгам. Порылся в карманах, что-то им сунул, о чем-то попросил. Поухмылявшись, постреляв нетрезвыми глазками в сторону женщины, типы нехотя слиняли. Старик сконфуженно глянул на жильцов, как бы оправдываясь за появление непрошенных гостей, и продолжил прерванное доение...

Солнце пошло к закату, удлиннились тени, потянуло прохладой с гор. Дед неторопливо собрал ужин на низеньком столике во дворе, под тентом. Угощение незамысловатое, но все свежее. Теплый домашний хлеб, вареное мясо, сметана, курут, яблоки из своего сада. Дед старался, даже вынес из дома небольшой телевизор, включил в тройник, поправил самодельную антенну и жестом пригласил своих квартирантов к столу. От его суетливой благожелательности веяло какой-то теплотой. Женщина растрогалась и, словно опомнившись, заспешила к себе и принесла к столу разные деликатесы – красную икру, сервелат и сладости. Оглядев все это, старик восторженно раскинул руки, заулыбался. Сосед

молча ушел и вернулся с бутылкой водки, не простой, финского розлива. Она про себя это отметила и удивленно глянула на «бухгалтера», так она уже успела для себя его обозначить. Сосед не среагировал на ее реакцию, молча раскупорил, разлил по пиалам. Станный тип, в который раз отметила она. Чокнулись, выпили. Дед стал возиться с закуской, но она молча его отстранила и взяла на себя роль хозяйки за столом. Это пришлось по душе старому. Он покраснел от выпитого, вытянулся на ширдаке, глянул на небо, где мерцали первые звезды.

– У вас есть дети? – спросила она старика.

– Дочка старшая еще маленькой скончалась, болела... Сын в городе мотается в поисках удачи...

– А могила?

– Старухи моей, – как-то виновато сказал старик. – Два года назад ее не стало.

Дальше разговор не получился. Молча поужинали. Она могла dedu убрать со стола, запалила сигарету, немножко посмотрела телевизор, где удивительно мрачный тип пытался сформулировать какие-то умные мысли. Сосед незаметно исчез, старик прошелся по двору, оглядывая хозяйство, и юркнул к себе, на свою половину.

В комнате, сбросив с себя все лишнее, включила портативный магнитофон на минимальную громкость, опрокинулась на кровать. Вспомнилась дочка. Нежный, маленький человечек. Как она там? Вся надежда на Фариду. Лишь бы Лысый не дознался, где прячется дочка. Как получилось, что она попала на его удочку? Родители разошлись, мама умерла, оставив уже взрослой единственной дочери добротную квартиру, потрясающую библиотеку, антиквариат. Успела дать ей образование, выпестовала красивую, статную, с хорошими манерами наследницу. Бедная мама!.. Она почувствовала, как к горлу подкатил ком, в груди защемило. Женщина резко оставила кровать, закурила. Тихо звучал ноктюрн, ее любимый мотив. Невесело усмехнулась. Ведь она мечтала посвятить себя музыке, неплохо играла на рояле. Господи, чего только не было!.. Она зло крутанулась на месте, глянула в окно, обомлела. Во дворе под тусклой лампочкой неподвижно сидел сосед. Станный тип? А ему-то почему не спится?..

Старику тоже не спалось. Ворочался, ворочался, а сон не шел. Вспомнилась покойная жена. Когда в молодости он за ней увивался, она смеялась, поддевая: «Ну, какой из тебя жених! Маленький, неказистый». Он не обижался и вечно следовал за ней тенью – ходила ли она за водой, собирала ли курай. Прятался в камышах и смотрел, смотрел на нее. Какая она красивая, гибкая, и голос у нее звонкий, и манеры особенные, мягкие. Она редко кучковалась с девушками, больше сама по себе. Однажды он почувствовал, что еще кто-то наблюдает за ней, когда она шла к реке за водой. Почувствовал, затаил дыхание, и тут с противоположной стороны выкатил верзила Апыш – и прямо на нее. Раскидав большие длинные руки, преградил девушке дорогу. Она испуганно дернулась, оцепенела, уронила ведро с водой. Апыш славился силой и хамской натурой, и посему с ним старались не связываться. Жрал за троих, а во сне исходил храпом на всю округу. Сладострастно осклабясь, исходя порочным нетерпением, верзила обхватил ее, как тростинку, прижал. Старик вспомнил, как, не отдавая себе отчета, выскочил из своего укрытия, бросился на Апыша, забарабанил кулаками по его громадной потной спине. Засуетился, в глазах от бессилия слезы. Вспомнил, как бросился опять на Апыша сзади и двумя руками, что есть силы вцепился мертвой хваткой в его яйца. Верзила взревел не своим голосом, отпустил девушку, начал лягаться, размахивать руками. Освободился, стал дубасить парнишку. Она из-за камышей видела, как тот отбивался. Весь в крови, из последних сил снова и снова бросался на Апыша, который, вконец изумленный настырностью парнишки, махнул рукой и зашел, прихрамывая от боли между ног в сторону аила. Старик вспомнил, как дома мать охала, делала какие-то примочки, выходила его. Вспомнил, как придя в себя, через пару дней он направился к дому Апыша, крепко зажав в руке наточенный серп. От одного его вида верзила стал пятиться. Столько было решимости в парнишке, глаза опалены, весь узлом. Апыш не на шутку испугался, заперся в сарае. Собрались любопытные. Еще бы, такое зрелище! Мужики озорно кричали: «Эй, верзила! Смотри, как бы он тебе то самое не отрезал!.. Ха-ха!..».

Округа веселилась, зауважала парнишку. Он, маленький и худосочный, сразу вырос в их глазах. И ей девчонки все рассказали, и тогда, кажется, поняла она наконец, что это судьба...

Старик распружинился, хохотнул тихо в кулак. Сон пропал совсем. Он выпростался из-под одеяла, включил свет и некоторое время смотрел умиленно на фотографию своей Акыл. Потом накинул на плечи легкий чепкен, вышел во двор, а там под лампочкой жилец сидел.

– Не спится? – примостился рядом с ним дед.

Тот неопределенно кивнул. Старик потянулся, глянул на звезды. Потом, словно что-то вспомнив, сорвался с места, скрылся в доме. Появился, держа в охапке початую бутылку с водкой, рюмки, хлеб. Молча разлили, молча выпили, закусили хлебом...

Утро началось с неожиданного сюрприза. Возле дома старика резко затормозила сверкающая черная иномарка. Появившиеся из машины люди тоже были особенные – рослые мужики в дорогих, с переливами костюмах, солнцезащитных очках. Чувствовалось, ребята непростые. Под пиджаками накаченные мышцы, в облике уверенность.

– Выходи, лахудра! – громко рявкнул один из них.

Другие лениво потягивались, лающе позевывая. Женщина осторожно выглянула из дома. Нет, она была не напугана, а удивлена. Как же они так скоро ее вычислили? Значит, действительно у Лысого длинные руки. Глянула, приняла позу, закурила. Главный из приезжих нехорошо усмехнулся, подошел к ней вплотную, стиснул локти, прошептал:

– Босс сказал, чтобы ты немедленно возвращалась, вникла?

– Если на мне будет хоть малюсенькая царапина, – вызывающе парировала женщина, – босс твои гнилые мозги размажет по стенке, вник?..

Мужик отпустил ее руку. Знал, что она котируется как самый дорогой «товар». Задетый за живое, угрожающе прошипел:

– Едешь или нет?

– Мое вам с кисточкой, – бросила она через плечо и демонстративно ушла в дом.

Мужики потоптались, переглянулись. Раздраженные сели в машину, резко рванули, подняв клубы пыли.

Оказавшись невольным очевидцем странной сцены, старик покачал головой и направился в сторону сарая, чтобы вывести на луг скотину. Сосед из окна своей комнаты тоже наблюдал за приезжими, слышал разговор. Лицо его ничего не выразило, и состояние оставалось таким же вялым, безразличным...

Женщина пошла к озеру. Пляж пустой, почти дикий. Она специально выбрала район, где не было никаких пансионатов, столпотворения. Скинула халат и с удовольствием подставила красивое стройное тело теплым лучам. Старалась ни о чем не думать и полностью расслабиться. Не получалось. Все равно свербила мысль, как это Лысому удалось вычислить ее местонахождение? Потом вспомнила, что говорила Люське про свой отъезд, дабы затеряться в каком-нибудь аиле на южном берегу. Неужели она проговорилась? Лысый догадывался об их доверительных отношениях. Может, он ее бил, пытал? Женщина передернулась, пошарила в сумке, нашла сигареты. Бедная Люся... Красивая статная блондинка, она последнее время повадилась вдруг ходить в церковь. Крестилась, часто говорила о Боге. Однажды они выпили вдвоем, и Люська изошлась слезами, почти исповедалась. Говорила шепотом, хотя они были вдвоем и никто их не подслушивал. Она возбужденно дышала, в глазах стояла мука.

– Недавно ходила в церковь, представляешь... Поставила свечу перед ликом Христовым, глянула на Него и, не поверишь... Он смотрел на меня, почти живой! Смотрел ухмылисто, презрительно! Словно осуждал меня и давал понять... Зачем же, ты, потаскуха ставишь мне свечку? Уходи! Не оскверняй своим присутствием святую церковь! – голос у Люси сорвался, и она почти на грани истерики изошлась стоном. – Что я могла Ему сказать? В чем повиниться?!.. Никто же меня за руки не тасил в постель к этим толстопузым! Сама соблазнилась, дура последняя! Хорошей, сытой жизни захотелось. Хрустом баксов прельстилась. Ты же помнишь, как Лысый источал нам комплименты? Юлой вертелся, сука, подкладывая нас в постель к «сливкам общества»! Потирал ручки, подсчитывая барыши! Что я могла сказать Создателю в свое оправдание? Что вошла «во вкус»? Что возомнила себя «светской дамой» – завсегдаем дорогих ресторанов, клубов и люкс-номеров? Хотела покаяться, совесть не позволила, а Он смотрел на меня, и в его больших глазах – скорбное осуждение...

Женщина докурила сигарету, вытерла навернувшиеся на глаза слезы. Хотела искупаться, но тут заметила, как на противоположной стороне пляжа появился ее сосед. Вялый, сутулый, запятидесятилетний невзрачный человек. Даже не посмотрел в ее сторону. Разделся, остался в длинных, до колен, старомод-

ных трусах. Купаться не стал, а, набрав в ладони озерной воды, символически помочил плечи, шею. Сел на песок и застыл, уставясь перед собой...

Странный тип, снова подумала она и, войдя в озеро, поплыла, размашисто работая руками.

Старик, замочив грязное белье в большом тазу, плеснул в пиалу себе чаю и устроился под навесом. Попивая чай, расслабился, вытянул ноги. Странные квартиранты прижились на сей раз у него. Мужчина появился за два дня раньше женщины. Появился неожиданно, словно возник из небытия. Тогда старик так же сидел расслабившись. Хотелось спать и уже собирался прилечь, как неожиданно перед ним возник незнакомец, неприметный, в старомодном, обвислом костюме. Через руку перекинут плащ, в другой – саквояж, такой, какие были в ходу еще до войны. Говорил тихо, с хрипотцой.

– Аксакал, приютите на пару недель?

– Почему нет, – старик поднялся.

Они пожали друг другу руки.

– У меня просьба...

– Говори, сынок.

– Чем меньше людей будет знать, что я остановился у вас, тем лучше...

– Я вовсе не намерен трубить на всю округу, – успокоил его дед. – А потом, люди привыкли, что у меня каждое лето кто-то останавливается...

Мужчина устроился. Редко выходил из комнаты, зарядкой не занимался, на пляж не бегал. Совсем не походил на людей, которые приезжали на озеро отдыхать. Кроме того, почти не разговаривал, да и старик тоже его не расспрашивал, не любопытничал. Кто он? Чей сын и чем занимается? Так и прожили два дня, встречаясь только на чаепитии, пока не появилась красивая женщина. А неожиданный визит сегодня этих городских бугаев совсем озадачил старого. Что-то они хотели от женщины, что-то она им сказала. Уехали, не скрывая откровенной злости, а она как ни в чем не бывало пошла на пляж. Странные, непонятные времена наступили. Люди изменились. Даже в аиле почти не ходят, как раньше, в гости друг к другу. Позакрывались, притаи-

лись, словно чего-то выжидают, скрывают... Старик невесело хмыкнул, заставил себя подняться и принялся за стирку. Возникла женщина, улыбнулась и, мягко отстранив его, начала стирать. Пришел мужчина, молча скрылся в своей комнате. А потом из-за дувала нарисовались знакомые хмыри. Ойкнули, зашлись нетрезвым хохотком: «Уже стирает!.. Молодец старый, быстро приручил «токол»!..». Женщина не удостоила их вниманием, отжимала белье и вывешивала на натянутую во дворе бечевку. Старик раздраженно крутанулся юлой, подскочил к ним, сунул несколько сомов и замахал руками, чтобы они только исчезли. За всем этим наблюдал квартирант из окна. На лице – полнейшее равнодушие и безразличие...

Вечером ужинали под навесом. Уже стемнело, тускло мерцала лампочка, облепленная мошкаррой. Женщина принесла на стол большое блюдо с дымящимся жарким. Старик нарезал помидоры, огурцы. Квартирант, как всегда, сидел молча, уставясь перед собой.

– Это она приготовила, – сообщил старик. – Спасибо, дочка! Очень ты помогла мне сегодня. Особенно со стиркой!..

– Ну, что вы, отец! – махнула она рукой, побежала к себе в комнату.

Вернулась с бутылкой марочного вина, поставила на стол.

– Простите, что так скромно, но у меня сегодня день рождения...

– А-и! – всплеснул руками дед. Вскочил и зашпешил в дом. Вернулся с расшитым бельдемче, примерил женщине. – Это моей старухи... По праздникам надевала. Носи на счастье, дочка!..

– Спасибо, – растрогалась женщина.

– Поздравляю вас, – подал голос сосед. – Считайте, что подарок за мной.

Он открыл вино, разлил, чокнулись и выпили. Закусывали с удовольствием. Уже не было между ними былой отчужденности. По телевизору транслировали концерт, разукрашенная инфантильная певица терзала микрофон. После второй старик, немножко захмелевший, с умилением оглядев своих квартирантов, решил дать волю любопытству, спросил женщину:

– Дочка, ты замужем?

– Была, – ответила женщина.

– Дети есть?

– Дочка... Четыре года ей.

Она насупилась, закурила. Дед понял, что его расспросы излишни, уткнулся в экран телевизора. Певица не понравилась. Переключил на другой канал, а там духовой оркестр исполнял «Прощание славянки». Старик вздрогнул, напрягся. Потом вскочил на ноги и пошел маршем на месте. Худой и гибкий, как тальниковый прут, седые волосы клочьями. Взял «под козырек» равнением направо. В глазах торжество, шея тиково дергается, губы сжаты. Квартиранты с изумлением наблюдали за стариком, который чеканно прокричал: «Гвардии старшина Санат Кошоев!..».

Музыка кончилась. Старик смущенно развел руками, проговорил виновато:

– Простите, что-то занесло меня, старого...

– Вы воевали?

– Немного до Берлина не дошел, ранили... Такие ребята полегли...

Плеснул по рюмкам, поднял. Выпили, не чокаясь...

Ночью ей приснилось, что ее дочку похитили. Мордвороты Лысого, запихнув маленькую девочку в машину, куда-то спешно повезли ее. Она пыталась кричать, звала на помощь, но никто не отозвался. Пустая улица, безлюдные подъезды домов, словно все живое вымерло. Зловещая тишина... Она застонала и проснулась. Проснулась и испугалась. Над ней стоял сосед с озабоченным выражением на лице.

– Вы кричали... Вам плохо?

– Извините, – она приподнялась, набросила халат на плечи. Сосед сходил к себе, принес таблетку.

– Выпейте, вам станет легче...

Она приняла таблетку, запила водой из графина, взглянула на него.

– Я немного побуду с вами, если не возражаете, – осторожно предложил сосед.

Она кивнула, закурила сигарету, попросила:

– Только, пожалуйста, без вопросов...

Сосед слегка улыбнулся.

– Можно включить ваш магнитофон? А то мы сидим, как на похоронах...

Получив ее молчаливое согласие, он включил магнитофон. Комнату наполнила тихая музыка. Они сидели, слушали, не ведая, что за дверью стоял дед, который тоже проснулся из-за крика женщины. Испуганный, он метнулся к двери, но, когда услышал их голоса, успокоился и пошел досыпать. Женщине стало легче. Действительно таблетка помогла. Внутреннее напряжение отпустило, она расслабилась и поймала себя на мысли, что сама бы не прочь задать вопросы этому странному типу, но сдержалась. Во всяком случае, он сейчас показался ей не таким букой. Ведь примчался на ее стон...

– Вы музыкант? – спросил он.

– Мечтала...

– А что это за музыка?

– Ноктюрн.

– Эта музыка наводит на грустные мысли.

– Возможно, – она взглянула на него. – Вы верите снам?

– Я ничему не верю...

Ночь была тихая. На край окна вырисовался серп луны...

– У вас есть дети?

Он ничего не ответил, глянул на нее и молча ушел. Она поразила его взглядом, столько смятения было в его глазах. Не стоило спрашивать. Этот человек предстал перед ней еще большей загадкой. Может, он носит в себе непомерный груз страданий, о котором никто не должен знать? Ведь она сама старается держать свои чувства подальше от любопытных глаз. Хотя свои проблемы заработала сама. Осознанно связалась с этим Лысым, будь он проклят!.. Как он красиво подкатил к ней на одной вечеринке! Восхищался ее игрой на пианино. Он тогда ее действительно обаял – элегантный, с хорошими манерами мужчина. Подвез на сверкающей иномарке домой, целовал ручку... А потом пошло, покатило. Первые знакомства с какими-то высокопоставленными бонзами. Визиты в элитные общества, цветы и подарки. Она была уверена, что фортуна улыбнулась ей и что упускать такой момент легкомысленно. Так же, как и Люська, возомнила себя представительницей «высшего общества», дура!.. И только после того, как оказалась в постели с жирным боровом, поняла...

Она резко привстала, пошарила в чемодане, нашла фляжку с горячительным и прямо из горлышка сделала пару глотков. Закурила, откинулась к стене.

Дурные воспоминания не давали покоя... Она не помнила как оказалась в постели с этим. Ее протест возмутил мужика:

– Я заплатил за тебя, стерва!..

Помчалась к Лысому, а того как подменили. Взгляд – холодный, выражение – каменное.

– Ты подписала договор...

– Я ничего не подписывала!

– Смотри! – ткнул в лицо бумагу.

Там действительно стояла ее подпись.

– Это подделка!

– Может, хочешь посмотреть кассету, где голая трахаешься с мужиками?!

Она не знала, что ответить. Спазм перехватил горло. В голове – сумбур, все поплыло, размылось. Кажется, тогда она потеряла сознание. Очнулась, с ней сидела Люська, осторожно разминала ей виски и тихо успокаивала: «Со мной тоже самое случилось... Я так думаю... Они чего-то подмешали нам, задурили и... снимали на видик, гады!.. И бумагу подписать заставили... Мне Лысый заявил, что если будешь ерепениться, то тебя голый будут смотреть по телику не только родные, а тысячи любопытных, представляешь?!».

На другой день Лысый с приклеенной улыбкой констатировал: «Ты будешь числиться в нашей фирме сотрудницей, иметь дело только с влиятельными персонами и богатыми бизнесменами. Тебя будут охранять, опекать, экипируем по высшему разряду, и получать будешь не жалкие сомы, а баксы и немалые!.. А если дуру выкинешь – сгноим!..».

Женщина застонала, еще раз приложилась к фляжке. Взяла сигареты, зажигалку, решила выйти во двор, на свежий воздух. В прихожей заметила, что у соседа была приоткрыта дверь в комнату. Тихо заглянула и поразилась. Мужик сидел в углу на корточках и молился. Знать, тоже какой-то непонятный груз давит его. Господи, что за жизнь пошла, все в чем-то замешаны, какое-то поголовное таинство охватило всех...

Во дворе она оккупировала лавку, с удовольствием вдыхая полной грудью свежий воздух. Ночь была поразительная – тихая, звезды нависали низко, и где-то далеко-далеко лениво перелаивались собаки.

Утром, когда они чаевничали, во дворе нарисовались знакомые хмыри. Только что-то в них изменилось. Они были аккурат-

но одеты, причесаны и, самое главное, трезвые. Остановились на расстоянии от хозяина и его жильцов, держа руки перед собой, как нашкодившие школьники. Один, который постарше, откашлялся в кулак и, запинаясь, изрек: «Аксакал, простите нас, пожалуйста... Мы как-то с вами невежливо повели себя. Больше подобное не повторится...».

Старик, пораженный, не знал как себя повести. Для него подобный визит хмырей был настолько неожиданным, что он даже растерялся. Женщина смотрела с удивлением на недавних забулдыги, а мужчина без особого любопытства, как-то отстраненно. Мужики эти, свободные от дел, эдакие сельские забулдыги, затевали постоянные свары у магазина, во дворах, там, куда их заносило. А сейчас их словно подменили.

– Давайте к чаю, – заерзал дед.

– Спасибо, аксакал! – дружно отказались мужики, и второй, пунцовый от волнения, поспешно добавил: – Если что нужно, вы нас только крикните... Может, что починить, подмести двор, наколоть дрова!..

– Что вы, дорогие! – замахал руками дед. – Пока справляюсь. Спасибо за предложение. Может, вам...

Старик по привычке полез в карман, но визитеры с поразительной выразительностью дали понять, что они «поддавать» не собираются. Один из них заявил даже: «Мы и так вам должны, аксакал!». Дальше слов у него не нашлось, и удивительно преобращенные хмыри, неловко оступаясь, поспешно покинули двор.

– Что с ними произошло? – в вопросе женщины сквозило изумление.

– Видно, снизошел кто-то с небес, надоумил...

– Верите в Бога?

– В чудеса...

– Чудес не бывает, – сказала она вызывающе.

Мужчина ничего не ответил, отвернулся. Пропустил ее категоричность мимо ушей, глянул вокруг. День выдался справный. Чистое, ярко-сухое небо. По двору чирикали козыристые воробы...

Старик по привычке засуетился во дворе. У него выработалось свое понимание бобыльей жизни, свои привязанности. Обязательно чем-то занимался, словно работой по дому он прищипывал грустные воспоминания и чувство одиночества. Изредка

пытался шутить, но взгляд оставался пристальным и задумчивым...

- Аксакал, я у вас книгу возьму? – появился из дома жилец.
- Конечно, – закивал дед.
- Спасибо...

Пустой берег, желтый песок, синь озера. Что надо для полного счастья? Занятая собственной персоной, собственной бедой, она как-то упустила, не замечала эту красоту, а здесь прониклась. Озеро, звездное небо, удивительные закаты... Женщина скинула халат и потрясающе соблазнительная, в бикини, засыпала, подставив себя горячим лучам...

Вскоре на берегу появился сосед. Как всегда расположился подальше от нее, словно стеснялся. Лежа на песке, она незаметно наблюдала за ним. Он неторопливо разделся, изредка косясь в ее сторону. В старомодных трусах осторожно вошел по колено в озеро, аккуратно плеснул ладонями воду на грудь, плечи. Вернулся, сел на песок, скрестив ноги, уставился перед собой. Со стороны казалось, что этому человеку все одинаково пресно и безразлично...

Солнце, песок, озеро, тишина. Что нужно для полного счастья?.. Ей так захотелось, чтобы дочка была здесь, с ней, и она увидела... Девочка бегала по пляжу, по-своему, по-детски выражая восторг... Жалко, если бы она была здесь. Женщина скосилась в сторону соседа, который сидел, не меняя позы. Без того сутулый, он еще больше сгорбился, отяжелел. В душе витали дурные предчувствия. Томительное ожидание беды натягивало нервы, словно струны. Чтобы не впасть в истерику, он воскрешал в своем воображении спасительную сцену с маленьким мальчиком, который сидел, положив стриженую голову на колени матери. И снова, в который раз, подумалось: «Так сегодня не хватает мамы, чтобы я преклонил колени перед ней и ждал, когда рука ее коснется головы моей и снимет боль, вопросы, страдание...».

Где-то далеко отозвались раскаты грома. Видимо, в горах была гроза, шел дождь. Перед глазами поплыли круги, видение размылось, охватила тревога – знакомое состояние. Он спешно порылся в вещах, выудил таблетку, бросил в рот, зажевал. Глянул в сторону женщины. Ее уже не было...

Управившись со скотиной, старик подбирал по дому мелкие дела. Женщина тоже не осталась в долгу. Взялась за веранду. Вскоре она была вымыта, окна протерты. Старик, довольный, улыбался такой учтивости своих жильцов. Особенно его умилило, когда мужчина, скинув пиджак, взялся приводить в порядок проводку, навесил новые патроны с лампочками. Делал он это как заправский электромонтер.

- У вас все на соплях. Замкнет – дом вспыхнет.
- А где вы эти... патроны? – удивился старый. – У меня их нет.
- Купил в магазине.

Громко играла музыка из магнитофона женщины, который она вынесла во двор. Свежий воздух со стороны гор бил в грудь, приятно бодрил. Она помыла руки, устроилась на лавку, закурила. Наблюдая за мужчиной, который с ненаигранным увлечением был занят проводкой, поймала себя на мысли, что не такой уж он безразличный к тому, что происходит вокруг. А с проводкой он действительно справлялся как заправский мастер...

Вечером, после ужина, вместе смотрели во дворе телевизор. Смотрели с удовольствием. Еще бы, такой фильм показывали про смешного маленького человечка в котелке с неизменной тростью, который все время попадал в непредсказуемые ситуации. Фильм смешил, порой вызывал ком в горле, потому как не сострадать этому смешному доброму чудачку было невозможно. Старик смеялся от души, как мальчишка. Глядя на него, и его квартиранты не могли сдержать улыбки, а на голубом экране старенького телевизора неукротимо торжествовал чудесный праздник лицедейства, где неповторимый Чарли шутил, смеялся, грустил, влюблялся, мечтал и надеялся...

Ночью пошел дождь, перешедший в настоящий ливень. Раскаты грома оглашали все окрест, зловеще, словно напоминание свыше, сверкала молния, резкими порывами бил ветер. После каждого удара грома дождь лил сильнее, все более превращаясь в сплошной поток воды.

Томительно шло время. Угнетаемый привычной бессонницей, старик неподвижно сидел у себя, потом стоял, снова си-

дел, опять стоял. Осторожно заглянул через приоткрытую дверь к жильцу. Тот тоже не спал. Сидел, неудобно привалясь к стене с книгой на коленях. Дверь в комнату женщины была плотно прикрыта.

Мужчина не спал и не читал. Книга, которую он собирался читать, механически осталась на коленях. Что-то его отвлекло, какие-то странные мысли овладели сознанием, настраивая на банально-грустный лад. Перед глазами, в воображении, всплывали знакомые и давно забытые картины прожитого и пережитого, и все равно любые видения, в конечном счете, замыкались на одном лике, на знакомых, до боли родных сердцу чертах матери. Почему-то в последнее время он мысленно каялся перед ней, как и в эту ночь. Его губы чуть слышно нашептывали: «Прости, мама! Моя пьеса была сыграна так, как она была написана свыше... Антракт не предусмотрен. Иллюзии разбиты, мечты иссякли. То был фарс одного актера. Насколько я справился со своей ролью, не мне судить...». Он шел по бесконечно длинному коридору. Шаги гулко отзывались в пустоте. Уперся в дверь. Толкнул, а там шел дождь. За стенкой дождя, на зеленой траве сидела женщина. Рядом мальчик, положивший стриженую голову ей на колени. Над ними не было дождя, они сидели в лучах солнца. Рядом патефон с крутящимся диском. Лицо женщины было умиротворенным, спокойным, с разглаженными морщинами. Мальчик был еще юн, безгрешен. Глаза большие, вопрошающие...

Мужчина передернулся, глянул в окно. Ветер бил, дождь лизал стекла...

Крик ударил в комнате женщины, разорвался по всему дому. Старик и мужчина выскочили, каждый из своей половины. Женщина стояла в дверях с широко раскрытыми глазами, в которых застыл ужас. В руках сотовый телефон, плащ. Она была на грани истерики. Пыталась говорить, но вместо слов из груди прорывался беспорядочный хрип.

– Что случилось?

– Мне нужно ехать...

– В такой дождь, ночью?..

– Моя дочка!.. Лысый ее доконает, поймите!

– Какой лысый? – спросил мужчина.

– Господи, а вам-то какое дело! – вскричала она, насмеш-

ливо обжигая его взглядом. – Сопите в две дырки и молитесь своему богу... Он похитил мою дочь! Мне надо ехать...

– Перестаньте канючить! Где его офис?! – повысил тон мужчина, грубо тряхнул за плечи.

Взгляд жесткий, в голосе – металл. Это подействовало. Женщина на какой-то миг растерялась, сникла. Потом совершенно по-новому взглянула на мужчину, ответила:

– Он обычно в своем ресторане... В Восточном переулке.

Ее заставили принять таблетку, уложили на кровать, накрыли одеялом. Не на шутку испуганный, старик присел у ее изголовья. Вскоре она стала засыпать, и ей привиделось, что она играет на рояле в каком-то странном помещении. Тусклый свет, по стенам размытые тени, мелькает худая особа с марсианским лицом – большие глаза, неестественно белая кожа, а вокруг – перезревшие мужчины с похотливыми глазами. Она играет, но никто из присутствующих не реагирует на ее исполнение... Женщина уснула, таблетка подействовала.

Ветер призатих, небо очистилось от туч, и звезды, усыпавшие небосклон, дохнули прохладой...

Старик аккуратно прикрыл дверь в комнату женщины, пришел в свою половину, опустил на колени. Мысли путались. Какие-то странные и непонятные квартиранты попались в этом сезоне. Такое ощущение, словно мир перевернулся. Привычный уклад жизни распался на глазах. Изменились люди, нравы, взаимоотношения. Он взглянул на фотографию жены, прикрыл глаза и прошептал: «О, Создатель! Огради и сохрани! Дай удачу добрым и хорошим людям...».

Восход был неописуем. Очищенная грозой природа слепила глаза. Взволнованный старик тормозил спящую женщину:

– Проснись, дочка! Во двор, во двор поспеши!..

Еще не совсем проснувшись, она интуитивно поняла, что произошло нечто, имеющее к ней непосредственное отношение. Вскочила, рванула к выходу.

Во дворе, озаренная утренним солнцем, у массивной иномарки в обществе двоих верзил стояла ее дочка. Не веря глазам, женщина бросилась к ней. Сгребла в охапку, заплакала. Но

то были слезы радости. Глядя на них, старик укрепился мысленно в правильности того, что происходит. От волнения он даже задрожал, как в ознобе, подергивая плечами. Это прекрасно, что хорошо все кончилось...

Верзилы, которые стояли, лающе позевывая, вдруг изменились. Глянули мимо старика, опешили. В глазах вопрос, растерянность, смятение. Их недавнее вальяжное самодовольство вмиг улетучилось. Парни подобострастно засуетились, вскочили в машину и с лихим разворотом укатили. Женщина, занятая дочкой, не обратила на то внимания. Старик обернулся и увидел за собой в дверях жильца. Это на него смотрели парни. Жилец стоял с перекинутым через плечо полотенцем, и его заспанное лицо ничего не выражало, кроме полнейшего безразличия...

Потом пили чай под навесом. Женщина не могла насмотреться на дочь.

– Тебя не обижали? – в голосе еще не угасла тревога. – Где тетя Фарида?

– Какие-то дяди взяли меня у тети Фариды и привезли в большой дом, – рассказывала маленькая. – Потом поздно ночью пришли другие дяди и привезли меня к тебе, мамочка...

Старик сочувственно кивал, глядя на них. Что-то завораживающее было в этой ситуации, в отрешенном, красивом лице, глубоком взгляде взволнованной женщины, которой все еще не верилось, что дочь рядом. Ему вдруг так захотелось что-то для них сделать. Старик заерзал, вскочил, притащил из дома старенький патефон и запустил какую-то древнюю песню. Патефон вызвал у девочки восторг. Она визжала, исходя детским хохотом, и взрослые не могли удержаться от улыбки.

Из дома вышел жилец, в одной руке плащ, в другой саквояж. Остановился, поставил саквояж между ног, посмотрел на сидящих под навесом. Он выглядел уставшим.

– Уезжаете? – вскочил с места старик.

– Спасибо за все, отец...

– Так скоро?

– Дела, – мужчина поднял саквояж. – Книгу я вам в комнату занес...

Хотел еще что-то сказать, передумал. Взглянул на женщи-

ну, ее дочь. Его усталое мрачное лицо отразило подобие улыбки, но улыбка получилась не очень веселой. Кивнул, повернулся и медленно, сутулясь, направился в сторону шоссе. Они хорошо видели, как он уходил, видели, как, обогнав его, круто развернулась, затормозила черная иномарка. Мужчина остановился, напряжинился. Внутри кольнуло: сейчас начнется, и выстрелы ударили с жестокой неотвратимостью – дуплетом. Мужчина рванул в сторону, но его тело изогнулось дугой и рухнуло на черный асфальт. Уже когда он падал, промелькнула мысль: «Что я теряю? Только одну жизнь. Все люди смертны... Раньше, позже – какая разница? И все равно, жалко...». Перед глазами на мгновение возникла стриженная головка мальчишка с застывшим на губах вопросом... Лицо матери он не успел увидеть и боли уже не чувствовал...

Машина рванула прочь. Наступила звенящая тишина. Один за другим стали появляться сельчане, которые молча смотрели на распластавшееся тело.

Женщина прикрыла рот. Лицо ее побелело как полотно. Старик тиково задержал раненой шеей. До него никак не доходило, что его жилец – этот тихий человек – лежит сейчас мертвый на асфальте. Только девочка ничего не поняла, крутила завод патефона, чтобы снова запустить пластинку.

– Он... Он мертв? – прошептала женщина.

Она нервно облизнула губы. Старик промолчал, видел, как на глазах у нее накалились слезы...

Следователь дописал протокол, взглянул на старика и женщину, спросил:

– Больше ничего не добавите?

Те отрицательно покачали головами. Слова не шли, говорить не хотелось. Они видели, как санитары подняли труп,грузили в фургон «скорой помощи», как расходились по домам любопытные сельчане, как фотограф снимал кровавое пятно на асфальте...

– Он был такой тихий, неприметный, – прошептала женщина.

Следователь выразил бровями повышенное внимание, почесал ежик седых волос и, не скрывая сарказма, просветил:

– Тихий, говорите... Это был авторитет – вор в законе! Жесточайшая личность. Долго мы за ним гонялись, а достали свои. Знакомый почерк...

Дальше не стал распространяться, просеял взглядом из-под густых бровей наивную женщину и степенно направился к дороге, где у машины собирались отъезжающие сотрудники.

Потом пошел дождь. Дождь был краткосрочный, окатный. Вскоре выглянуло солнце. Небо очистилось – ясное, голубое, запахло остро, свежо.

«Авторитет»... У нее не выходила из головы данная следователем характеристика убитому. За те несколько дней, которые они прожили у старика, она не придала почти никакого значения его личности. Вернее, даже пренебрегла его присутствием... Значит, он имел отношение к неожиданной перемене в поведении местных забулдыг, досаждавших старику? Значит, и почти волшебное появление ее дочери здесь – его заслуга?.. Она не могла не верить Фариде, которая позвонила на ее сотку и, рыдая, сообщила, что Лысый «вычислил» адрес, увез ее дочку. Лысого не так-то просто запугать. Выходит, этот тихий, неприметный человек обладал действительно большой властью, раз ее дочку безропотно в эту же ночь привезли сюда. Так думала женщина, собирая чемодан. Она заметно осунулась, чувствовалось, что это убийство ее потрясло. Боже, как просто оказывается убить человека, только нажать на курок... Она представила мужчину – не улыбочивого, сутулого, молчаливого, который сидел, скрестив ноги, на берегу озера, и губы его чуть заметно шевелились, словно он тихо разговаривал сам с собой, а, может, молился...

Наконец чемодан был собран. Она присела на стул, запалила сигарету, глянула в окно. Во дворе старик что-то рассказывал ее дочке, видно, забавную байку, потому что сам почти по-детски закатывался от восторга. Женщина умиленно улыбнулась. Жалко было расставаться со стариком. Привыкла к этому милейшему человеку, который относился к ней все эти дни, как к родной дочери...

Прощаясь, она подала деду руку. Тот дернулся неловко, прижал ее руку к своей щеке. Старик заволновался, но сдержал свои чувства. У нее в глазах появились слезы. Губы старого шевельнулись – то ли в улыбке, то ли в усмешке. И все же нашелся, не надеясь ни на что, сказал: «Осталась бы... Дочкой была бы и внучка рядом».

Женщина сдавленно промолчала. Старик кивнул понимаю-

ще, отвернулся. Сердце его, наученное терпению, было способно снести и такую боль – разлуку, сохранив при этом в памяти чувство привязанности. Когда она с дочкой уходила, чувствовала, с каким трудом дается ей каждый шаг...

Он же скрылся в доме, чтобы не видеть, как они уезжают. Вдруг захотелось закричать от боли. Он почувствовал себя сиротой под собственной крышей. Было тихо, на душе мутно, только на оконном стекле жужжа билась большая муха. Потом он заметил книгу, которую брал почитать жилец, уже от нечего делать решил положить ее на привычное место на полке, взял в руки и опешил. В книгу была вложена солидная стопка зеленых ассигнаций и записка: «Аксакал, примите, пожалуйста...». Старик растерялся, потом выбежал во двор. Добрая душа, у него мелькнула мысль, что эти иностранные деньги больше пригодятся ей с дочкой. Глянул на дорогу, молодая женщина с дочкой, проголосовав, уже садились в машину. Значит, не судьба? Значит, поздно?.. Старик закрыл уставшие глаза, постоял чуток, потом разлепил веки, огляделся – увидел корову. Подошел, погладил по выпуклому боку, подтолкнул ее легким хлопком под навес, и тут он уловил голоса, замер. Может, ему показалось? Нет, действительно кто-то кричал. Дед дернулся назад, глянул на дорогу. Женщина с дочкой катили по асфальту большой чемодан на роликах и кричали в его сторону, размахивая руками. Он ясно различил их лица – они улыбались, они возвращались к нему. Его дочка и его внучка. Боже, какое счастье! Старик бросился со двора в сторону шоссе, навстречу к ним. Заколесил мелким шагом. Быстрей, быстрей, переходя на трусцу...

Александр КРЯЧУН

ПЕРВЫЙ ТУРНИР РЫЦАРЯ

Рассказ

О себе. Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках.

В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии.

Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

С 2002 года живу и работаю в Санкт-Петербурге. Ежегодно приезжаю в Кыргызстан.

Неоднократно публиковался в «ЛК».

Зима в этом году задерживалась. Шли безгромные и затяжные дожди; с неба сыпались ртутные шарики мокрого бисера. Иногда они иссякали, и на смену дождю с ближних гор сползал дымно-синий туман, прятал за волокнистую толщу коптящее солнце, укрывал мокрые хлопковые поля со скелетами гузапай¹, тихо опускался на поселок, баюкал и без него сонные, непроглядные ночи.

К утру туман иногда рассасывался, и на прозрачном, льдистом горизонте вспыхивала рубиновая заря. Она полыхала далеко за низкими горами, что горбатились темно-серыми кабаньими спинами за частоколом стройных рядов черных тополей.

Окружающая мокрая серость и чавкающая грязь, не спрятанная снегом, мало радовали жителей азиатского села Массы в предновогоднее время. По кривым улочкам бродили собаки и

¹ Гузапая (узб.) – голые стебли хлопчатника.

ишаки. Люди выходили за глинобитные ограды лишь по необходимости. Никому не хотелось месить слякотную жижу, которая затекала в галоши: сапоги в послевоенное время были дефицитом. Лишь только бережливые фронтовики, вернувшиеся восемь лет назад с войны, могли ходить в сохранившихся кирзачах².

Андрей Кротов, ученик пятого класса, жил в крайнем доме с двумя сестрами, отцом и матерью. Недалеко от ограды, окружавшей дом, был крутой обрыв, который являлся берегом своенравной реки Массы-Сай. Переводилось это название с местного, тюркского, наречия – «Пьяная река». Пойма была очень широкой, но сама речка напоминала тощий ручей, который переходили вброд собаки и куры. В прозрачной воде ловилась рыба – маринка и форель. Поймать маринку мог каждый, а вот верткую и осторожную форель редко кто вытаскивал на берег.

По весне кроткая река впадала в «пьяное буйство»: наполнялась до краев грязной жижей, бурлила и кипела, подмывала берега и отрывала их. Падали они в бушующий поток, который с глухим всплеском проглатывал глыбу земли вместе с растущими на ней кустами и травой.

В такие бесноватые дни детей не подпускали близко к реке. Андрея же отец иногда подводил к бурлящему потоку, крепко держал за руку, и смотрели они на селевую круговерть, которая несла в себе кишашее месиво из глины, песка, камня и талых горных снегов.

Летом, когда воды оставалось мало и текла она теплой прозрачной лентой по раскаленным камням, Андрей уходил вверх по реке на целый день. С каждым годом, становясь все старше, он удлинял свой маршрут. Этим летом он дошел почти до снеговых гор. Ему хотелось идти еще дальше, но время клонилось к вечеру и нужно было возвращаться.

Солнце спряталось за «кабаньи спины» хребта, когда Андрей подошел к окраине села. До дома оставалось совсем немного, и можно было искупаться, смыть дневную усталость и пыль. Он свернул к речной протоке и пошел через заросли кустов.

В небе стоял полумрак. Кусты приобрели образы сказочных чудовищ, а огромные черные валуны были похожи на лысые головы великанов, которые старались вылезти из глубокого тесного подземелья, пробивая каменными лбами корку планеты.

² Кирзачи – кирзовые сапоги.

Вдруг среди темноты на мрачной траве он увидел голубое свечение. Подошел ближе, нагнулся и понял, что это светится маленький белый цветок. Единственный. Он держался на тонком волосяном стебельке в шершавой трещине черного валуна. Такого ему еще не приходилось видеть. Андрей подумал, что близна цветка отражает свет первых звезд. Прикрыл его рукой – свечение не исчезло, а просто поползло в сторону. Это был маленький жук-светлячок, который сидел в середине белого цветка. Андрея это немного разочаровало.

Первого сентября в школе, когда все делились впечатлениями о лете, Андрей рассказал про светящийся цветок, умолчав о светлячке. Многие посмеялись, им было интереснее слушать и рассказывать о набегах на колхозные сады и поля, о съеденных в невероятных количествах арбузах и яблоках, об ореховых и фисташковых зарослях в ближних горах.

Андрей, как и все мальчишки, также прошел через все это за время летних каникул, но цветок видел только он. Это никого не удивило. Только Галина Золотарева, которая оправдывала свою фамилию копной рыжих, с золотым отливом волос, сказала: «Пойдем сегодня ночью, покажешь!».

Он хотел оправдаться, что это было давно и цветок уже засох, но не мог отказать ей.

Андрей был единственным из мальчишек школы, не дразнившим Галину: «Рыжик, рыжик, конопатый – убила бабушку лопатой». По весне (это совпадало с разливом буйной реки) вся она покрывалась мелкими пятнами веснушек, которые делали ее серьезное лицо смешным. В это время пронзительные Галины глаза, которые, казалось, могли видеть сквозь одежду, наполнялись гордостью только за то, что Андрей как-то совсем по-взрослому, называл ее «ярким маком на лужайке с блеклыми цветами». Андрею она нравилась, и своим детским сердцем он уже понимал, что тот огонь, что загорается в его груди при виде этой веснушчатой девчонки, называется любовью.

Когда вошли в темный лес, ветки кустов стали хватать за одежду своими костлявыми руками. Галина прижалась к Андрею и прошептала:

– Как страшно. И ты один здесь ходил?

– Ходил.

Андрей замер от прикосновения. Он был готов пройти по

натянутой нитке над пропастью в темноте, лишь бы эта девчонка была рядом.

Он вел ее через черноту леса и думал о том, как скрыть обман — ведь нет никакого светящегося цветка.

– Скоро твоя поляна? – Галине было немного страшновато, но уверенность и смелость Андрея по отношению к Черному лесу, отгоняла страх.

– Уже пришли. Здесь.

Андрей остановился у серого пустого валуна.

Вдруг Галина выпустила его руку и зашептала, будто боясь спугнуть чудо, которое она увидела.

– Смотри, вон там. Это он?

Это был совсем другой камень, другой цветок и, наверное, другой светлячок.

– Да! Это он, – ответил Андрей, – но близко подходить нельзя.

– Почему?

– Это маяк для ночных насекомых. Мы закроем свет, и кто-то может сбиться с пути, – Андрей придумал это для того, чтобы не раскрылась тайна светлячка.

– Эх ты, фантазер. Пошли домой. Теперь я всегда тебе буду верить.

Во дворе у Кротовых росли два высоких вишневых дерева с клейкими листьями, несколько яблонь, и в самом углу большого сада выделялся своей корявостью ствол абрикоса с оранжевыми, похожими на мандарины с картинки, плодами.

Летом в огороде блестели красными боками помидоры, чернильно синели баклажаны, у живой ограды из акации и шиповника желтели огромные цветы тыква, полные пчел. В безветрие по двору кружились бабочки: от простых капустниц с черными волосками прожилки на лаковых крылышках до огромных махаонов, размерами и красотой затмевающих даже цветы крыжовника и роз.

Несмотря на свои тринадцать лет, Андрей в некоторых вещах разбирался лучше, чем его старшая сестра Валентина, и даже кое в чем мог перещеголять и отца. Да и немудрено. Он с самых ранних лет, сколько себя помнил, пропадал на речке. Не хуже любого местного пацана мог из ничего смастерить удочку и выловить мало кому доступную речную форель.

В недалеких горах, до которых было час ходьбы, находились пещеры, в которых когда-то скрывались басмачи. Чего только не осталось в их тайниках: ножи, спички, свечи, гильзы от винтовок и даже боевая граната без запала.

В особой тетради с грифом «Совершенно секретно» в верхнем правом углу у Андрея были зарисованы схемы местоположения пещер, их планы и крестами отмечены тайные склады и засекреченные запасные проходы в лабиринтах.

Андрей очень любил и умел рисовать. Получалось у него лучше всех в школе. Эту оценку дал ему учитель черчения и рисования Владимир Анатольевич Бессонов, который иногда приносил в класс акварельные краски и показывал, как ими работать. Андрея завораживала нежность и чистота этого чуда. Простыми цветными карандашами не добьешься такого богатства оттенков, которые могло давать прикосновение мягкой кисточки к безжизненному белому листу.

Он знал, что такие наборы красок продаются в областном городе, который был слишком далеко, чтобы его мечта о них превратилась в реальность.

Урока рисования ждали многие. Андрей приносил альбом. Где-то в укромном уголке собирались группами ученики, показывали друг другу, что им удалось сотворить за неделю: с альбомных листов словно бы слышны были шум и грохот войны, лязганье танковых гусениц, вой самолетов; зеленые «ястребки» с красными звездами таранили серые курносые «мессеры», при этом уходя безнаказанно в светлое небо, а вниз падали разорванные куски в черных паучьих крестах; с подорванных мостов летели вагоны, из которых высыпались черные фигурки злых фашистов, разбрызгивавших красную воду, которая горела от разлитой нефти... Но почему-то все равнодушно перелистывали страницы с изображением летящего человека. Никого не интересовала судьба человека с птичьими крыльями за спиной.

Книгу про легендарного Икара ему впервые показала Галина Золотарева. Ее дедушка – архитектор Ираклий Самсонович – приехал сюда из Ленинграда: его, как ценного специалиста, отправили в глубокий тыл с начала войны. Отец у Галины погиб на фронте, а мама умерла во время Ленинградской блокады. Дедушка уезжать обратно не хотел, да и Галина, не помнившая большого каменного города, не рвалась обратно. Ей

было хорошо здесь: среди абрикосовых садов, где птиц на деревьях было больше, чем плодов; среди хлопковых полей, раскинувшихся по осени ватными кустами в долине; она любила майской весной уходить с Андреем в недалекие горы за яркими, как ее волосы, тюльпанами и маками; ей нравилось лежать в теплой запруде, наблюдая, как стайки мальков снуют по неглубоким заводям, или ловить верткую форель на сделанную Андреем удочку.

Единственное, что привез с собой из Ленинграда Галин дедушка, – это сотни книг. Они стояли на полках плотно, словно патроны в обойме. Если вытаскивался том, в этом месте появлялась щербина, похожая на выбитый зуб.

Зная, что в Андрее дремлет талант художника, Ираклий Самсонович сам подбирал ему книги по искусству. Но Андрею читать заумное описание картин и скульптур не хотелось – он мало в этом понимал, а вот репродукции и фотографии рассматривал с удовольствием.

Листая толстые тома, они часто с Галиной читали мифы и легенды. Приключения античных героев были так же интересны, как похождения Оцеолы, Чингачгука и мушкетеров. Захватывающая легенда о древнегреческом мастере Дедале и его сыне Икаре особенно потрясла мечтательную душу Андрея. С тех пор не проходило недели, чтобы в альбоме не появлялся летящий человек.

В школу Андрей уходил рано. Еще непуганая ночная тишина лежала на спящих улочках. Его легкие шаги узнавали сторожевые собаки и, даже не поднимая морд с нагретых лап, тихо, про себя, недовольно ворчали. Размоченная частыми дождями дорога скользила. Клейкая грязь липла к ботинкам, образуя на них увесистый ком. Андрей иногда останавливался и, дрыгая ногой, сбрасывал тяжелые глиняные лепешки с дошв.

К школе он подходил в то время, когда дед Игнат подметал с аллеи, выложенных булыжником, почерневшие листья. Мусор, забившийся в межкаменные щели, выметался плохо, и дворник отчаянно махал метлой, будто пытался вычистить до глянца шершавыми ветками помела корявую мостовую.

Дед Игнат был коренастым, маленьким человеком, чуть выше

Андрея, с морщинистым белым лицом, на котором росла спутанная, клокастая седая борода. От постоянного курения самосада усы у дворника были желтого цвета, будто он не умывал это место под носом.

Был он одновременно дворником, сторожем и садовником. Андрей часто помогал ему собирать ветки от обрезки деревьев. Это обычно происходило осенью. Дед Игнат острым кривым ножом срезал ветку и приговаривал: «Что, больно? Потерпи». Затем нагибался, брал горсть земли и замазывал ровный срез сучка.

Андрей уже знал, какие отростки нужно оставлять, а какие удалять, чтобы дерево зря не кормило соком ненужные, неплодородные ветки.

– Что опять в такую рань пришел? Твои друзья еще спят в тепле, а некоторые и просыпаются со звонком на урок – он-то, чай, на все село гремит, ушам больно. Это мне, старику, не спится, а тебе что, мни бока на матрасе да мни, – завел ежедневно одинаковый монолог дед.

Не объяснишь же ему, что нравится Андрею идти безлюдным мокрым утром по сонным улицам, вдыхать влажный воздух и смотреть в предрассветное небо, в котором дрожат затухающие звезды. И мечтать о том, что можно смастерить крылья не на воске, а изобрести другое вещество, которое не растает от солнца, и полететь в бесконечную высь. А люди внизу, маленькие и смешные, будут показывать пальцем и говорить: «Смотри-те, какая большая птица, наверное, горный орел!».

Его не расстраивало, что нет снега. Любая погода его радовала. Особенно любил дожди, нравилось слушать хлопанье капель по листе, шуршание струй в густоте веток, барабанную дробь по дровяному сараю, покрытому жестью, куда он специально заходил слушать стук взрывающихся капель.

До Нового года оставалось десять дней, и предчувствие сказочного праздника сладко щемило в груди. Подойдя к школе, Андрей увидел огромное, на всю входную дверь объявление. Оформлял его, конечно, преподаватель рисования Владимир Анатольевич: овалы буквы, выписанные разноцветными красками, были осыпаны осколками елочных игрушек и искрились, словно заиндевелые на морозе.

Андрей стал читать:

*«31 декабря 1953 года в школьном спортивном зале состоится Новогодний **МАСКАРАД**.*

Участвуют ученики с 5-го по 10-й класс.

Объявлен конкурс с четырьмя призовыми местами:

1. За самый красивый маскарадный костюм.

Приз — шоколадный торт.

2. За лучшее стихотворение.

Приз – книга Д. Дефо «Робинзон Крузо».

3. За лучший танец.

Приз – книга В. Скотта «Айвенго».

4. За маскарадный костюм, в котором его владелец не будет признан до конца карнавала.

Приз – альбом для рисования и акварельные краски».

На последней строчке Андрей даже запнулся и перечитал еще раз: «...акварельные краски». Это была его мечта.

Такие краски он видел только у Владимира Анатольевича. Словно творилось чудо, когда прозрачные мокрые полоски с мягкой кисточки ложились на белизну листа, превращая его в волшебную светлую картину.

Андрей уже стал завидовать тому, кто получит этот необыкновенный приз. И вдруг его осенило: «А почему самому не сделать такой костюм?».

Эта мысль завладела им полностью. Он плохо слушал преподавателей. На листочках бумаги рисовал всевозможных животных, придумывал фантастические профессии для людей: «лепитель снежков», «открыватель бутылок», «ломатель табуреток», «смотритель луны», «зажигатель звезд», «поедатель снежинок» – и зарисовывал их. Все выходило легко и просто на бумаге, но воплотить в натуре – это было нереально.

– Читал объявление? – спросил его Славка, сосед по парте. – Вот тебе бы нарядиться, чтобы не узнали, и получить краски.

Со Славкой Роговым Андрей дружил с рождения, если отнести к началу дружбы их совместное сопение в одной колыбели, когда одна из матерей отлучалась и приносила младенца соседке для присмотра.

Андрей решил начать свою игру в «карнавальную тайну» и на вопрос Славки ответил: «Я на Новый год поеду к бабушке».

Он решил схитрить и пустить слух, будто его не будет на карнавале. Это повысит шанс его неузнаваемости.

– А я тебе костюм придумал, вместе бы сделали. Ради красок можно к бабушке не поехать, – Славка упорно уговаривал друга.

– Не... Я ей обещал. Ждать будет. А что за костюм ты придумал?

– Наденешь мою шубу наизнанку и маску медведя, она у меня есть, вот и все – медведь готов.

– Слишком просто. Очень легкий путь к победе. Я уверен: медведей будет несколько.

– Так ведь главное, чтобы не узнали.

– А если всех, кто будет медведем, не узнают?

– Ну тогда... тогда не знаю. Решат как-нибудь.

– Глупости это. Поэтому я и не хочу идти на этот карнавал. У бабушки интереснее, у нее есть библия столетней давности. Там даже буквы немножко другие, чем наши, но если часто читать – привыкаешь.

– Ты что, Библию читаешь? В религию веришь?

– Я ведь не религиозную, а очень умную книгу читаю.

– Ладно езжай. Я сам наряжусь медведем, получу приз и подарю тебе, – по-дружески ответил Славка.

А в Андреевской голове мельтешили образы карнавальных костюмов: «кот в сапогах», «мушкетер», «солдат», «домовой», «леший», «почтальон», «кочегар». Но все это не подходило. Было уже не единожды опробовано на карнавалах, про которые рассказывала старшая сестра. Нужно было придумать что-то оригинальное, ранее никем не виданное, и остаться неузнанным. Задача была непростой. Но ему верилось, что все получится.

Досидев до конца уроков, Андрей помчался домой. В его детской душе зажглось нестерпимое желание создать неповторимое и победить.

В свой замысел он посвятил только старшую сестру Валентину. Отцу и матери он ничего не сказал – такие мелкие школьные дела родители доверяли детям решать самим. Младшую сестренку, которая ходила во второй класс, он не принимал всерьез.

Валентина училась в восьмом классе, умела шить на материнной швейной машинке и считала себя вполне взрослой. К ней даже приходили «свистуны» – так Андрей называл ее ухажеров,

которые останавливались недалеко от дома и вызывали ее свистом. Валентина, услышав сигнал, подбегала к зеркалу, причесывалась, вертелась и только потом выходила во двор.

В этот вечер уроки учились плохо. Андрей через силу решил математику, сделал упражнение по русскому языку, прочитал по литературе рассказ Чехова и сел за «Историю Средних веков». Нехотя перелистывал страницы, задерживая взгляд на картинках, искал и вдруг замер: на него смотрел закованный в латы рыцарь. «Вот, что мне надо», – осенило его.

Он делает костюм рыцаря – самоотверженного, благородного воина, всегда готового к защите обиженных и угнетенных. Под забралом никто не увидит его лица. Он изменит походку, и пусть все ломают голову над неизвестным пришельцем из Средних веков, попавшим на карнавал в середине двадцатого века.

– Валя, подойди сюда, – позвал он сестру, – смотри. Сделаю из себя рыцаря, и никто меня не узнает.

– Сложный костюм. А успеем? Осталось десять дней.

– Я сделаю из картона только наколенники, налокотники, латы, шлем, щит и меч. Этого достаточно, чтобы быть похожим на рыцаря, – ответил Андрей, набрасывая на тетрадном листке детали костюма.

– Хорошо. Я тебе сошью комбинезон из марли, покрашу его отваром из сажи в серый цвет – это будет похоже на кольчугу, а остальное мастери сам.

В этот же вечер Андрей начал делать выкройки из старых газет для деталей костюма. Все вроде получалось. Для шлема подошло бы небольшое ведро, в котором он носил воду из реки, но, во-первых, мать не даст портить посудину, а, во-вторых, оно очень походило на одеяние немецких воинов, «псов-рыцарей» из кинофильма «Александр Невский», который Андрей смотрел пять раз. Андрей же собирался создать образ рыцаря, излучающего благородство, честь и отвагу.

Со шлемом, он понял, придется повозиться, делая его опять-таки из картона. А где взять материал – Андрей знал.

На следующий день после школы Андрей, оставив дома портфель и даже не пообедав, пошел за картоном. Он теперь жил жизнью разведчика – окружил себя тайной, которую нужно было оберегать, чтобы не сделать осечки и на каком-нибудь пус-

тяке не провалиться. Продумывал все до мелочей. Вот и теперь взял дома большую хозяйственную сумку и деловито, будто за покупками, пошел в сторону магазина.

Там на пустыре за «торговым центром», так местные жители называли длинное облупленное здание из самана³, находилась свалка.

Картонные обувные коробки и фанерные ящики из-под чая, обклеенные изнутри алюминиевой фольгой, складывались отдельной кучей от всего остального, так как шли на домашние нужды населения: картон – на растопку, а фанера – на изготовление поделок, для выпиливания лобзиком и выжигания.

Андрей, оглядываясь по сторонам, посрывал фольгу с нескольких ящиков, затолкав ее в картонные коробки и спрятав все вместе в сумку, облегченно зашагал домой. Даже если кто-нибудь и заметил бы его за сбором коробок – это не вызвало бы никаких подозрений. Мало ли куда требуется картон? Но Андрей перестраховался и шел домой задворками и огородами, обходя дома одноклассников.

Небо вдруг из серого стало черным, тучи затяжелели, и как-то резко, будто оправдываясь за опоздание, посыпал первый снег этого года. Андрей переступил порог дома, стряхнул с себя капли растаявших снежинок и сказал сестре, которая раскраивала ему комбинезон:

– Вот и первый снег, а все боялись, что Новый год голым будет.

– Он может еще с десятков раз растаять и пойти вновь, – ответила сестра.

Очень быстро земля устлалась белым покрывалом, заискрился воздух, замерцали крыши домов, а ветки деревьев начали бинтоваться лентой из мокрого снега.

Усидеть в такую погоду дома трудно. Сестра, увлеченная шитьем, не обращала внимания на позывные «свистунов», а Андрей не реагировал на надрывные голоса друзей, звавших на первые снежные баталии. Чтобы не вызывать подозрений, он обмотал горло материнской шалью и, выглянув в дверь, осипшим голосом врал, что простыл и на улицу не выйдет. Сам же вернулся в угол за печку и продолжал колдовать над сложной системой шлема и крепления к нему забрала⁴.

³ Саман – кирпич-сырец с примесью соломы.

⁴ Забрало – часть шлема, опускаемая на лицо для защиты от ударов.

Все свободное время Андрей проводил среди кучи картонных обрезков, кусочков фольги, обрывков ниток. Руки были иголкой и вымазаны в клейстере⁵.

К концу четверти нельзя было получать плохих отметок и приходилось много заниматься, готовить уроки, которые, как на зло, плохо усваивались, поскольку голова была забита проблемами подготовки к маскараду.

Наколенники и налокотники он обклеил серебристой фольгой, и они приобрели вид настоящих железных прикрываний от ударов меча и копий. Пришил к ним по две резинки, чтобы удобно и прочно крепились на коленях и локтях. Латы⁶ на спину и грудь просто вешались на плечи и связывались по бокам шнурком.

Руки у Андрея, привыкшие с малых лет что-либо мастерить, превратили серые картонные вырезки в нарядные, боевые, почти настоящие латы, которые он обклеил фольгой и старательно разгладил морщины столовой ложкой.

Со шлемом Андрей возился долго. Картон плохо склеивался на упругих стыках, и его пришлось вначале сшивать нитками, а потом обклеивать фольгой. Зная, что найдутся любопытные, которые захотят взглянуть на его лицо, он преднамеренно сделал так, чтобы забрало не поднималось.

Валентина приняла позицию Андрея, и так же стала говорить всем, что они с братом уезжают на Новый год к бабушке в соседнее село.

Самым опасным уроком, где, даже выучив задание, можно было схлопотать двойку, считалась география. Этот предмет Андрей знал хорошо, но из-за преподавателя Зинаиды Зиновьевны, или, как ее прозвали в школе, Метлы, чуть ли не возненавидел любимый предмет. На этот урок ученики шли словно на порку розгами.

Зайдя в класс, преподаватель обычно никогда не начинала разговор с темы урока, а выбрав кого-нибудь из учеников, принималась критиковать его своим скрипучим голосом. Ни в чем неповинная жертва сидела, насупясь и не понимая, почему именно она стала объектом разбирательства. Обрушивалась она обычно

⁵ Клейстер – самодельный клей из муки и крахмала.

⁶ Латы – металлические доспехи на грудь и спину, защищающие от холодного оружия.

на мальчишек. Девчонок не трогала, то ли от солидарности с женской половиной, то ли придаться было не к чему. Начинала, как правило, с обуви: нечищена, шнурки болтаются, переходила на острие стрелок брюк, доставалось не белой, а в клеточку рубашке, не так завязанному галстуку и заканчивалось все прической...

Только в прошлом году Зинаида Зиновьевна окончила институт, приехала по распределению из столицы и была зла на весь белый свет за то, что ей достались: «захолустная» школа, «отсталые» и «тупые» ученики, не нашедшие своего места в больших городах и осевшие на периферии преподаватели и «дыра», где днем с огнем не отыщешь подходящего жениха.

Как самую молодую среди преподавательского состава, директор школы Мирослав Николаевич назначил ее еще и пионервожатой.

Была Зинаида Зиновьевна худой, похожей на черенок от метлы, девушкой. Прозвище Метла ей подходило, если учесть и то, что, обращаясь к ученику, плохо отвечающему урок, она любила повторять фразу: «Таких, как ты, в столице вымели бы из школы поганой метлой».

Получить пятерку на ее уроке было событием для всей школы. Круглая отличница Люба Голубкина, безукоризненно знавшая предмет, однажды смогла чересчур вразумительно ответить на неожиданные придирки, вылившиеся в конфликт.

– Куда впадает Волга? – спросила Зинаида Зиновьевна Любу.

– В Каспийское море.

– А почему?

Люба замешкалась, но ответила:

– Так нарисовано на карте.

– А почему так нарисовано на карте? – придиралась учительница.

Люба была очень одаренной ученицей с хорошей памятью. Она призадумалась, улыбнулась уголками губ и начала отвечать:

– Для нас является несомненным, что тонкая оболочка земли есть кора, отвердевающая на поверхности огненно-жидкого ядра планеты, остывание и сжатие которой совершается безостановочно. Сморщивание отвердевающей коры и непрерыв-

ная геологическая деятельность воды – вот те естественные действующие причины, которые изо дня в день работали над медленным преобразованием земной коры и покрывающих ее низменностей, равнин, возвышенностей и гор. Мы теперь знаем, что горные массы Валдайской возвышенности, где находится исток одной из могучих рек Европы – Волги, потребовали для образования не тысячелетий, а многих миллионов лет...

– Хватит! Умная очень, – перебила Любу учительница, – садись, «четыре».

Люба дернула ножкой, надула губки и дерзко ответила:

– Вам, Зинаида Зиновьевна работать бы инквизитором.

Тут случилось невероятное: лучшую ученицу школы выгнали из класса, повелев без родителей не приходить.

Люба гордо закрыла за собой дверь.

На второй день она пришла с отцом. О чем была беседа за закрытыми дверями учительской, знали только директор Мирослав Николаевич, Зинаида Зиновьевна и Любин отец. Этот разговор остался тайной, но с тех пор отметки по географии стали ставиться более-менее справедливо.

Директора школы Мирослава Николаевича, бывшего разведчика, уважали все: от неисправимого двоечника до чиновников областного отдела народного образования. Он всегда держался со всеми открыто, никогда не повышал голоса на провинившегося. У него не было специального педагогического образования, но он был педагогом по призванию – мог тихим, но твердым словом внушить то, чего другие не добивались криком.

Директоров после войны не хватало, и он, агроном в мирной жизни и разведчик в военной, согласился на эту беспокойную должность по решению партийного комитета района, куда был направлен из столицы для подъема сельского хозяйства сразу после демобилизации.

Жил Мирослав Николаевич один в комнате при школе. К нему запросто можно было заходить в любое время. В углу комнаты стояли ветхое кресло и старый, устланный полинялой клеенкой стол, на нем ваза с цветами и всегда полная окурков пепельница. Вся стена над железной кроватью была увешана фотографиями одной и той же красивой женщины. И только на одной, самой маленькой, она была с Мирославом Николаевичем. Оба были в белых одеж-

дах: она – в приталенном ослепительном платье, он – в парадном кителе с кубиками лейтенанта в петлицах.

Все мы знали, что он закончил войну подполковником. Значит, между той фотографией и последним званием была война, на которой не стало этой красивой женщины. Исчезновение ее сделало директора одиноким.

Андрей часто встречал Мирослава Николаевича в доме Галиного дедушки. Обложившись книгами, директор много писал. Ираклий Самсонович как-то сказал, что Мирославу Николаевичу нравится работа директора школы и он поступил заочно в педагогический институт.

Преподаватели ждали, наверное, каникул с большим желанием, чем ученики, и старались не тянуть последние уроки, а объявив отметки за четверть, отпускали на свободу.

Урок пения в школе вел Сергей Дмитриевич, из-за своего высокого роста прозванный Метром Сантиметровичем. Контуженный на прошедшей войне, с трясущейся головой, он всегда молча входил в класс, доставал из футляра трубу, прикладывал блестящий мундштук к губам и начинал играть.

Казалось, что учитель пения мог сыграть все: от его любимого «Вальса на сопках Манчжурии» до многоголосой фуги Баха.

На его уроках можно было играть в «морской бой», есть бутерброды, писать записки, читать художественную литературу, решать примеры по математике, но нельзя было шуметь. Музыка прощала все, кроме шума.

Метр Сантиметрович, как всегда, играл «Вальс на сопках Манчжурии». Андрей слушал музыку трубы и смотрел в окно. Там искрился снег. Во дворе несколько ворон дрались из-за куска, рядом прыгали воробьи, подбирая отлетающие крохи. Поодаль сидела школьная собака Думка, склонив голову набок, она наблюдала за дракой ворон, не вмешиваясь в их свару. Думке хорошо жилось на школьном дворе: ее никто не обижал, кормили вдоволь. Она даже забывала, куда прятала «про запас» куриные косточки и бутерброды, что приносили ей из дома девочки. Только во время каникул ей приходилось туговато: она бегала по территории школы, искала свои тайники, выкапывала спрятанную в период сытой жизни еду. И сейчас, в предчувствии зимних каникул, она только что закопала несколько костей и си-

дела, наблюдая за вороватыми птицами: не видели ли они, где ее тайник?

Урок пения был последним перед началом каникул. Проиграв мелодию, немногословный Сергей Дмитриевич стал зачитывать оценки по пению за четверть. Можно было сказать: «Всем пятёрки!», но учитель называл фамилию и говорил отметку. Он наслаждался тем, что у него, единственного преподавателя в школе, все ученики – отличники. Другой отметки получить было нельзя, так как никто не учил нот, не декламировал и не пел песен, не учился играть на музыкальных инструментах. Все годы только слушали музыку, и она приносила удивление и восторг. Музыкант мог выдуть из трубы плач и смех, выудить квакающие рулады, прикрывая раструб ладонью, а то изобразить такой силы хrap, что можно было подумать: в классе спят слоны.

Когда прозвенел последний звонок в этой четверти, расхотелся никто не хотел. Начали обсуждать завтрашний маскарад.

Все знали, что Пашка будет в костюме мушкетера, который перешел к нему по наследству от старшего брата. Славка нарядится медведем. Любе Голубкиной родители привезли из областного города готовый костюм лебедя, она училась стоять на носках красных ботинок и репетировала танец «Маленьких лебедей» из балета Чайковского. Первый приз за лучший костюм ей был обеспечен. Но Любе даже без костюма можно было дать самую высокую оценку – так она была умна и красива. В нее были влюблены почти все мальчишки от первого до десятого класса. Один Андрей был к ней равнодушен. Ему нравилась веснушчатая рыжая Галка Золотарева, которая была восхищена Икаром. Из-за нее и Андрей проникся большим уважением к летающему, но неосторожному человеку. В его альбоме поэтому Икар встречался чаще, чем батальные сцены: то он летел, широко раскинув крылья, то падал, обгоняя парящие разбросанные перья и капельки воска, а то лежал на черных камнях и глядел невидящими зрачками в гибельное небо.

К Андрею подошла Галина.

– Ты действительно уедешь к бабушке? – спросила она. – А я хотела помочь в изготовлении костюма. Жаль, что краски не достанутся тебе.

Не мог Андрей лгать ей, он знал, что Галина никому не расскажет, но пришлось все-таки не делать исключений, и он, потупив глаза ответил:

– Да, уезжаю. Сегодня вечером. Привезу тебе яблок.

– Не нужны мне яблоки, – ответила Галина и ушла вслед за остальными учениками, покидавшими класс.

Андрей понуро брел домой и думал о Галине. Ведь все равно тайна раскроется, и получится, что он ее обманул. Обманул второй раз, первый – со светящимся цветком. Не сказал правды – значит обманул. Стоила ли его ложь какой-то коробки с красками? Но Андрею уже не хотелось красок, он просто желал победить.

Вечером, облачившись полностью в костюм, он подошел к зеркалу. На него смотрел настоящий рыцарь, закованный в серебряную броню. Щит имел форму березового листа, посредине которого Андрей нарисовал красное сердце и обвел его желтой краской. Оставшуюся часть оклеил фольгой.

В груди щемило от радости, что костюм удался и узнать его в нем невозможно.

– А это что за крестonosец? Вот чем вы занимались, – в комнату вошла мать, – разве можно такой костюм надевать?

– Я не крестonosец, я благородный рыцарь Пурпурное Сердце, – как-то сразу у Андрея родилось красивое имя, – почему же нельзя надеть этот костюм? Очень красиво.

– Ох, горе ты мое. Не будет тебе удачи в этом одеянии. Можно было другое придумать. Надел бы отцову шубу наизнанку, взял бы маску медведя у Славки – вот и медведь.

– И ты с этим медведем. Все! Уже поздно думать про другое. Маскарад завтра. Только ты никому не говори про костюм. И если кто меня спросит завтра, скажи, что я уехал к бабушке.

– Что за тайна?

– Если меня никто не узнает на маскараде, мне дадут приз – акварельные краски.

– Краски? Мы же обещали тебе привезти их, как только поедем в город.

– Ну, это когда будет?

– Хорошо. Ради мечты можно нарядиться и чертом, – согласилась мать.

Она хорошо знала упрямый нрав своего ребенка и была довольна тем, что сын, несмотря на свои тринадцать лет, все-

гда добивался того, чего хотел. Была это не всегда понравившаяся ей цель, но она верила, что из парня вырастет настоящий человек.

Утро дня карнавала было необычным. Снег, величиной с грецкий орех, валил мохнатыми хлопьями. Сплошная белая стена из кружащихся снежинок быстро покрыла серый наст. Андрей сидел перед окном, смотрел, как снежинки наваливаются друг на друга, подрагивают и медленно оседают под тяжестью других, падающих сверху.

Ему хотелось выйти, упасть на пушистый ковер, ловить ртом снежинки и думать про Икара, Галку, карнавал и рыцаря Пурпурное Сердце.

Но нужно было разрабатывать план – как он будет пробираться к спортзалу. Если его заметят, все пойдет насмарку еще до начала карнавала. Он решил направиться в обход: спуститься с обрыва и по пойме реки обойти школу с противоположной стороны, а там, в кустах, переодеться и идти на маскарад уже в костюме. План одобрила и сестра. Она будет сопровождать его.

Валентина убирала комнаты, мыла полы. Андрей, как всегда, растапливал печь. Это занятие он не доверял даже матери. Ему нравилось смотреть на огонь, видеть, как загорались первые стружки от поднесенной им спички: пламя начинало лизать толстые дрова, а потом потихоньку въедаться в сухое дерево. Дальше огонь все сильнее и сильнее обволакивал топку, становился ярче и жарче, начинал ненасытно гудеть и метаться в тесном нутре печки. Когда на улице темно, Андрей гасил свет лампы, открывал печную дверцу и смотрел, как на стенах — словно в цветном кино — пляшут сказочные красные блики. Иногда он подносил к дверце вырезанные из картона фигурки людей и животных и показывал сестрам нечто похожее на будущие мультфильмы.

Время тянулось медленно. Андрею не хотелось даже рисовать. В обед с утренника пришла младшая сестренка и с порога сообщила:

– А я знаю, ты будешь старинным солдатом на карнавале. Я видела твой красивый костюм за печкой.

Андрея бросило в жар.

– Ты что? Рассказала уже всей школе?

– Нет. Я знаю, что это тайна. А тайну нельзя рассказывать.
– Молодец. Про меня кто-нибудь спрашивал?
– Да, спрашивал Славка. Спросил: почему я не поехала с тобой к бабушке?

Андрей понял, что совершил ошибку, не предупредив сестренку.

– А ты?

– Сказала, что поехал один. Я же знаю, что это тайна, а во время тайны можно немножко обманывать. Я сделала правильно?

– Молодец! – еще раз похвалил он сестренку, поняв, что зря недооценивал ее сообразительность.

– Жаль, мне нельзя на карнавал.

– Ты еще маленькая. У тебя был утренник.

– А мне хочется посмотреть карнавал, чтобы никто друг друга не узнавал. А на утреннике наоборот, у кого были костюмы – хотят, чтобы все их знали, – по серьезному рассудила она.

– Доучись до пятого класса – будет и у тебя карнавал.

– Как долго ждать, целых три года.

– Другие ждут всю жизнь, чтобы надеть свой лучший костюм. Он у них стареет, его съедает моль, и в конце концов его выбрасывают на свалку.

– С тобой нельзя разговаривать. Надо быть веселым, а ты непонятное говоришь, – обиделась сестренка и ушла, прижимая к груди принесенный с утренника новогодний подарок.

С неба все валила снежная мешанина. Словно оправдываясь за слякотное начало зимы, природа решила наверстать упущенное и заваливала снегом землю, дома и деревья.

Подшло время собираться. Андрей надел комбинезон «кольчугу». Пришитые сестрой ватные наплечники расширили его грудь. Рыцарский шлем был завернут в материнскую шаль. Под правую пятку, в ботинок, Валентина вложила скомканный кусочек материи. От этого появилась небольшая хромота, что изменило походку и создало облик раненого бойца-рыцаря.

Андрей облачился в отцовский тулуп, поднял воротник и стал похож на школьного сторожа деда Игната.

Валентина несколько раз приоткрывала дверь и выглядывала на улицу. Уже смеркалось, но было не настолько темно, чтобы проскочить небольшое расстояние от двери до обрыва незамеченными.

Вскоре темень опустилась на поселок. Луна спряталась в глубину мрачного неба. Серый свет сочился из выпавшего снега. Черные зигзаги кустарниковых стволов были похожи на конечности замурованных в землю скелетов. Они будто вырывались из-под слоя грунта и тянули костлявые руки к небу, шевеля верхушками, словно бескожими пальцами.

Тропинку завалило, но Андрей и с закрытыми глазами мог ориентироваться в приречных кустах, которые местные жители именовали лесом. Словно партизаны, брат и сестра крались между черных кустов, чтобы подойти к школе с задней стороны, где кустарник подступал вплотную к школьному забору, через который было проделано множество лазов.

Стояла такая тишина, что было слышно, как шелестят снежинки, задевая о голые ветки. Снег под ногами не хрустел, а вминался с легким стонущим скрипом.

Вдур впереди послышались голоса. Андрей остановился, острый холодок пробежал по спине. Он прижал к груди щит и стиснул рукоять деревянного меча, будто вторгались они в стан врага и при их обнаружении могла начаться кровавая сеча.

– Тихо. Там люди, – прошептал он.

Брат с сестрой остановились и стали прислушиваться к ночи. Но вокруг стояла немая тишина, только легко шуршал снег.

– Показалось, – тихо сказала Валентина.

Становилось страшновато, будто среди знакомых зарослей их могла подстеречь опасность.

Но впереди вдруг снова послышались голоса, блеснул огонек – зажглась спичка. Простояв минуту, которая показалась им часом, Андрей сказал:

– Это старшеклассники забрались сюда покурить. Пошли в обход.

Пришлось свернуть в кустарник, лезть почти в непроглядную чащу. Покрытая снегом местность сильно изменилась, но Андрей не боялся заблудиться. В полумраке он различал знакомые, не единожды обследованные огромные валуны и прогалины с бугорками дров для костров.

Они пробирались по узкой тропинке среди кустов шиповника. Яркие ягоды даже в полумраке излучали матовый рябиновый свет, и словно вся речная пойма была заполнена сказочными животными, которые спали с открытыми и красными от слез глазами.

Светящиеся окна школы были видны издалека. Сквозь чистые стекла виднелась елка, которая искрилась множеством блестящих игрушек. В оконных проемах сновали темные силуэты.

– Подошли вовремя – сказала Валентина, – переодевайся.

Андрей скинул тулуп, надел шлем, взял в руки щит и меч. Отступив на шаг сказал сестре, словно идя на ее защиту:

– Ты уходи, уноси одежду. Я вернусь домой в этом одеянии. Мне не будет холодно, – его голос, не находя выхода из шлема, звучал глухо.

– Тебя даже не узнаешь по голосу. Здорово! Ну, ни пуха, ни пера. Возвращайся с победой, – сестра помахала рукой, – я пошла.

Ночь будто качалась в колыбели зимы. Белые хлопья снега, пронизывая черное небо, вспыхивали, лова на себе отражение единственного фонаря, стоящего у ворот.

Словно серебряный призрак, Андрей вышел из темноты кустов и направился к школе.

Дежурившие перед входом две старшеклассницы строго спросили: «Из какого класса?». Воткнув меч в снег и прислонив к нему щит, он показал им семь пальцев. Андрей чувствовал себя в рыцарском одеянии старше и сильнее.

– Проходи, – сказала одна из дежурных, – загадочный рыцарь.

Андрей похромал к двери.

На него сразу взглянули сотни глаз: из-под очков, масок, прикрытых вуалью из марли и просто открытых и веселых. Он понял, что его костюм выделяется своей оригинальностью. Повсюду сновали: «лисы», «волки», «медведи», «повара», «мушкетёры», «коты в сапогах», «короли», «принцы» и «принцессы». Среди этого разнообразия мелькнула цыганка с рыжей челкой.

Не узнать ее было нельзя – это была Галина Золотарева. Она и не пыталась скрыть себя, но даже под париком и гримом Андрей узнал бы ее. Была она в цветной широкой юбке, сшитой из материнского платка. С огромными серьгами из колец для оконных штор она действительно походила на цыганку – особенно своими пронзительными кошачьими глазами. Только рыжина не вязалась с обликом черноволосых обманщиц.

По мере продвижения в глубь зала все больше и больше на него обращали внимания. Его обступили со всех сторон, трогали шлем, латы, восхищались.

Ни у одного Андрея была идея остаться неузнанным. Он

заметил несколько закрытых костюмов, и в него закрался дух соперничества. Внимательно приглядевшись к одному из «медведей», наглухо закрытому звериной маской, он сразу признал в нем друга – Славку. На нем был его полушубок, вывернутый наизнанку, но подпаленный низ сразу выдавал своего хозяина.

В центре зала, у самой елки, стояла Люба Голубкина в ослепительно-белом костюме, изящным вопросительным знаком была выгнута лебединая шея, маленькая птичья головка касалась желтым клювом ажурной серебряной короны на голове красавицы. За спиной колыхались блестящие крылья, словно у ангела, сошедшего с небес.

«Невеста Икара», – подумал Андрей.

Люба была естественнее и красивее елки. После того как закрылась за Андреем дверь, взгляды оторвались от «лебедя» и остановились на «рыцаре». Люба дернула ножкой, в глазах вспыхнул огонек ревности, но не надолго. Она поняла, что рыцарем может быть только мальчишка, а значит, не конкуренция.

Андрея окружила толпа и посыпались вопросы:

– Вот это костюмчик. Как настоящий.

– Ого, рыцарь. Из-подо льда выплыл. А как ты добрался с Чудского озера?

– А кто это?

– Да это Колька из седьмого.

– Не. Тот выше. Судя по росту – это шестиклассник.

– Гришка это, из шестого. Я видел, как он меч вчера строгал, – прыгал вокруг Андрея четвероклассник, пробравшийся на маскарад.

Кто-то подскочил сбоку и попытался открыть забрало, но Андрей просчитал этот вариант и намертво пришил его к шлему. Даже свои коричневые ботинки он перекрасил в черные, истратив на это целую баночку гуталина.

– Ты посмотри, забаррикадировался, не подкопаешься, пес-рыцарь! – зло прошептал тот же парень.

Андрей узнал этого тонкогрудого, с костистым лицом ученика из шестого класса. На нем был костюм клоуна: левая штанина и правая сторона блузы была синей, а правая штанина и левая часть блузы – красной. На животе пришиты две огромные пуговицы, обтянутые белой материей. Голову украшал шутовской колпак, вымазанный в неопределенный цвет.

Пожираемая жадным любопытством, толпа сопровождала рыцаря, стараясь по какой-либо оплошности определить хозяина костюма.

Иногда из какого-нибудь угла зала раздавался крик: «Узнали!» – и называлось имя. Оpoznанный ученик под общее ликование разоблачителей снимал маску, и к нему сразу терялся интерес.

Узкое забрало ограничивало поле зрения, но Андрей не выпускал из виду рыжеволосую цыганку. Галина ходила по залу, гадала, постепенно приближаясь к нему. Он боялся: если она подойдет – с ним что-то случится, он исчезнет.

Будто услышав его опасения, «цыганка» повернулась к нему. Андрей почувствовал, как под ним закачался пол. Ему захотелось превратиться в комара, вылететь через щель забрала на морозный воздух и умереть.

Из-под рыжей челки на рыцаря глянули жгучие глаза, в них блеснуло множество ярких точек – отражение от елочных шаров, и была какая-то притягательная сила, от которой у Андрея перехватило дыхание, заколотилось сердце. В ушах зазвучал ее голос:

– Дай твою ладонь, рыцарь!

Андрей переложил меч и протянул правую руку. Галина взяла ее. Он думал, что умрет от прикосновения тонких пальцев.

– Ты почему дрожишь, Рыцарь с красным сердцем? – цыганка лукаво повела глазами и стала изучать его ладонь.

Андрей чувствовал, что лицо его горит, наверное, оно было краснее цыганского платья. Но под шлемом, сквозь забрало, Галина видела только черную пустоту.

– Я вижу твоё прошлое, – продолжала Галина, – ты храбрый воин. В будущем тебя ждет большая и удивительная жизнь. Ты будешь художником, но у тебя, как у твоего любимого героя, будут часто обгорать крылья, и ты будешь больно падать на землю, но до своего Солнца долетишь. Ничего мне не отвечай, я желаю тебе удачи.

«Узнала!» – понял Андрей.

– Пока, рыцарь! – сказала Галина и нежно погладила его руку.

Андрей застыл, как столб, не в силах сдвинуться с места. В ушах стоял голос Галины, и горела ладонь от ее прикосновения.

В зал с посохом, сделанным из черенка метлы, вошел Дед Мороз. Это был преподаватель рисования – Владимир Анатолье-

вич – в ватной бороде, в красной шубе, окантованной ватой с нашитыми на нее белыми звездами. За ним важно, словно индюк в курятник, входила Снегурочка в ватном кокошнике⁷, облепленном осколками зеркала, и марлевым накрахмаленном сарафане, перетянутом на месте талии красным шнурком. В ней все узнали старшую пионервожатую и преподавателя географии Зинаиду Зиновьевну. Она стояла рядом с посохом Деда Мороза, и кто-то тихо произнес:

– Смотрите. Две «метлы» рядом.

Вокруг засмеялись.

Снегурочка обвела всех взглядом и остановила свой цепкий куриный зрачок на Андрее.

– Рыцарь, подойди сюда, – сказала она строго.

Что-то нехорошее послышалось в ее голосе. Андрей подошел.

– Фамилия?

Рыцарь отрицательно замотал головой.

– Ты знаешь, в кого ты нарядился? – гневно продолжала Зинаида Зиновьевна.

Андрей кивнул.

– Ты учил, наверное, историю: таких псов-рыцарей, в кого ты облачился, топили в Чудском озере.

Рыцарь замотал шлемом.

– Значит, не знаешь ты истории и не учишь ее уроков. Ты похож на фашистского наймита⁸.

Андрей оторопел от такого сравнения. Ему захотелось закричать в глаза учительнице, оскорбившей его: «Я не наймит, я рыцарь. Рыцарь!».

В это время Дед Мороз что-то шепнул на ухо Снегурочке.

– Потом поговорим, – Снегурочка пошла развлекать детей.

Интерес к рыцарю возник с новой силой, так как остальные костюмы расшифровывались один за другим. Возле него крутились ученики, заглядывали в черные прорезы забрала, но тщетно. Некоторые даже устраивали спор по поводу его затаенности. Подошли два старшеклассника. Один из них спросил:

– Рыцарь, скажи, ты Генка из шестого «А» или Вовка из седьмого «Б». А то мы поспорили, кто из нас прав?

⁷ Кокошник – головной убор с поднятой надо лбом передней частью.

⁸ Наймит – наемник.

Андрей замотал головой.

– Да он не скажет. На приз тянет, – сказал второй.

– А почему мы, действительно, пристали? Все уже узнаны, он один остался. И заслуживает награды, – старшеклассники отправились дальше.

Эти слова подбодрили Андрея. Он уже мечтал, что за период каникул изрисует весь альбом. Представлял, как его бронзовый Икар, с белыми, как у лебедя крыльями, летит к желтому огромному солнцу.

В зале захопали. Андрей пробился поближе к елке. Дети декламировали стихи. Публика одаривала их аплодисментами, а Дед Мороз – конфетами.

– А сейчас, претендент на главный приз Люба Голубкина станцует «Танец маленьких голубей». Автор – Чайковский, – объявила Снегурочка.

– Лебедей... – поправил ее Дед Мороз.

– Да, лебедей. «Танец маленьких лебедей» станцует Люба Голубкина. Автор – Чайковский, – повторила Зинаида Зиновьевна.

Сергея Дмитриевича не было видно. Откуда-то со стороны, из лабиринтов складов и раздевалок спортзала, вытесняя комковатую тишину, послышался голос трубы. Вначале он пролетел по свободному пространству над головами, а потом полностью завладел залом, просочился во все затаенные уголки, где до него жило безмолвие. Чистый, словно свежеевымый, звук опустился к слушателям и замер у елки, где «Белая лебедь», встав на носки ботинок, словно балерина на пуанты⁹, танцевала танец. Все с замиранием смотрели, как колышутся и машут, словно прощаясь с кем-то, крылья за спиной самой красивой.

Андрей завороченно смотрел вперед, но глядел он не на «Белую лебедь», а на «цыганку», которая стояла напротив. Их отделяла сцена, образованная вокруг елки. Галиной можно было любоваться смело, ведь под шлемом никто не видел, куда направлен его взгляд. Ладони еще помнили ее прикосновения, и оставшимся от этого теплом он грел рукоятку меча.

Музыка стихла, словно спряталась опять в темный угол до следующего танца. Люба грациозно поклонилась и поплыла к апло-

⁹ Пуанты – балетные туфли с твердым носком.

дировавшим зрителям. Лицо ее светилось ярче елочных гирлянд.

Труба в этот вечер больше не зазвучала – танцевать никто не хотел.

Стихотворений декламировалось много. Читали даже стихи из школьной программы.

В зале висела неподвижная духота, от пота картон шлема внутри стал влажным, и Андрею казалось, что в его ноздри напихали жеваной бумаги. Было трудно дышать, но он должен был доиграть свой первый рыцарский турнир до конца и победить.

К Андрею уже никто не приставал – всем было ясно, что он единственный, кого не узнали на этом празднике, что он достоин победы.

– А сейчас мы подведем итоги конкурса, – Снегурочка вышла к елке и достала листок с текстом. – Первое место несомненно и бесспорно присуждается Любе Голубкиной, ученице пятого класса.

Все захопали. Люба подплыла к Зинаиде Зиновьевне и приняла из ее рук коробку с шоколадным тортом.

– Но это не все, – Снегурочка подняла руку. – И третий приз, за лучший танец, присуждается также Голубкиной.

Зал вновь захопал, так громко, что закачалась елка. Люба приняла толстый том, перетянутый алой лентой, поклонилась и отошла, словно уплыв по озеру. Головка картонного Лебедея стучала желтым клювом о заслуженную корону ее обладательницы.

– Приз за лучшее стихотворение не присуждается никому, потому что в произведениях, которые декламировали ученики не было выражено объективное отношение нашего правительства к счастливому проведению такого веселого праздника, как Новый год! – процитировала Зинаида Зиновьевна по бумажке.

Зал молчал. Напряженная тишина, смешавшись с душным воздухом повисла под потолком. Было слышно, как зашуршала золотистая канитель¹⁰ на елке, поддуваемая холодным воздухом из приоткрытой двери.

Все ждали концовки и поглядывали на рыцаря.

– Особое мнение хочу высказать насчет четвертого условия конкурса, – продолжала Снегурочка. – Все вы его видите. Но что это за костюм? Это одеяние нашего вероломного врага.

¹⁰ Канитель – очень тонкая металлическая нить.

Пусть он не снимает маски, пусть будет неизвестным для нас, а образ пса-рыцаря останется на его совести.

Андрей оторопел. Он не ожидал такого.

– Пусть он покинет зал и скажет спасибо, что ему разрешили побыть с нами, а не выгнали сразу, – продолжала пионервожатая, – здесь не место для пропаганды одеяний наших врагов.

Андрею захотелось сорвать с себя душный шлем и закричать в повисшую тишину: «Не пес я, не пес! Я рыцарь, рыцарь!». Но он повернулся к двери и в полном безмолвии пошел к выходу. Словно безглазый, он ловил ориентиры в узкой щели забрала и двигался вдоль живого коридора расступившихся учеников. У порога он споткнулся. В другой ситуации его неловкость была бы осмеяна, но здесь тишина не шелохнулась.

Слезы обиды потекли сами собой. Хорошо, что под забралом не было видно мокрых щек – ведь рыцарю не полагается плакать.

Домой Андрей вернулся продрогший и измученный. Снял с потной головы шлем, скинул холодную одежду, сбросил в кучу за печку рыцарские доспехи и упал на кровать. Его знобило. Вошла мать.

– Ну, как маскарад? Получил приз? – спросила она.

– Мне, мама, не до приза. Голова шумит, – ответил Андрей, еле ворочая языком.

– Да у тебя жар, – мать приложила ладонь к его голове, – лежи, не вставай. Сейчас приготовлю лекарство.

Она никогда не пыталась у сына, что с ним произошло – ждала, когда расскажет сам. И сейчас поняла, что произошло что-то неприятное, но не стала расспрашивать. «Поправится, сам изольет душу», – думала она.

Но Андрей не собирался этого делать. Его гордость (рыцарская) не могла снизойти до жалоб и сюсюканий. Он замкнул свою тайну в себе – на маскараде не узнали, кто он, а дома пусть не знают, что было там.

Ночью Андрея бил озноб. Он закутывался в одеяло, сворачивался калачиком, но все равно все тело пробивала зябкая дрожь, которая сменялась жарким и потным удушьем.

Только под утро Андрей забылся тревожным, коротким сном. Ему привиделся кошмар: Зинаида Зиновьевна, одетая в крас-

ную мантию инквизитора, указывала костистым пальцем в сторону огромного кострища и с визгом кричала: «В огонь его! В огонь!». Тут же Андрея хватили люди в медвежьих масках и бросали в костер, полыхающий из картонных коробок. Ему было жарко, не хватало воздуха. Он задыхался и будто умирал. А в небо улетала его душа, похожая на Галину Золотареву, с крыльями Любы Голубкиной, но склеенными воском, как у Икара. От жара костра воск таял, и душа Андрея падала обратно в его тело. И так несколько раз.

Проснулся он поздним утром. Сон оставил ощущение тревоги и неустроенности. На табуретке возле пустого стакана из-под малинового чая стоял кулек с новогодними подарками. Елка светилась разноцветными шарами. В каждом из них Андрей разглядывал отраженные оконные переплеты. Ощущения праздника не было. В висках стучали молоточки – это, ускоряя бег, металась по венам его разогретая инквизиторским костром кровь.

Андрей повернулся на спину и стал смотреть на трещину в потолке. Он изучал ее постоянно. Было заметно, что она продвигалась. Еще в прошлый Новый год он загадал: «Если она через год упрется в стенку – его ждет удача». До намеченной цели оставался миллиметр.

Андрей закрыл глаза и стал думать по-взрослому: из первого рыцарского поединка он вышел с поражением, но непобежденным. А сколько еще поломаются копий и набьется шишек в его жизни о преграды, через которые должен пройти? Пусть окривевшим, переломанным, опутанным несправедливостью и ложью. Но пробиться и выйти на путь справедливости к намеченной цели.

Сестра Валентина пришла только к обеду.

– Ну и как? Победил? Покажи краски, – она была уверена, что брат победит.

– Победил, но проиграл, – ответил Андрей и рассказал всю правду.

– Не расстраивайся. Самое главное, что ты достиг своей цели – тебя никто не узнал. Значит, ты победил. Ты ПО-БЕ-ДИ-ТЕЛЬНО! – несмотря на бессонную ночь, проведенную в гостях у друзей, Валентина была веселой. – А этой Зинаиде Зиновьевне еще отольются слезы учеников. Выздоровливай.

В своей короткой жизни Андрей почти не болел. Себя он

считал закаленным, так как едва сходили снега, он начинал ходить босиком по еще не просохшей земле, которая таила в себе липкую студенистость зимы. А летом ступни ног, не знавшие обуви, покрывались толстым мозолистым наростом, благодаря которому можно было не бояться раскаленного песка и сухих злых колючек.

Сейчас он понимал: не прохладная погода, по которой он шел со школьного маскарада, свалила его, а та пустота, которая сделалась внутри после несправедливого решения со стороны учителя. Тело перестало сопротивляться и впустило в себя како-то наглого микроба...

Выздоровливать Андрей не хотел – ему нужно было доиграть до конца свою роль «уехавшего к бабушке». А попробуй здоровому усидеть дома, когда на улице слышны снежные баталии? Не будь болезни – он не выдержал бы домашнего заточения, и тайна стала бы явью, а участь несправедливо «опозоренного рыцаря» его не устраивала.

В последний день каникул Андрей проснулся поздно. В комнате было чисто. Видно, Валентина убирала очень рано, а он даже не проснулся. Значит, дело пришло к поправке, и отоспался он за бессонные болезненные ночи. В углу, передвинутая из центра комнаты, словно наказанная, стояла елка. А на дворе ликовало солнце, ноздреватый снег покрывал все видимое из окна пространство.

Андрей за каникулы впервые сел к письменному столу и начал рисовать погибшего Икара в облике рыцаря: на черных камнях лежал Человек-птица в облачении измятых лат, поодаль валялся треснутый шлем и сломанный меч. Вокруг ветер шевелил перья.

Когда рисунок был готов, до Андрея дошло, что в этом одеянии невозможно подняться в воздух, но он знал и то, что по законам физики – даже без одежды человек не сможет взлететь, и поэтому его ошибка была ничтожной по сравнению с красотой легенды.

В школу Андрею идти не очень хотелось. Он не желал почему-то никого видеть, кроме Галины. У него копошились сомнения: «Узнала она его на маскараде или нет? Узнала. Конечно, узнала. А почему не пришла, когда он болел? Не знала? Обиделась за обман. Он попросит у нее прощения. Она простит».

В первый учебный день после каникул мальчишки спешили прийти раньше обычного – знали, что в этот день будет «Снайперская баталия».

Андрей уже стоял в окружении ребят, когда подошел Мирослав Николаевич и скомандовал всем мальчишкам выстроиться в один ряд вокруг здания школы. У каждого наготове был плотно слеппенный снежок. По команде директора – «Пли!» – следовал бросок в нависающие с крыши сосульки.

Это упражнение на меткость, а также чтобы обезопасить школьников от случайного падения ледяных глыб, придумал Мирослав Николаевич. Некоторые учителя называли это «мальчишеской выходкой», но всем эта процедура нравилась. После залпа и точных попаданий в основание сосулук, они отрывались, и с грохотом падали. Еще не было случая, чтобы кто-то промахнулся и попал в окно: здание школы было старым, и от оконного проема до крыши было достаточно далеко.

После расстрела сосулук все выстроились поклассно на общую школьную линейку. Мирослав Николаевич поздравил учеников с прошедшим праздником, с началом занятий, пожелал успешной учебы, а в конце своей речи, отчетливо, с нажимом выговаривая каждое слово, сказал:

– Ребята, во время школьного маскарада не была присуждена одна премия. Согласно условиям конкурса: если ученик до конца праздничного вечера не был признан в своем маскарадном костюме, ему полагается приз. То, что мне рассказали, меня очень возмутило. Снегурочка, не посоветавшись даже с Дедом Морозом, сама вынесла несправедливое решение, которое я, как директор школы, отменяю. Жаль, что я сам не увидел этого удивительного рыцаря, но ко мне после Нового года пришла целая делегация учеников во главе с Золотаревой и поведала о несправедливости. Кто же ты, Рыцарь с красным сердцем? Выйди.

Наступила тишина. Было слышно, как собака Думка бежит по снегу вокруг площадки, как чирикает воробей, радуясь свободному пролету под карниз крыши, освобожденный от сосулук.

Все молчали, крутя головами. В Андрее боролись два желания: или остаться в строю, гордо переживая нанесенную обиду, или выйти и получить награду.

Вдруг он почувствовал сильный толчок в спину.
– Выходи, Андрей! – и звонкий голос Галины громко прозвучал в ждущей тишине.

Все обернулись к призеру.

Директор знал про Андреевский талант художника и сказал:

– Мне приятно вручить этот приз тому, кто его заслужил, и вдвойне приятно, что он достался достойному человеку – художнику и рыцарю.

На слабых ногах Андрей подошел к директору и принял из его рук коробку с красками и огромный альбом.

Тишина продержалась еще одно длинное мгновение, и, будто вновь упали все сосульки с крыши, такой силы раздался гром аплодисментов.

Директор не сказал ученикам, что уволил пионервожатую, но это все поняли, потому что Зинаида Зиновьевна не стала выходить на работу, а вскоре и совсем покинула не принявший ее поселок.

Придя из школы, Андрей взглянул на потолок. Трещина удлинилась на миллиметр и уткнулась в стену. Сегодня он хорошо подготовится к уроку географии – ее будет вести Мирослав Николаевич... А еще он нарисует красками первого цветного Икара с рыжими крыльями, чтобы подарить его Галине.

Юрий БАРВИНОК

РАСКАЗЫ

О себе. Год рождения – 1960-й. Место рождения – Кыргызская ССР, город Фрунзе. Я родился, учился и воспитывался в хорошее время. Наши люди тогда были первыми во многих сферах человеческой деятельности. И общество наше было по большей части здоровым.

Возможностей для приложения своих способностей было много. Я окончил институт и начал работать по специальности – агрономом. При этом еще успевал заниматься наукой и даже защитил диссертацию с очень длинным названием.

Но время шло, общество наше менялось. И на каком-то этапе этого изменения я вдруг понял, что то, чем я занимался всю свою жизнь, больше не нужно. Более того, я понял, что обществу стало не нужно и многое другое, раньше казавшееся важным и необходимым. Мириться с таким положением я не мог. Поэтому начал писать о том, что остается для меня важным в жизни.

ЭЛЬФ

Иван Николаевич Дятлов – чересчур бодрый для шестидесяти лет мужчина, мастер спорта по горным лыжам и альпинизму, один из немногих оставшихся в Киргизии «снежных барсов», падал спиной вниз на небольшой уступ, висящий на высоте четырех тысяч метров, на южном склоне Короны.

Это был не самый сложный из «пятерок» маршрут. Неделю назад Гена Вишневский, друг детства, ныне совладелец одного из известных бишкекских банков, передал просьбу своего сына Дениса о повторном восхождении с ним на Корону. Тот не мог дозвониться сам и извинялся, что передал просьбу через отца.

Парня решили отправить по стопам родителя. Он окончил Славянский по специальности «финансы и кредит», но был

болен альпинизмом. Иван Николаевич поднимался с ним уже не в первый раз. В том числе – по этому маршруту.

Дениса можно было сравнить со статуей Аполлона, если бы не лицо, все в ярко-красных, непроходящих угрях. От этого был он стеснительным, и друзей у него было немного, и они обычно дополняли группу при восхождениях. Но на этот раз поднимались вдвоем.

До вершины оставалось метров двести. Это был самый посещаемый маршрут из «пятерок», потому что здесь находился своеобразный естественный приют, дающий спортсменам возможность отдохнуть перед решающим рывком. Представлял он собой череду из трех огромных скальных уступов, нависающих друг над другом не по прямой, а чуть со скосом. Получалось что-то вроде каменной лестницы.

Были эти уступы около двух метров, что позволяло нормально постоять, посидеть и даже полежать одновременно двум альпинистам среднего телосложения.

Дойдя до первого уступа, Иван Николаевич решил пустить вперед Дениса.

– Иди до третьего. Там перекур десять минут – и вперед. Дорогу знаешь. Страхуешь через пятнадцать метров.

После этих скупых, подбадривающим тоном сказанных слов, Денис полез выше, а «снежный барс» Дятлов устроился поудобней и принялся грызть сникерс, запивая его остывшим чаем.

По прошествии условленного времени, сверху раздался крик:

– Страхую.

– Я пошел, – как можно громче крикнул Дятлов и начал подъем, упираясь ногами в каменную стену, наклонив корпус назад почти горизонтально.

После первой подтяжки он поднялся не больше полутора метров. Тут тетива веревки обмякла, затем на миг рванулась и снова обмякла, и он начал падать. Удар от падения был очень ощутимым, но совместимым с жизнью.

Ошалевший от нахлынувшего адреналина и легкой боли во всех внутренностях, задыхающийся от напавшего кашля, Иван Николаевич лежал, подергиваясь, и тупо смотрел вверх. Туда, где на фоне снега очерчивался край третьего карниза.

Когда на нем появился силуэт, напоминающий голову чело-

века, мысль опытного альпиниста живо подсказала, что веревка не могла оборваться. А значит, ее отпустил по какой-то причине Денис, маячивший сейчас наверху.

В этот момент силуэт обозначился почти по пояс, и Иван Николаевич осознал, что человек, показавшийся на третьем козырьке, не Денис. Этот образ в бесформенном балахоне из шерсти животных, перьев птиц, стеблей травы, с копной густых длинных волос цвета опавшей листвы старый спортсмен узнал сразу. Это был Эльф.

В первый раз Дятлов столкнулся с Эльфом, будучи молодым членом сборной Киргизии по альпинизму. Первенство проходило на базе комитета спорта в Ала-Арче, во Фрунзе. Собрались семнадцать наших команд и еще из Болгарии и Польши.

Главный тренер сборной Советского Союза лично прилетел, чтобы посмотреть на будущих кандидатов в команду, которой предстояло подняться в следующем году на Джомолунгму.

Ребята готовились как черти. Не спускались с Рацека четыре недели. Затем – переход на Бачей-Чекей, и неделя – в палатках. Потом спуск, двухдневный отдых дома и вот – соревнования.

Кроме техники восхождения, решено было включить еще преодоление дистанции на время. Маршрут проходил большей частью среди альпийских лугов и занимал по времени не менее суток перехода, если со свежими силами. Но после непрерывной череды подъемов и спусков даже самые выносливые начинали сдавать.

Поэтому, когда их команда была до финиша в двух часах ходьбы походкой больного старца, к концу подходили вторые сутки. Когда вышли на широкую овечью тропу, поднялась убывающая, со щербинкой луна.

Идти стало легче. Прибавили шаг. Вдруг Иван увидел приближающегося человека. Шел он как-то странно, полубоком, приставляя ногу к ноге. Будто высматривая лица идущих ему навстречу людей.

При этом Ивана удивило равнодушие тех, кто был впереди. Обычно встреча высоко в горах с представителями рода человеческого не ограничивается лишь вежливым приветствием. К тому же ночью.

А тут не то что «салам алейкум» или просто «здрасьте» – ничего. Проходят молча и в сторону ночного гостя даже не поворачиваются. Будто он и не стоит рядом.

Ивану стало стыдно за своих товарищей. Он негромко, но четко обратился к незнакомцу.

– Салам алейкум, байке, далеко ли до стойбища?

Иван предполагал, что обращается к не слишком пожилому мужчине. Но каково было его удивление, когда, поравнявшись, он увидел лицо, озаренное серебристым светом.

Это было лицо доброго волшебника, каким его рисуют в детских книжках. Мясистый, вытянутый картошкой нос. Розовые пухлые щеки. Не хватало длинных седых волос, колпака или шляпы и красочного халата со звездами.

Вместо этого были ничем не прикрытые, густые, непонятно-го цвета волосы, а также балахон в виде плащ-палатки, но явно не из брезента. Обуви не было вообще.

В глазах была тревога, но не та, от которой темнеют глаза, а светящаяся надеждой о помощи. Мясистые губы, чуть согнутые в уголках, были больше похожи на маску печали, нежели улыбку.

Встретившись взглядом с Иваном, старик явно обрадовался. В озабоченных глазах на мгновение блеснул огонек радости. При этом он принялся жестикулировать и руками так, будто был немым.

– Дятел, ты что, бредишь? – с тревогой в голосе спросил идущий сзади к.м.с. Миша Аршинин.

Получалось, что его друзья не видели незнакомца, который пытался обратить на себя его, Ивана, внимание.

Звуков никаких старик не издавал. Иван был в затруднении.

– Может, правда начались глюки? – подумал он, а вслух прохрипел с наигранной шутливостью: – Тьфу, ты. Засыпаю на ходу. Сон даже приснился, что уже дошли.

– Терпи, Ваня. До перекура недалеко, – тяжело дыша, в такт шагам, сказал Миша.

Тропа делала поворот и начала спуск к реке, у которой расположились лагерем на короткий отдых. Старик остановился напротив и продолжал обращаться к Ивану серией красноречивых жестов. При этом глаза старого добряка говорили больше, чем все жесты.

– Да он никак зовет пойти с ним куда-то. – В это время незнакомец махнул несколько раз в сторону склона, выделяюще-

гося своей темнотой. Это были заросли можжевельника. – Вдруг там беда? – Иван теперь стал понимать жесты, словно освоил язык глухонемых.

Усталость, пронзывающая до этого все тело, исчезла. Сознание молодого человека было на грани срыва. Факт отсутствия для его друзей этого неожиданного Эльфа (так мысленно прозвал Иван старика), говорил о многом. Как известно, массовых галлюцинаций не бывает. Значит, причина увиденного – в чьем-то больном сознании.

Но после нескольких тестов, в виде щипков, ударов ногой об ногу и, наконец, погружения головы в ледяную воду, юноша убедился в относительной надежности своего сознания.

Старик не переставал тем не менее умолять идти за ним.

Но что делать? Сказать сейчас ребятам, что он сходит на полчаса вон в те кусты? И это в тот момент, когда каждый час может решить исход борьбы за победу.

Иван постарался отвести взгляд в сторону от утонувших в морщинах глаз и настойчиво, как бы не собираясь принимать возражения, обратился к капитану.

– Сергей Федорович, терпенья нет больше. Я быстро.

С этими словами Иван легкой рысцой побежал за зовущим Эльфом.

Все в команде знали, что у молодого Дятлова бывают своего рода заскоки. Он не мог ходить в туалет, если в зоне видимости и слышимости, кто-нибудь находился.

Иван решил воспользоваться этим. По расчетам, на все про все должно было хватить десяти минут. Но, добежав до можжевельника, он понял, что ошибся.

В зарослях этого растения идти тяжело даже днем, когда можно видеть примятости, указывающие на тропу диких животных. А ночью все оказалось гораздо сложнее. Первые метры пути по колючим, густо пахнущим веткам едва не стоили Ивану переломанных ног.

Он сбавил темп и глянул на светящиеся стрелки часов. Ему нужно возвращаться через три минуты, а с поправкой на обстоятельства – через минуту.

– Эй, добрый человек, – как в сказке обратился Иван к маячившему впереди Эльфу. – Я не могу долго идти с вами. Извините, но еще минута – и я пойду назад.

Но казалось, что Эльф не слышал его. Он удалялся, не сбавляя темпа, пока не превратился в плохо различимое светлое пятно.

– Так дело не пойдет, – грустно про себя произнес Иван. – До того места, куда он меня ведет, может быть очень далеко.

И тут впереди раздался отчетливый стон человека. Иван ринулся на него, не разбирая дороги.

Падая и вновь поднимаясь, прыгая местами, как кенгуру, цепляясь за все, что хватала рука, чтобы не упасть, он через минуту стоял рядом с Эльфом.

Какой-то темный бугор формой и размерами с крупное животное возвышался в ногах печального добряка. Подойдя совсем близко, Иван понял, зачем его сюда звали.

На ковре из можжевельника лежала мертвая лошадь. Изпод лошади было видно тело человека, от головы до пояса. Судя по всему, это был один из местных чабанов. Он не пытался освободиться. Его сил хватало лишь на глухой стон, похожий на вой.

По прошествии многих лет, Дятлов стал подзабывать детали своего возвращения к ребятам. Сами же немногие оставшиеся очевидцы того случая, любили пересказывать его, сидя за хорошим столом с графинчиком водочки.

При этом непременно с каждым последующим пересказом добавлялись новые детали, да такие красочные, что после изложения и обсуждения кто-нибудь из гостей предлагал направить рассказ в газету.

В действительности суть случившегося заключалась в том, что спустя пятнадцать минут после ухода Ивана до ветру, оставшиеся у реки услышали точно кабаний топот. Из темноты на ребята надвигалось что-то бесформенное в рост человека, с торчащими вверх то ли руками, то ли рогами.

Нарастающее напряжение снял появившийся Иван, несущий на спине незнакомого человека. Нести бы им тогда этого незнакомца с собой оставшийся путь, не захвати опытный капитан запасной комплект батарей для рации.

Все рюкзаки после распределения в них необходимых для перехода продуктов, спальников и прочего мелкого инвентаря догружались до стандартных тридцати пяти килограммов. Поэтому для балласта брали, кто кирпичи, кто камни, а Сергей Федорович Подгорный всегда брал дополнительные батареи.

Вертолет санавиации прилетел раньше, чем собирался уме-

реть совхозный чабан Кожомбердиев Акмат. После выздоровления Акмат нашел Дятлова, и они стали встречаться. Чабан взял на себя пожизненное шефство над Иваном, обеспечивая его семью свежим мясом.

– Ваня, – подвыпив, часто любил вспоминать Акмат, – я тогда в горах на миг очнулся, увидел, как ты меня тащишь, и загадал как перед Аллахом. Если жив останусь, своего спасителя до смерти кормить буду.

У самого Дятлова от той встречи остались в голове лишь «картинки с выставки», как он выражался о частично забытом.

В памяти с той ночи осталось немного. Как беспокоился, что помощи не будет и надо успеть дотащить за десять минут. И еще – отсутствие тяжести, когда взвалил Акмата на спину. По-немногу все затуманилось, как затуманился и образ Эльфа.

Его вторая встреча с Эльфом вызвала не больше чувств, чем внезапно появившийся старый приятель после десятилетней разлуки.

Произошло это спустя тридцать шесть лет. Иван Николаевич в силу непонятной влюбленности в горы здесь, во Фрунзе, и осел. В советское время строил гидроэлектростанции, затем занимался тем, что связано с горным спортом. Был членом президиума нескольких федераций, организатором различных соревнований.

Оставаясь атлетически сложным, среднего роста мужчиной, он мало изменился внешне. Черты лица выдавали в нем добродушие, но во взгляде появилось нечто, говорящее о твердом характере.

Самым главным местом, которому было отдано основное время Дятлова последние десять лет, был национальный парк «Ала-Арча».

Друзья по спорту, ставшие богатыми людьми со связями, помогли устроиться ему на должность замдиректора. Директора менялись, словно времена года. Они, как правило, были людьми далекими от проблем, которые призваны были решать.

А решать было что. В парке находилась резиденция президента. С каждым годом приезжало все больше гостей, требующих к себе особого внимания и отношения.

Нужно было расширять резиденцию. И делать это следовало крайне осторожно, поскольку с недавних пор урочище Ала-

Арча со всеми отрогами попало в зону пристального контроля специальной комиссии Евросоюза по охране природных парков.

Дятлов, как никто другой, подходил на роль человека, способного осилить такое дело. По специальности инженер-гидромелиоратор, он имел большой опыт строительства в горных условиях.

К моменту второй встречи с Эльфом Иван Николаевич был озадачен свалившейся на него заботой об огромной тянь-шаньской ели, мешавшей пешеходному маршруту в парковой зоне резиденции.

Ель эта, толщиной в обхват, стояла в таком месте, где тропу перенести вправо или влево было невозможно. Собственно, она особо не мешала одному человеку, но свыше было указание, обеспечить нормальные условия для прогулок больших групп гостей. Поэтому третий день кряду ходил и ходил Дятлов вокруг дерева, с надеждой изучая местность, оттягивая момент принятия решения о рубке.

Не было ни одного варианта, даже самого отчаянного в денежных затратах, за который бы смог ухватиться замдиректора. Географически тропа могла проходить только в этом месте. Именно в этом месте ей мешало стать шире старое дерево. Иначе пришлось бы перекраивать все так, что никакой естественности не осталось бы на полгектара вокруг.

И вот поутру он и два работника собрались возле ели. Не успев войти глубоко в кору, пила заглохла. В этот момент Иван Николаевич почувствовал сильный толчок в спину. Он упал всем телом на живот к подножию дерева, а сзади на него навалился кто-то такой большой, что невозможно было пошевелиться.

С трудом приподняв голову, Иван увидел склонившееся к нему лицо Эльфа. С неподдельной тревогой в голосе тот неожиданно заговорил, чередуя слова и мимику.

– Ты должен слышать это, мой брат. Тогда ты станешь мудрее и мужественнее, – голос соответствовал внешнему образу и был приятным баритоном. – Твои сестры и братья хотят обратиться к тебе.

Едва успела промелькнуть мысль, что ему неудобно перед рабочими, которые возились с заглохшей пилой, как отовсюду понеслись возмущенные голоса. Было похоже на собрание, когда председательствующий разрешил задавать вопросы с места и толпа, подогреваемая возможностью анонимно выкрикнуть наблевшее, начала сыпать реплики без уважения к регламенту.

– Как надоели эти дикие люди. Мало им себя убивать. Нас жизни лишают на каждом шагу, – истерично кричала женщина, находящаяся ближе всех справа и похожая на примятую траву.

– Надо обратиться к Матушке. Пусть им разъяснит все, – глухо бубнил пожилой мужской голос слева, похожий на можжевельник.

Было еще несколько отчетливо услышанных предложений, суть которых сводилась к общему возмущению поведением людей на Земле. При этом некоторые голоса поддерживали идею обращения за помощью в наведении порядка к некоей Матушке, видимо, имелась в виду Земля.

Вдруг общий гомон был прерван громким властным контрольтю, прозвучавшем прямо над распростертым Иваном:

– Наш брат все разъяснит им.

После чего отовсюду понеслось:

– Правильно. Пусть наш брат разъяснит все этим дикарям.

– Пусть это будет наш брат, наш брат, наш брат.

Иван Николаевич ощутил свободу и поднялся, стараясь увидеть всех говорящих. Но, кроме огромной, со свежим шрамом ели и кинувшихся к нему на помощь рабочих, вокруг никого не было.

– Оступился. Ничего страшного, – как можно естественнее объяснил он свое падение. – Не надо больше пилить. Бензин слейте в канистру, надпил на дереве аккуратно замажьте глиной, и по рабочим местам. А я пойду с начальством разговаривать.

Но разговаривать с начальством по поводу стоящего на тропе дерева Иван Николаевич не стал ни в тот день, ни в последующие. Тянул до самого открытия. На замечания инспекторов по поводу дерева отвечал, что вот-вот срубят. Просто много другой, более важной работы. А дерево срубить – пара пустяков. За полдня управится.

В день открытия первым, заметившим нетронутое дерево был помощник замуправделами президента. Он несколько минут ругался самыми последними словами. Но злоба была бесильной, и вскоре помощник ушел пить лекарство.

– Да не переживай ты так, Токтогулыч. Ну не успел. Недоработочка вышла, – успокаивал Иван Николаевич помощника. – Бывают же при строительстве недоделки. Объясним президенту, что не будет потом елки, срубят ее. А пока пусть поживет, где выросла.

Другие чиновники, ответственные за мероприятие, при виде Дятловской «недоработки» тоже заводились и сыпали ругательствами.

И вот появился президент. В окружении гостей, большинство из которых были иностранцы, он неумолимо приближался к злосчастному месту.

Первой реакцией были возгласы восхищения на английском. Непонимающему главе государства перевели, что высокие иностранные гости ничего более оригинального в своей жизни не видели.

– Здесь происходит контакт с природой в буквальном смысле этого слова, – с энтузиазмом юного натуралиста сообщила немолодая чернокожая леди, протискивая пышные формы между деревом и камнем. Видимо, она была самой титулованной из иностранцев, потому что вслед за ней таким же образом проследовал президент, а за ним все остальные.

– Хм-м, – произнес весомо президент, – действительно оригинально. А главное – наши люди до этого додумались.

Во второй половине церемонии, за чаем, высокопоставленная зарубежная особа и глава страны пожелали увидеть автора идеи с деревом на тропе.

Побежали вестовые от одного чинуши к другому с вопросом об авторе сей оригинальности. Добрались быстро до Дятлова. Но Иван Николаевич, умеющий быть главным в деле, стеснялся всеобщего любопытства и внимания.

Поэтому на вопрос: «Кто придумал дерево посреди тропы?» – он сразу выдвинул в авторы Токтогулыча. После чего тот был обласкан вниманием высоких особ и в дальнейшем из помощников вырос до заместителя управделами.

После второй встречи с Эльфом Ивану запало в душу чувство страха за все живое, уничтожаемое просто так, без нужды.

Он стал внимателен ко всякого рода живности, перестал даже рвать цветы, если их не нужно было дарить. И еще ему стало казаться, что повсюду в горах его окружают живые мыслящие существа. Они всегда демонстрировали свою доброжелательность, на что Иван стремился отвечать тем же. Каждый день он прислушивался к этим невидимым доброжелателям, ища и находя ответы на вопросы, правильно ли поступает в том или ином случае.

В чехарде сменяющихся директоров Дятлов становился истинным хозяином парка. Он установил для всех посетителей и работников парка правила, при которых любое вредное действие в отношении флоры и фауны не оставалось безнаказанным.

Но главное – он умело объяснял им суть последствий, причиненных по умыслу или невзначай. Его понимали, и парк потихоньку превращался в островок девственной природы, несмотря на частое присутствие в нем людей.

Посещение парка превращалось для многих людей в путешествие по маршруту их заветной мечты: идти по широкой тропе, сквозь светлеющий впереди лес, который уже пробивают полноценные солнечные лучи; впереди открывается вид на большое живописное ущелье, а тропу перебегают зайцы, белки, ежи, иногда даже лани перелетают ее в один прыжок.

Дятлов старался не терять спортивной формы. С удовольствием находил время для восхождений, особенно с молодежью. При этом, общаясь с юношами и девушками, Иван Николаевич использовал весь свой воспитательский талант, чтобы вложить в их души главные принципы любви ко всему живому.

В результате явились группы молодых добровольцев, не знающих лучшего проведения времени, чем работа в парке и лазанье по горам.

Одним из таких фанатов гор был Денис, страховавший Ивана Николаевича минуту назад и по какой-то причине отпустивший веревку.

В очередной раз возникший при странных обстоятельствах Эльф с высоты третьего карниза предупреждающе мотал головой, указывая руками вверх, в сторону вершины.

Видение продлилось недолго. Испуганный голос Дениса раздался почему-то со второго козырька.

– Иван Николаевич, вы где?

По всему чувствовалось, что парень боится не услышать ответа.

– Я здесь, Денис, – громко крикнул Дятлов. – Что случилось? Ты же был на самом верху?

Спустившийся через минут десять юноша, сбивчиво рассказал о том, что начал он было страховать своего старшего то-

варища, как его сзади кто-то по ногам ударил. Точно подсечку сделал.

Упав, Денис свесился большей частью тела и стал сползать вниз. От сильных травм парня спасло то, что он не выпускал страховочную веревку из одной руки. Она на секунду прервала скорость за счет веса Ивана Николаевича и сделала падение на второй выступ несильным.

– Что будем делать, дядь Вань? – вдруг по-семейному спросил расстроенный Денис. В эту минуту было видно, что он еще совсем юный, неопытный человек. Ивану захотелось обнять этого юнца, прижать и оберегать от всех напастей. Но все, что он смог себе позволить, было дружеское похлопывание по плечу.

– А ты сам какое примешь решение? – будто ничего особенного не произошло, спросил Дятлов.

Парень глянул на часы, затем на вершину и, настраивая голос на такой же бодрый деловой лад, принялся рассуждать вслух.

– До вершины – часа два. Назад – еще два. Итого четыре. Сейчас три часа. Худший вариант – заночуем здесь. А то и до Рацека успеем засветло, – убедительно излагал Денис и завершил словами: – Я бы продолжил восхождение.

«Молодец Денис. Из парня будет толк в жизни, – с радостью подумал Иван Николаевич. – Ведь растерян был абсолютно. Но справился».

Предложение о восхождении им было почти принято. Но в тот момент, когда они встали и начали проверять снаряжение, Дятлов увидел надвигающуюся опасность.

С юго-запада начали заметно выползать светло-серые языки облаков. Все альпинисты знали, что несут с собой эти серогривые лошадки.

– Подъем отменяется, – скомандовал Иван Николаевич. – Видишь те облака? Через полчаса здесь будет хреново. – Денис впервые слышал от своего спортивного наставника ненормативную лексику. Но это лишь подчеркивало серьезность предстоящего им испытания. – Так что быстро крепи палатку, а я займусь вещами. – С этими словами они принялись забивать штыри и привязывать к ним все, что могло быть снесено сильным ветром.

Бог миловал Дятлова. Ему не приходилось попадать в снежную бурю при восхождении. Но от друзей, переживших ее, он слышал, что такого ужаса они не испытывали более никогда в жизни.

Остались они невредимыми лишь потому, что буря настигла их на тех же каменных ступеньках, где сейчас готовились к встрече с ней Денис и Иван. Тем же, кого шторм настигал висящими на каменных стенах, повезло куда меньше. Некоторых из них так и не нашли.

Как предполагал Дятлов, через двадцать минут сильно задуло. Альпинисты застегнули замок палатки, залезли в спальники и принялись ждать.

Ураган длился почти час. Хорошо – было лето. Осенью мог затянуть на сутки. Этот час два человека в палатке лежали молча. Каждый думал о своем. Это было общее желание – выжить.

Почти все время им приходилось вжиматься в дно палатки, ухватившись руками за складки материи. Несколько раз оба думали, что их перевернет, так силен и настойчив был ветер. Но, к счастью, все обошлось.

Когда буря стихла, они выбрались из палатки. Все закрепленные вещи, несмотря на добросовестную работу Ивана Николаевича, сдуло.

Вся надежда на самостоятельное возвращение вниз была в куске веревки длиной метров двадцать. Старый альпинист помнил, что связку они положили под угол палатки, как им казалось, с необдуманной стороны. Но после часовой болтанки Дятлов не надеялся увидеть ее на месте.

Так и случилось. Спуск без веревок был невозможен. Оставалось продолжать ждать. Теперь это было ожидание помощи.

Дятлов по мобильному связался с начальником службы спасения и рассказал о ситуации. Тот попросил время для обдумывания. Из повторного разговора выходило, что на базе сейчас две группы из Англии. Уровень у всех так себе, в передрыгах не бывали. Но к вечеру подойдут украинцы. Ребята что надо – профессиональные горные спасатели. У них здесь недельные сборы. Так что ситуация для них как по заказу.

Украинцы обещали долго с отдыхом на базе не задерживаться и тронуться в путь затемно, чтобы к утру быть на месте. В общем, нужно было переждать полдня и всю ночь.

Пока грело вышедшее из-за туч солнце, Дятлов и Денис старались находиться в стоячем и сидячем положении, что позволяло избегать затекания мышц.

Как только тень от вершин накрыла место вынужденного приюта, мороз начал давать знать о себе. Потоптавшись еще с полчаса, альпинисты залезли в палатку.

Пуховые спальники надежно защищали от мороза. Времени впереди было много. Так много, что, казалось, станет оно нудной, скрипящей старой жвачкой, которую, как в детстве, и выплюнуть хочется – скулы уже болят, и жалко – новой больше нет, а у этой запах еще остался.

Начали о погоде, затем о счастливой случайности, благодаря которой они не успели выбраться на стену. Говорили поочередно, давая друг другу возможность выпустить накопившееся напряжение.

При этом Дятлов не чувствовал больше в Денисе младшего, нуждающегося в опеке товарища. От юноши исходил дух крепкого, уверенного в себе и готового прийти на помощь мужчины.

Когда в очередной раз Денис порадовался их задержке на козырьке, на выдох произнес: «Да-а. Не хочется думать, что было бы, не задержись мы здесь», – Иван Николаевич осторожно спросил:

– Получается, что подножку-то поставили тебе не случайно?

– Получается так, – согласился Денис. – Вот только кто этот спаситель и где он сейчас?

– А ты случайно ничего такого не видел, что могло бы показаться тебе нереальностью? – отбрасывая всякую осторожность, напрямик задал вопрос Иван.

Из нарисованного юношей образа получалось, что он видел Эльфа.

– Значит, дедушка явился видимым нам обоим, – вслух, не боясь, что его неправильно поймут, произнес Дятлов.

– Так вы его тоже видели? – с удивлением и нескрываемым облегчением спросил Денис.

На что Иван Николаевич рассказал все о своих встречах со сказочным стариком, а также о том, что научился чувствовать и понимать после общения. В разговорах ночь прошла незаметно.

Когда вершины гор озарились на четверть, подошли спасатели. Ребята оказались веселые. Сожалели, что приходится спасать альпинистов. Что это не спасение, а доставка инструмента. Предлагали спустить Ивана и Дениса в спасательной люльке, на что те обещали согласиться в следующий раз.

Уже на базе в альплагере, помахивая рукой отъезжающему на джипе Денису, Дятлов подумал вдруг: «А кто, собственно, сказал, что Эльф является видимым только нам? Может, другие просто не хотят его пока видеть?».

После того случая, Денис бросил учебу и стал жить и работать на базе Дятлова. Был принят он разнорабочим, согласно штатному расписанию, со смехотворным окладом. Выручало трехразовое горячее питание, налаженное для сотрудников парка.

На уговоры семьи и самого Ивана Николаевича не оставлять учебу, Денис в качестве устраивающего всех компромисса принял решение перевестись на заочный факультет.

В долгом разговоре о переменах в сыне Гена с женой ожидали получить ответ от Ивана. Так и не найдя его, Генина жена в сердцах подытожила:

– Все горы ваши дурацкие виноваты. Один поумнел вроде, – зыркнула она взглядом на мужа. – Так теперь молодой, Денисушка-дурачок, выискался.

Тут все невольно улыбнулись, вспомнив, что к молодому Дятлову приклеились в свое время два прозвища. Официально в компании его звали Дятел. А за глаза, потихоньку: Иванушка-дурачок – за неумную и какую-то трепетную любовь к горам.

О втором прозвище Иван узнал не так давно в подвыпившей компании старых друзей. И не обижался. Он жил общением с природой много лет и собирался еще долго так жить. Он видел, что дает природа и что она просит от него. Где еще можно найти себя, как не в этом общении?

Прошло два года со времени несостоявшегося восхождения. Продолжая работать уже бригадиром, Денис окончил с горем пополам университет. Надежда родителей на появление диплома, как на возможный позыв к банкирской стезе, не оправдалась. Молодой человек был непреклонен в выборе дальнейшего пути.

Деньги ему особо были не нужны. Он не успевал тратить даже то, что получал. Зато был одет, обут и сыт за казенный счет. Альпинистское снаряжение – самое современное, – всегда под рукой на базе. Японский гранд в честь Года гор. Встречи с интересными смелыми людьми. Сложная и такая приятная работа.

А главное – те чувства, что наполняли организм в горах. Их ничто не могло заменить. Поэтому он был банально счастлив и счастья своего не хотел упускать.

На базе появился еще один молодой человек по имени Андрей, пожелавший или имевший основания безвылазно жить в горах. Он был на год младше Дениса и, в отличие от него, был удивительно красив лицом, напоминающим Алена Делона в молодости. Фигурой Андрей уступал Денису. Был выше, но как-то нескладен в плечах, из-за чего одежда висела на нем, как на вешалке. Учебу он бросил год назад из-за постоянной необходимости скрываться от кредиторов.

На криминал он не тянул. Было похоже, что вина Андрея не столько в его поступках, сколько в неосторожности при выборе партнеров. На протяжении всего времени работы на базе он ни разу не спускался ниже главного кордона.

Кроме понятного желанья любоваться альпийскими пейзажами, у Андрея была та же, что у Дениса, страсть – альпинизм. Он не пропускал ни одного выхода наверх, лишь бы полазить по скалам.

Однажды при раскладке соляных кормушек задремавший было после обеда Иван Николаевич был разбужен шумом падающих камней. Открыв глаза, он начал шарить взглядом по скалам.

Тогда он увидел, на что был способен Андрей. Он лез вверх по отвесной стене с острыми, ненадежными выступами, точно в мультфильме. Ни секунды раздумья по поводу выбора места рук и ног. Страх за парня не было. От него веяло талантом, исключаящим любую ошибку.

Андрей не тяготился простой работой и был очень щепетилен при оценке своего труда, хотя он этого никак и не выражал словами или поведением. Но если его очередная инициатива не находила должной оценки, а была принята поверхностно, по принципу «Чем бы дитя не тешилось...», то лицо его принимало маску Пьеро и оставалось таким, пока очередная идея не взбаламучивала его рыжую голову.

А идеи у него были, главным образом, по устройству разных природных местечек с участием камней, растений, а подчас и животных. В этих придуманных Андреем уголках путник зами-

рал на несколько минут от воплощенной детской идиллии и нахлынувших в связи с этим чувств.

И еще два члена «альпинистского братства» появились в команде Дятлова. Были они подданными Ее Величества Королевы Елизаветы. Их появлению предшествовала почти голливудская история, происшедшая полгода назад.

Группа экстремалов из Европы восходила по максимально сложному маршруту на Адэгинэ. Идя уже по гребню, они неправильно рассчитали траверс и сорвали козырек снежного наноса. Он быстро превратился в небольшую лавину, которая накрыла двух англичан – девушку по имени Кэрол и парня по имени Алекс, задержавшихся в начале подъема на морене.

Поиски продолжались семь суток. Кэрол оказалась единственной дочерью сверхбогатого человека со связями по всему миру. В борьбе за спасение любимой дочери миллионер использовал огромный ресурс мирового империализма.

На второй день была завезена через американскую базу партия специальных поисковых вертолетов вместе с пилотами-асами.

В те же сроки на скалы полезли самые известные в мире альпинизма спортсмены-профессионалы, прилетевшие по личному приглашению и за эксклюзивные гонорары. Десяток лучших в Европе собак искали под снегом на пути схода лавины.

Трое суток постоянных поисков ничего не дали. Были перелопачены вручную тонны снега, высмотрен каждый метр склона, но никаких следов не было.

Отчаявшийся отец, будучи человеком дела, понимал, что дальнейшие попытки найти дочь были бессмысленны. Все варианты сценариев с хэппи-эндом предусматривали не больше трех суток. Но, вопреки логике, работы продолжались. Сердце родителя не соглашалось с разумом. Но и оно, не желавшее мириться с колющей штыком болью, казалось, начало привыкать к ней.

Пятые сутки люди искали, зная, что, даже если повезет, найдут лишь трупы.

Иван Николаевич со своими ребятами находился среди десятков альпинистов, пожелавших участвовать в поисках. Иностранцы не нуждались в проводниках. На скалах они полагались

только на свои ощущения и способности. Поэтому, как и многие спасатели, сотрудники Дятлова больше перекапывали снег.

Сам Иван Николаевич, ввиду присутствия на базе огромного количества начальства, с большим желанием использовал печальный повод быть в горах. Их смена заканчивалась рано утром. Забравшись в палатку для быстрого завтрака и трехчасового сна, услышали разговор уходящих на скалы.

Говорили на английском.

– О чем говорят коллеги? – спросил не знающий языков замдиректора у Дениса.

Тот прислушался и, когда фразы стали неразборчивы, с грустью перевел:

– Что толку, говорят, лазить. Все равно – «абгемахт». Деньги деньгами, но должен быть разумный конец. Даже если они в пятый раз пройдут по маршруту, то ничего не найдут. Чудес не бывает.

– С таким настроением вряд ли кого найдут, – прокряхтел «снежный барс», устраивая поудобнее голову для сна.

– Иван Николаевич, в нашем случае, наверное, «кого» пора заменить на «что»? – полуутвердительно, без эмоций, готовясь провалиться в сон, спросил Андрей.

– Нет, Андрей, – встрепенулся ото сна Дятлов. – Коль оглашено судьбой время для спасения кого-либо, то надо использовать его на совесть, до конца.

Затем, поутихнувши и вновь побряхтывая, добавил:

– Мы с вами, по крайней мере, будем работать точно до звонка. В этом – не сомневайтесь.

Первым услышал крики из-под снега Андрей.

– Ден, – шепотом, но чувствительно толкая в мягкость спального мешка, обратился он к другу, – слышишь? Там внизу вроде кто-то кричит.

– А ну-ка потише, парни. Давайте послушаем, – вместо Дениса отозвался их старший наставник.

Спустя минуту внимательного вслушивания все трое могли поклясться, что слышат очень далекий молодой мужской голос, кричащий по-английски «помогите».

Дятлов тут же связался с базой и сообщил обо всем руководителю операции. В ответ было приказано мобилизовать всех

людей на откапывании в одном месте, а также ждать дальнейших указаний.

Затем Дятлов обратился к остальным спасателям. После его короткого рассказа о криках из-под снега человек тридцать уткнулись в него ушами, но – бесполезно. Выходило так, что, кроме трех человек, никто больше из присутствующих ничего не слышал.

– Эх, собак рано отпустили, – с сожалением сказал кто-то, – они бы точно определили.

– Так они и определили, что там никого нет. Поэтому и ушли, – возразили ему.

Спасатели, явно сомневаясь в существовании криков, принялись тем не менее копать в указанном Иваном Николаевичем месте.

Минут через сорок прилетели три вертолета. Когда утих шум от машин, из них высыпались пятеро человек с собакой. Четверо не говорили по-русски. Пятый говорил хорошо, но с легким западным акцентом, придающим некий шарм словам.

Дятлов доложил все, как было, представленному старшим из иностранцев – синеглазому, в годах, но крепкому еще блондину. Была на нем куртка «аляска» с откинутым капюшоном, ладно сидящая на хорошей фигуре, а также не к месту среди камней и снега стильные брюки и ковбойские сапожки.

Взгляд был пронзительный, как стрела. Казалось, что он уже пробуравил собеседника и роется сейчас непосредственно в его душе. Человек с таким взглядом не привык просить. Он добивается всего сам, не брезгуя никакими средствами.

Длинные негустые совершенно белые волосы делали его похожим на киношный образ отрицательного героя из крутых боевиков.

Сверкнув на мгновение синеокой молнией, господин Харрисон спрятал глаза под тенью очков до момента отлета, который состоялся спустя полчаса после знакомства.

Вначале всех попросили на пять минут по команде лечь еще раз на снег и послушать. Сами иностранцы во главе с начальником, кроме владельца собаки, легли на общих основаниях и слушали, не поднимая голов, до команды об окончании эксперимента.

Черно-рыжая овчарка, не переставая нюхать снег, вяло

кружила в указанном месте. Команда «Отбой» затыгивалась, но никто не посмел поднять головы или роптать.

Еще немного – и часть человеческой плоти могла стать льдом. Но тут хозяин собаки поднял скрещенные руки и многозначительно помотал головой, глядя на Харрисона. Тот, в свою очередь, поднимаясь, бросил несколько фраз, после чего переводчик закричал:

– Все, вставайте. Господин Харрисон вас благодарит и ждет завтра вечером в резиденции кыргызского президента на поминальном молебне в честь его дочери. А вас троих, – переводчик повернулся к стоящим чуть особняком Дятлову с ребятами, – шеф просит проводить его к вертолету.

– По всему видно, не услышали ничего уши отца, – отряхиваясь от налипшего снега, изрек Иван Николаевич.

И тут же Денис и Андрей, перебивая друг друга, принялись доказывать непонятно кому, что они слышали крик о помощи и в этот раз и удивлялись глухоте других людей, не услышавших дважды отчетливо прозвучавшее «хэлп».

Железные стрекозы чернели фантастическими образами невдалеке от края морены. На ходу обернувшись и приподняв уголки рта в секундной улыбке, переводчик сказал Дятлову и ребятам:

– Господин Харрисон хочет говорить с вами конфиденциально. Так что идите за мной.

Они подошли к стоящему возле обрыва вертолету и встали в его тень. Харрисон попросил своих собеседников снять солнцезащитные очки. Затем он задал вопрос:

– Вы, надеюсь, не будете отрицать полную тишину под снегом в последнем эксперименте? – перешел на речь от первого лица переводчик.

Ребята было чуть дернулись, но, подавив щенячье чувство, смолчали, дожидаясь слов старшего друга.

Дятлов неожиданно ощутил себя ребенком, вынужденным оправдываться перед взрослым чужим дядей за несовершенно плохой поступок. Но он тут же мысленно одернул себя и довольно спокойно сказал:

– От лица нас троих я заверяю вас, что мы хорошо слышали крик «помогите» по-английски. Голос мужской. Последний раз

кричал два раза. На вопрос, почему этого не слышат другие люди, в том числе и вы, а также почему ничего не почувствовала собака, я лично ответа не нахожу. Возможно, мы просто лучше слышим. Как в спорте: кто-то лучше бежит, плавает, прыгает. А мы лучше слышим.

– Кто-нибудь из вас может подтвердить слова друга? – обратился к ребятам крутой бизнесмен.

– Все, что сказал наш друг, – правда, – тщательно расставляя по местам английские слова, ответил Денис.

Взгляда он не прятал, но поочередно адресовал его то одному, то другому собеседнику, вроде ожидая, от кого следующего поступит вопрос.

– Ты тоже уверен, что все сказанное – правда? – не удивившись знанию Денисом английского, обратился к Андрею белокурой демон.

Лицо Харрисона было замершей маской безучастного правосудия.

Казалось, он изучал друзей на предмет сговора о получении выгоды из разыгранного ими шоу. Какой – он до сих пор не понял. Но то, что парни были явно связаны чем-то, не ускользнуло от опытного глаза.

Единственное, что могло оправдать этих русских, – возможная болезнь. Об этом был отправлен запрос, ответ на который должен был, по сути, поставить точку в этой разборке.

– Ай эм шуэ, – отделяя существенной паузой слова, как в микрофон, отчеканил Андрей и, перейдя на русский продолжил: – А от себя лично, фак вашу за ногу, хочу добавить. Когда мы услышали голос первый раз час назад, то в течение пяти минут он кричал три раза. А спустя час, голос был слышан дважды, но за восемь минут. Это означает, что силы зовущих истощаются очень быстро. И вместо устроенного допроса, сэр, вы бы лучше подключили все возможности в оказании помощи своей дочери.

Рука блондина полезла во внутренний карман. При этом замок неосторожно раскрыт был так, что стал виден пистолет в кобуре под мышкой. В этот момент задуло и прижало полы куртки. Рука, утонувшая по локоть в «аляске», начала медленно вытягивать что-то наружу.

До всех вдруг дошло, что с белокурой бестии вполне станется и самосуд устроить. Но это была пока только трубка телефона.

Молча выслушав кого-то в течение минуты, Харрисон сообщил вердикт.

– На высокогорье в психике человека случается расстройство, называемое синдромом спасателя. Вам надо лечиться, господа. Тем не менее, – продолжил после небольшой паузы босс, – хочу поблагодарить вас за честную работу и в знак благодарности доставить всех троих вниз на базу прямо сейчас.

Ни секунды не интересуясь ответом, Харрисон распахнул входной люк и скрылся внутри черного пузатого геликоптера.

Переводчик же сообщил, что все должны продолжать работы по откачиванию до особого указания.

– Значит, зародили мы сомнения в неверующей душе, – радовался Дятлов, приказывая продолжать работы.

Но ровно в шесть вечера поступила команда все прекратить, складываться и возвращаться на базу.

На возражения Ивана Николаевича было ультимативно предложено не совать свой нос в чужие дела.

– Этот Харрисон – серьезный человек, – с интонациями секретности сообщил осведомленный Токтогулыч. – Как он скажет, так и будет. А он приказал свернуть операцию. Так что наше дело – не вмешиваться. Спускайся, Николаевич.

На глубину в человеческий рост был уже очищен квадрат со стороны в три метра. Сейчас Дятлову с ребятами даже не приходилось просить о тишине. Прикладывая голову ко дну снежной ямы, сквозь шум шагов, они втроем отчетливо услышали просящий о помощи голос.

Однако остальные по-прежнему были глухи.

К назначенному времени спуска лагерь из полутора десятков палаток был свернут. Ярким оранжевым пятном оставалась лишь палатка Дятловской компании.

Собрав оставшийся провиант и топливо у тех, кто уходил вниз, Иван Николаевич наказал: на них – дураков – не обижаться, но и учитывать, что массовых галлюцинаций не бывает. И пока они втроем слышат – будут копать.

– Скажите Токтогулычу, пусть подкинет продуктов, – попросил вслед спускающейся человеческой цепи замдиректора.

Когда Харрисону доложили о поступке троих чудаков, он приказал помогать им всем, что запросят, но людей в помощь не посылать.

На следующий день к восьми вечера решено было отслужить траурную мессу. Просторный зал заседаний резиденции отлично подходил для проведения этого печального христианского обычая.

К восьми собрались почти все приглашенные. Не успел местный католический священник прочитать первые слова молитвы, как Харрисону позвонили по секретному спецканалу.

Миллионер внутренне напрягся. Доступ к этой связи был лишь у женщины, которую он любил, и у погибшей дочери. Но с Катрин они разговаривали за несколько минут до начала отпевания, и не в ее правилах было звонить лишний раз по пустякам.

– Да, дорогая, – спокойным тихим голосом сказал он в трубку, одновременно властным жестом руки останавливая службу.

– Папа, смени тон. Воздай радость силе воскрешения, – голос живой и обиженной Кэрол громко резанул из динамика, и абонент тут же отключился.

В следующие несколько часов авиаотряд и вся наземная рать большого босса занимались доставкой Алекса, Кэрол и трех спасателей на базу.

Удивительное спасение оказалось возможным благодаря огромной временной полости, сложившейся из скальных глыб, в которую буквально вогнала молодых людей лавина.

Поздно заметив оторвавшийся козырек, Алекс успел обнять Кэрол и упасть вместе с ней в щель между огромных камней, чередой громоздившихся сзади.

Ударная волна подтолкнула их с такой силой, что провалились они в темноту и не разбились лишь благодаря осыпи вниз и рюкзакам, смягчившим удар.

Выбраться самим наверх было невозможно, но и просто сидеть, сложа руки в ожидании помощи, они не могли. Поэтому стали изучать пещеру. Вернее изучал, ползая, прыгая и лазая на четвереньках, один Алекс: Кэрол при падении подвернула ногу.

Она осталась ждать, сидя на осыпи, в темноте. У нее, как и у Алекса, был фонарик и спички. Но рассчитывать нужно было на самые крайние варианты, поэтому сразу решили экономить на всем.

Продуктов было на два дня. Но при желании их должно хватить на пять дней – впроголодь. Зато с водой проблем не виделось. Капало ото всюду.

К концу пятых суток Алекс отработал три тупиковых маршрута. Сил оставалось на один, решающий бросок. Он помог Кэрол добраться до места, где открывался угловатой дырой последний неизученный лаз. Он-то и привел молодых англичан к спасению.

Алекс добрался до конца пещеры, представляющей собой просторное для двух человек помещение с высоко уходящим сводом. Вверху были слышны очень далекие голоса. Он начал кричать:

– Помогите, помогите.

Но, быстро задохнувшись на девятом повторе, решил передохнуть и послушать, дошли ли его слова до адресата. Ничего разобрать было невозможно, но шум не прекращался, и это давало надежду, что, может быть, его услышали.

Покричав несколько часов с установленным интервалом, Алекс решил вернуться и помочь Кэрол добраться до места, где их, возможно, ждала помощь.

Лишь к вечеру, когда уже ушли все вниз, Денис и Андрей докопались до первых камней. Пробивая спрессованный снег сквозь щели, открыли провал. Стали кричать в темную пустоту и докричались.

Кэрол, узнав об их отпевании, завелась так, что, пока искала телефон и набирала номер, непрерывно ругалась во весь звонкий девичий голос. «Факи» и «щиты» разлетались над морской, и, казалось, что следа не осталось от беспомощной, травмированной девушки.

Откинув капюшон и сметя светлые густые волосы в одну сторону, она приложила телефон к уху и, дождавшись ответа, выпалила первое, что пришло на ум. После этого телефон улетел в узкую щель, выпустившей спортсменов ловушки, а юная леди замолчала.

Оглядывая присутствующих горящим взглядом зеленых глаз, чуть сведя к середине густые светлые брови, часто раздувая ноздри греческого носа, она будто спрашивала: «Ну, как, здорово я врезала папочке?».

Но по-настоящему Кэрол показала характер спустя сутки, когда вдруг заявила отцу, что никуда отсюда не поедет.

– Что? – выказал удивление мистер Харрисон. – Ты остаешься здесь навсегда? Ты собираешься здесь жить?

Всем видом он показывал, что с очередной блажью дочери мириться не будет. Кэрол хорошо знала этот тон отца, но сдаваться не собиралась.

Упершись взглядом в родителя, она с холодной угрозой произнесла.

– Папа, если я захотела здесь остаться, то сделаю это непременно. И твоя сила не поможет меня удержать, как не помогла два года назад.

В глазах Харрисона на миг промелькнула боль от воспоминания о том, как дочь пыталась покончить с собой, протестуя против замены ее личного телохранителя с красивой испанской внешностью по имени Алекс.

Отец узнал тогда об их романе и принял меры, а Кэрол перерезала вены в ванной комнате. От смерти девочку спасло его незапланированное возвращение за забытым подарком для Катрин. Уже на выходе Харрисон поинтересовался у нового охранника, встала ли дочь. Узнав, что она еще не спускалась к завтраку, он решил заглянуть к ней.

Вспомнив ужас двухлетней давности, Харрисон сдался.

– Хорошо, – уже без иронии спросил он: – Надеюсь, ты остаешься вместе с Алексом?

– Да, – также смягчив тон, отвечала Кэрол. – Я не знаю, папа, почему я приняла такое решение и как долго мне здесь захочется быть. Но это желание вдруг возникло, и я ничего не могу с собой поделать.

Она порывисто обняла отца и поцеловала в щеку.

– И помоги нам со всякими бумажными формальностями.

Так на базе появилось еще два добровольных работника. Англичане быстро осваивали русский, а Денис и Андрей практиковались в английском. Даже Иван Николаевич начал при встрече здороваться на языке туманного Альбиона. В общем, через полгода, они понимали друг друга так, будто и не было никогда языковой преграды.

Все шло своим чередом, но скоро сменилась власть в стране, что стало приносить частые заботы. Беззаконие сильно сократило границы чудесного осколка мечты до размеров парковой зоны резиденции.

Спасибо начальнику личной охраны президента. Дал толкового сотрудника, согласившегося пожить месяц на базе. Он в буквальном смысле слова вбивал уважение к порядку в головы зарвавшихся граждан.

Что только не пытались предпринять всякого уровня чиновники, чтобы убрать гвардейца. А он, как оловянный солдатик, стоял и не падал. Вот такой высокий ранг неприкосновенности имелся у личной охраны президента.

Это на какое-то время помогало сохранять непроходимым для дикарей вход в ущелье и закрывало им доступ на площадь в несколько гектаров ниже базы.

Но контроль на кордоне снова и снова давал сбои. И вновь продолжалась вакханалия диких, безудержных развлечений на природе. Банки, бутылки, пакеты заменили собой траву, цветы и животных.

Засиживаясь допоздна у тлеющего костра, друзья начинали придумывать сказочные, но при определенном раскладе возможные сценарии спасения. Николай Иванович при этом выступал арбитром в оценке реалистичности сюжетов.

Из всех сочиненных ребятами сказок ему больше всех нравилась история, придуманная Денисом в начале лета.

В этой истории добрый волшебник помогает друзьям найти золотой слиток, продав который, они получают много денег и спасают парк.

– Хорошо бы так в жизни, – обращался временами к истории с добрым концом Иван Николаевич. – Найти много золота да заткнуть ненасытные рты всех дикарей, чтобы жить не мешали. Ведь добывают его в наших горах, пусть и крупинки на тонны земли. Значит, и слиток лежит где-нибудь, – так рассуждал он, ища спасения от подступающего все чаще отчаяния.

Наступил сентябрь – самый щедрый на краски месяц в горах. Обычно это время приносило с собой смесь восторженного волнения и ожидания чего-то особенного. Но в этот раз оно больше было наполнено чувством грусти и тревоги.

Территория парка окончательно превратилась в заезженное, замусоренное место для воскресных гулянок горожан. Смотреть на творящееся безобразие Ивану Николаевичу было совсем нелегко.

А тут еще, как гром с ясного неба, нагрянул Токтогулыч с

пугающей новостью. Решили высокие политики переносить столицу на юг Киргизии, в Ош. А резиденцию, как в будущем редко посещаемую, придумали отдать в аренду какому-то нуворишу, вроде как в целях экономии государственных средств.

– Если получится все так, как они хотят, – невесело вздыхал замуправделами, – то на парке можно поставить крест. Новый хозяин даже не скрывает, что собирается открыть здесь огромный развлекательный центр. Все деньги проклятые. Хотя и без них никуда.

С этого дня стал Иван Николаевич мрачнее грозовой тучи. Проходя как-то мимо сохраненной им ели, вспомнил он про Эльфа.

– Хотя ты бы мне помог, что ли, – вслух обратился он к сказочному образу.

Эльф появился метрах в десяти. Он стоял сбоку тропы по пояс в кустах и призывно махал рукой.

Дятлов последовал за своим проводником и вскоре был у реки, в месте, где она делала поворот. Один берег спускался к реке крутым, высоким обрывом. Эльф подошел к краю, лег на живот и сполз ногами вниз, держась за ветки арчовника.

Когда замдиректора повторил тот же маршрут, он не обнаружил Эльфа, но наткнулся на торчащий из красноватой каменной крошки металлический кусок желтого цвета.

– Да это ж золотой слиток! – обрадовался, как ребенок, Иван Николаевич. – Тот самый, о котором мы все мечтали. Ну, Эльф, ну, дружище, помог так помог!

К вечеру команда из пятерых человек, окружив костер, разрабатывала план дальнейших действий.

Кэрл сообщила, что в кругах ее отца есть люди, коллекционирующие всякого рода редкости, которые никогда не смогут быть выставлены для публичного обозрения ввиду их не совсем законного способа приобретения.

Это были различного рода произведения искусства и драгоценности, среди которых имелись золотые самородки, незаконно вывезенные из многих стран.

Девушка предложила связаться через отца с одним из таких коллекционеров и продать ему слиток.

Вечер сменился ночью, стало холодно. Но компания не расходилась. У русской половины встреча с отцом Кэрл оставила

яркое, но отнюдь не доброе впечатление. Поэтому обсуждали всякие другие варианты, пока молодая леди, не выдержав, спросила напрямик:

– Вы считаете моего отца непорядочным человеком?

Вопрос был задан всем, кроме Алекса, но взгляд девушки при этом остановился на Дятлове.

Пока тот обдумывал, как бы осторожнее ответить, мисс Харрисон, не дожидаясь, сказала:

– Мой отец может быть жестоким, но он честный человек. И еще – он любит меня, а я люблю всех вас и наш парк.

После этих слов, сказанных негромко, но с особенной убежденностью, споры прекратились.

Утром Иван Николаевич, Кэрл и Алекс спустились в город. Алекс сказал, что нужно добраться к посольству США.

В посольстве им был оказан удивительно теплый прием. Посол, молодая женщина лет сорока, уделила несколько минут для общения.

Дятлов не понимал, о чем говорили, но по всему было видно, что его молодые друзья не простые персоны.

Кэрл оставили специальный канал связи, по которому она связалась с отцом. Голосом без эмоций она произнесла всего несколько фраз.

– Привет. Я в порядке, но ты мне нужен здесь. Приезжай быстрее, как только сможешь.

Не дожидаясь ответа, она отключила телефон. Алекс после этого поговорил с каким-то мужчиной, и они отправились восвояси.

Представитель мирового империализма прилетел в парк следующим утром, на одном из вертолетов Воздушных сил США. В присутствии всех Кэрл объяснила отцу их план и показала слиток.

Харрисон, внимательно выслушав дочь, принялся задавать вопросы. Разговор продолжался около получаса, в течение которого неожиданную активность проявил Денис. Переводить никто не собирался. Лишь в конце Денис попросил Ивана Николаевича принести паспорт.

Когда паспортные данные замдиректора были занесены в карманный ноутбук миллионера, тот встал и пожал всем мужчинам руки. Затем он нежно обнял и поцеловал дочь.

– До свидания, господа, – уже на выходе произнес Харрисон. – Надеюсь, все будет о`кей.

Когда шум вертолета стих, Денис объяснил Ивану Николаевичу, о чем договорились.

Харрисон сказал, что коллекционер незаконных редкостей – влиятельный человек в банковском мире. Деньги за слиток он направит в Кыргызстан по линии Всемирного банка. Причем, это будет специальный гранд в несколько десятков миллионов долларов на развитие природного парка. И распоряжаться всеми деньгами будет замдиректора парка Дятлов Иван Николаевич.

– Да он наших ухарей не знает. Быстро деньги заграбастают и меня со свету сживут, – разочарованно начал было Иван Николаевич, но Денис перебил его:

– Все не так просто, дядь Вань. Всемирный банк – очень серьезная структура. Любое вмешательство в их дела не остается безнаказанным ни для кого – ни для частных, ни для государственных лиц. И если они кому доверяют деньги, то поддержка этому человеку будет всесторонней, вплоть до эмбарго и военной силы. Так что за эти миллионы вы тут такую охрану сможете поставить, что никакая зараза не проползет, – глаза парня светились безудержной залихватской радостью.

У всех настроение стало приподнятым. Решили по такому случаю что-нибудь организовать праздничное.

И тут Дятлов вспомнил об Эльфе.

– А неплохо было бы позвать в гости того, кто нам помог, – загадочно улыбаясь, предложил он плохо понимающим друзьям.

До сих пор Иван Николаевич умалчивал о том, как на самом деле был найден кусок золота. «Случайно наткнулся», – таково было его объяснение.

Но теперь ему хотелось поделиться тем, что он знал и что открылось ему в связи с чудесным разрешением проблемы спасения парка.

– Если вы имеете в виду папу Кэрл, то, мне кажется, эта идея напрасная, – сказал Андрей. – У него же все расписано по секундам.

Алекс и юная мисс Харрисон молчали, но в глазах обоих был немой вопрос.

– Я все объясню вам вечером, когда соберемся к ужину у костра, – успокоил ребят Дятлов.

Ужин состоял из запеченной на углях форели с картошкой. Проходя днем с удочкой по реке, Иван Николаевич дважды громко позвал своего сказочного друга:

– Ждем тебя в гости вечером. Приходи обязательно.

На что ответом была удивительно быстро пойманная рыба на килограмма на полтора.

Расселись, не дожидаясь сумерек, когда солнце только опустилось к западным вершинам. Иван Николаевич рассказал об Эльфе и о том, как добрый волшебник помогает понимать жизнь. Ребята слушали с неподдельным интересом, без шуток и колкостей, возможных при другом рассказчике. А когда он сказал, что пригласил Эльфа в гости, все почему-то искренне раздвинули круг у костра, освобождая место, будто и впрямь тот должен был появиться с минуты на минуту.

И Эльф появился. Все в том же одеянии из листьев и трав, седовласый и улыбающийся. Запах исходил от него все время разный. То прелой листвы, грибов, корней. То чебреца или душицы, или еловой смолы. Это были запахи, привычные людям, живущим в горах.

Он сел меж ними и начал рассказ. Это была история о том, что люди забывают, кто они. Думая о своей исключительности, позволяют себе решать судьбы миллионов живых существ на Земле, считая их неразумными тварями.

Они и Землю считают всего лишь куском неживой материи, на которой чудом появилась жизнь. Рассуждая о Великом Создателе, люди не понимают, что Создатель и создал их неразрывно вместе с прочими тварями и Землей. И не их, а Матушку-Землю назначил главнейшей.

И когда чересчур зарываются люди в фантазиях о своем величии, Матушка наказывает их. Скольких уже она стерла, сожгла, потопила, а все не понимают люди в большинстве своем сути земной жизни.

Но радостно то, что люди на Земле начинают прозревать. И этих, прозревших, Матушка будет беречь.

Такими прозревшими оказались сегодня и все сидевшие у костра: Иван Николаевич, Денис, Андрей, Кэрол и Алекс.

ОГНИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА (Lights of the town)

Витька был младшим из трех братьев. Оба старших, Федор и Андрей, окончили институты, имели семьи, работу, достаток и уважение. И он поначалу тоже тянулся за братьями. Окончил торговый техникум, женился, обзавелся дочкой. Жизнь казалась интересной и многообещающей.

Жену Чинару, детдомовскую казашку без роду и племени, он нашел в Семипалатинске, где проходил службу. Родственникам была непонятна такая любовь, и они назвали его выбор блажью.

Со временем Чинара пристрастилась к спиртному и втянула в это дело мужа. Случилось это в середине девяностых, когда шальные деньги находили многих, в том числе и Витьку.

Поднявшись на контрабанде бензина, он решил, что хорошая жизнь будет теперь всегда. Застолья в их доме стали обыденностью, пока однажды не нагрянула милиция.

Чтобы не сесть, Витьке пришлось отдать все. Хорошо, что дочь Катя к этому времени уже училась в далеком Новосибирске.

Подняться снова не удалось. Они с женой скитались по квартирам и перебивались случайными заработками. Несмотря на частые выпивки, жили мирно, удивляя этим родственников и окружающих.

Чинара не дожила до нового тысячелетия один день. Инсульт стал причиной ее смерти. И тут Витька окончательно опустился. Он стал человеком без определенного места жительства со всеми вытекающими из этого последствиями.

Родственники от Витьки отвернулись, и жизнь катилась к закономерному для бомжа концу. Единственной связью его с прежней жизнью была переписка с дочерью. Она писала регулярно, раз в месяц, на адрес старшего брата Федора. Из писем он узнавал о той, другой жизни, которая напоминала их прежнюю, давно позабытую. В ответ сочинял всякие небылицы о собственном маленьком бизнесе, требующем постоянных переездов, и

даже умудрялся посылать какие-то гроши, лишь бы дочка была спокойна.

Это длилось до тех пор, пока однажды, придя к брату за письмом от Кати, он не узнал о том, что дочь собирается приехать в Бишкек.

– Может, хоть Катка на тебя подействует, – с нескрываемым презрением говорил брат.

Витька наскреб денег и отправил срочную телеграмму дочери, в которой сообщил, что уезжает на полгода в Китай в командировку, и просил ее не приезжать. Еще он написал письмо, в котором просил не верить тому, что о нем могут говорить родственники, и обещал через полгода навестить дочь лично.

Дело было в конце весны, когда оживают стройки и набираются строительные команды. Витька подрядился строить особняк в небольшом курортном поселке на Иссык-Куле и покинул Бишкек.

К середине лета бывшего бомжа было не узнать. Витька перестал пить и работал с остервенением, горя желанием зарабатывать.

Он купил недорогой спортивный костюм и ботасы, начал мыться, бриться и выглядел вполне прилично. Вечерами регулярно выходил в поселок прогуляться среди отдыхающих, выдавая себя за одного из них. Он получал удовольствие от этих маленьких путешествий в прежнюю жизнь, которые были для него своего рода репетицией перед будущей встречей с дочерью.

В конце июля «хозяин» перебросил их бригаду на другой объект – такой же особняк, но на окраине Чолпон-Аты, на берегу небольшого живописного залива, по вечерам утопающего в ярких огнях новых красивых коттеджей.

Работы здесь было больше, да и до центра идти нужно было около часа, поэтому времени на вечерние прогулки не оставалось. Но Витька к этому времени уже пользовался доверием и авторитетом среди «коллег», что позволяло ему периодически отлучаться в город за мелкими покупками и для выполнения различных общих поручений.

Он с огромным желанием выполнял эти обязанности, перевоплощаясь на короткое время в «приезжего туриста».

Витька отработал некую методику, по которой он бежал до

центра города трусцой, как следящий за формой даже на отдыхе молодой бизнесмен, затем шел до магазина неспешной походкой отдыхающего, делал там необходимые дела и возвращался назад на маршрутке.

Пробегая в очередной раз перед постом ГАИ на въезде в городок, Витька остановился, как вкопанный, перед девочкой лет десяти, торговавшей абрикосами. Эта девочка была похожа на его Катю в далеком детстве.

Витька видел в последний раз дочь несколько лет назад, на похоронах жены. Катя приехала тогда всего на три дня. У них не получилось нормального разговора, и память, затуманенная алкоголем, не сохранила образа взрослой дочери. Но образ маленькой Кати Витька хранил в своем сердце и в ладанке с ее фотографией, всегда висящей на шее. И он невольно потянулся к незнакомой девочке.

Вовремя сообразив, что надо вести себя правильно, Витька, чуть отдышавшись, спросил как можно ласковей:

– Почему же твои абрикосы?

Девочка повернулась и как-то странно, глядя мимо него, будто не замечая, ответила на чистом русском:

– Сто сомов ведро, – и добавила нежно-просяще, как не делают воспитанные свободным рынком современные подростки: – Берите, дядя, очень вкусные абрикосы.

При этом девочка протянула один плод. Взгляд ее был по-прежнему обращен мимо него.

Витька понял, что девочка была слепа. Горло перехватило, и в душе начало твориться что-то невообразимое. Он сходил с ума от желания обнять и не отпускать ее никогда, защищая от любых невзгод.

Но, заметив вышедшего из постовой будки милиционера, Витька усилием воли сдержал себя и, взяв абрикос, спросил севшим голосом:

– Как тебя звать, доченька?

– Айнагуль.

– Ты плохо видишь, Айнагуль, да?

– Да.

– А что твои родители, они водили тебя к врачам?

– Да, водили. Мне нужна операция, но пока у мамы нет денег.

В это время милиционер приблизился к ним, и Виктор решил не испытывать судьбу.

Он достал деньги и вложил их в ладонь девочки.

– Спасибо тебе. Абрикосы действительно вкусные. Завтра я приду опять в это время. Ты будешь здесь?

– Да, я сижу здесь до вечера, а если меня не будет, то дядя Айбек покажет вам наш дом. Он здесь недалеко.

С этими словами Айнагуль что-то крикнула по-кыргызски в сторону милицейского поста.

Крупный и добродушный с виду блюститель порядка поздоровался с Виктором и объяснил, что он родственник девочки и приглядывает за тем, чтобы покупатели не обманывали ребенка.

Переложив фрукты в пакет, Виктор попрощался и побежал дальше.

С этого времени «отдыхающий русский бизнесмен» дядя Витя, бегающий трусцой для поддержания формы, стал частенько останавливаться и покупать абрикосы у слепой девочки.

Так продолжалось до начала сентября. Виктор жаждал этих коротких встреч, как совсем недавно жаждал алкоголя. Он подолгу разговаривал с Айнагуль, слушал ее голос, словно впитывая в себя ее образ.

К нему привыкли милиционер Айбек и соседки, торгующие рядом. Но больше всего к нему привыкла сама Айнагуль, которая стала тоже ждать этих встреч. Вскоре Виктор знал, что операция обойдется в тысячу долларов и что сроки поджимают, потому что еще полгода – и будет поздно.

В особняк, отделку которого они заканчивали, начали завозить мебель, аппаратуру и бытовые приборы. Виктор прикинул, что можно украсть и быстро продать на нужную сумму.

Все дело заняло неделю, после чего он появился поздно вечером в доме Айнагуль. Впервые они сидели рядом, и он не скрывал нежных отцовских чувств. Ему было ясно, что вряд ли удастся увидеть ее снова, и от этого на душе становилось щемяще-тоскливо.

Подшло время прощаться. Виктор встал и, ссылаясь на ждущее такси и не оглядываясь, рванул в темноту.

Вернувшись в Бишкек он узнал, что родная дочь вышла замуж и переехала с мужем в Москву. Адрес она обещала выслать, но, сколько он ни спрашивал брата, тот отвечал, что ничего не получал от Кати.

Витька снова запил. А с наступлением тепла опять подался на Иссык-Куль. Появляться в Чолпон-Ате он не боялся. Рабочих, готовых, подобно ему, вкалывать за пузырь водки, тут было полным полно. К тому же он так опустил, что совсем не был похож на прошлогоднего «русского туриста».

Так получилось, что человек пять таких же бомжей, к которым примкнул Витька, обосновались в вагончике на территории строящегося отеля на противоположном берегу того живописного залива, где он работал в прошлом году.

Работали не ради заработка, а за еду и спиртное. Пили по вечерам, сидя вокруг костра, если не шел дождь. В город Витька не выходил.

Но в один из дней ему поручили сгонять за пузырем. Был теплый вечер. В Витькиной голове царил сумбур. Знакомые места напомнили о пережитом чувстве, и его потянуло туда, где в прошлом году он встретил Айнагуль.

Он увидел ее сразу среди женщин и девочек, сидящих у поста ГАИ. Она изменилась. И не только потому, что стала взрослее. Ее взгляд стал другим. Она стала видеть.

Радость и страх обуяли Витьку. Ему хотелось подойти к ней, и в то же время он боялся, что его смогут узнать. Он не мог предстать перед ней тем, кем он был сейчас, – человеком без определенного места жительства.

Дождавшись сумерек, Витька все же подошел и, не говоря ни слова, протянул Айнагуль смятую сотню.

– Вам чего, дядя? – вежливо спросила она, настороженно вглядываясь в испитое лицо бомжа.

Он молча взял ее руку и вложил деньги так же, как в первую встречу. Затем развернулся и быстро пошел прочь.

Он не слышал, о чем загомонили женские голоса, но сердце чуть не остановилось, когда знакомый голос прокричал просяще и с надеждой:

– Дядя Витя–я–я... Подожди!

Он бежал в надежде, что сделал что-то важное. И ничего больше ему не хотелось.

А потом его долго били дружки–бомжи, после чего бросили возле воды. Последнее, что задержалось в уходящем сознании Витьки, были яркие, расплывающиеся огни небольшого города, отражающиеся в темной воде залива.

Стократ повторяясь, со мной.
Я здесь поселилась по воле родителей,
чтобы
Прожить свою жизнь,
И детьми обрасти, и любить...
Нужда понуждает
Лишь чувства проверенной пробы
Лелеять и холить,
и в памяти тёплой хранить.
Здесь жизнь неудобна, корява,
как первые вирши.
Здесь кисть винограда от зноя горчит,
как вино.

Здесь линия гор
Диаграммой падений на бирже
Твердит о богатстве, что мы потеряли давно.
Но все неудачи
Души лишь коснутся – и тают,
И солнце смеётся,
Хоть коротко счастье, как спич.
И лет пережитых большая безмолвная стая
Уходит в высоты,
Чтоб их после смерти достичь...

Как защитить,
О, как мне снег спасти
От гибели в разгар грехопаденья?!..
Он, тающий от нежности в горсти,
Не понимает, что ещё надеюсь
Его вернуть обратно, в рай небес,
Куда стремятся смертные усердно...

...Об этом, впрочем, думать очень вредно:
Поймёшь, что жизнь – лишь выплеск,
а не всплеск!

Чуть-чуть луны, листвы и соловья,
И горький запах розы предвечерней...
Так встречи миг, наверное, очерчен
Для нас с тобой во тьме небытия.

ПЕРЕД НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ

Уже стерпелось и слюбилось
В торосах звёзд блуждать века.
Грехи смывая, божья милость
Течёт сквозь душу, как река.

Но голос ласковый: «Маруся!» –
Лучом пронзает мрак времён,
И колокольный звон в Тарусе
Зовёт покинуть вечный дом...

Нежных рук едва сомкнулся круг –
Изменился сразу мир вокруг,
И как будто в чашечку цветка
Жизнь слетела легче мотылька...

...Юность, мимо пройди,
Отряхни с подола эту пыль –
И советов, и взглядов,
Равняющих всех – запятыми...
Ты – в начале пути.
О другом – наша прошлая быль.
Торопись! И не надо
Разменивать медь золотыми.
Опыт прошлого – знак,
Что на лбу выжигают клеймом
Лошадям и рабам,
Чтоб они с колеи не сбивались.
Все ошибки – пустяк
Перед тем, что привычно живём,
Поклоняясь гробам,
Что в душе потаённо остались.
Мавзолей нерушим
Для того, кто живёт во вчера,
Хоть и рядится он,
Молодаясь, под грядущее братство.
Он, как столб соляной,
Не покинет родного двора,
На развилке времён
Накопив из ошибок богатство...

Как легко быть неверной, беспечной,
Все заботы отринув, дела...
Но как будто зажжённая свечка
Мне напутствие в жизни дала.

А, быть может, другая причина,
Что держу почему-то ответ
За любого, кого приручила –
Будто в сказке отроческих лет.

Автор сказки взлетел и растаял
В небе вместе с машиной своей,
Но остался, как вечная тайна, –
Тайна совести в душах людей.

И никто до сих пор не ответил,
Что за строгий советчик в груди
Опрометчиво болью пометил
Всё, что в жизни дано обрести.

ОКНО

Моё окно – волшебный мой офорт,
Меняющий причудливые краски...
Когда живущий немощью распластан,
Природа с ним вступает в разговор:
Собрав цвета, что только в мире есть,
В простом окне взрастит такую клумбу!..

Порою вдаль, спеша, плыву Колумбом,
Чтоб ухватить за хвост шальную весть:
Мол, новый свет открылся поутру,
Наполненный жемчужной дымной лаской,
Где ветер водит с листьями игру,
Кружа подруг цыганской пёстрой пляской,
Где зрители бессменные – стволы –
Смуглы, как платья сбросившие тайки,
Где птиц мелькают сбившиеся стайки
И чертят лишь уютные углы...

Спасибо, жизнь! Ты каждый день – моя!
Ты собрала себя со всей округи...
Я знаю: мы нуждаемся друг в друге
Среди сует земного бытия,
Где трудно быть замеченным другим,
Поскольку все наполнены собою...
Моё окно связует нас любовью
И каждым новым замыслом благим.

Лишь миг один – как хрупкий лист,
В осеннем сумраке летящий, –
Мы думаем о настоящем,
Ведь облик будущего – мглист...

Мне твоя понятна ностальгия
По любви, раскрывшейся едва...
Жизнь проходит. Вешним цветом сгинет
Всё, о чём кружилась голова.

И плодом цветов не каждый станет
Вопреки ветрам и холодам...
Я люблю глаза оттенка стали,
Хоть над ними прядь уже седа.

Но люблю, наверное, без страсти,
Будто осень, сдержанно-строга.
Маки отпылали и угасли.
Потемнели, съёжились стога.

Приумолкли птицы. Только слышен
С водостока долгих капель стук.
Этот мир таким создал Всевышний –
Наших душ мятущихся пастух.

И, когда печаль нахлынет, знаю,
Что в последний миг мы вспомним вдруг
Не весну, не белых яблонь стаю,
А плоды уже уставших рук...

САД

На крепких ветках яблок вновь не счесть,
И каждое – одно другого краше...
Мы, говорят, стареем.
Но Бог весть
Когда душа людская станет старше
Самой себя. Она всегда – дитя,
Что тянется к природе безотчётно.
Мы прожигаем жизнь свою шутя
В борьбе за... жизнь
и в поисках бесплодных
Приснившегося рая на земле.
А он так близко, в двух часах от дома, –
Желанный, щедрый, жёлтый и зелёный, –
В оправе гор, и речек, и полей...
И ведь иным вовеки не дано
Себя в раю забыть хотя бы на день:
– Нет-нет, – вскричат,
Всему, мол, срок свой даден!
Как будто всё в тюрьму заключено...

ДВА ДЕРВИША

Два дервиша беседуют в тени
Смоковницы, что старше их намного,
Как будто бы за пазухой у Бога
И словно у него они одни.

В своих надеждах весь земной народ
Под эту сень спешит, других толкая...
Я – третий дервиш. Я про сень не знаю.
Одна бреду, куда мой путь ведёт.

Евгений КОЛЕСНИКОВ

Я ЖИВУ В ПЕРЕВЕРНУТОМ МИРЕ

Известно определение: человек, кровно вобравший в себя культуру родного народа как непреходящее духовное богатство, – в должной мере богатый человек, а познавший культуру, допустим, еще одного народа, – богат едва ли не дважды. Евгению Колесникову, уроженцу срединной России – Алтая, довелось долгое время жить в Средней Азии, в Кыргызстане, где в силу определенных обстоятельств – историко-политических, административных и вообще житейски насущных, сложилась основательная русскоязычная культурная общность. Прозаик, поэт, чьи книги выходили и в Киргизии, и в Москве, Евгений многие годы работал в «Литературном Кыргызстане» и по сей день является членом редколлегии журнала. С середины девяностых годов живет в Москве, заведует отделом по творческим связям с центральноазиатскими республиками в Международном сообществе писательских союзов. Заслуженный деятель культуры России.

Я живу в перевернутом мире.
Видно, это уже – по летам.
Солнце всходит не там, где на лире
Я играл... И садится не там.

Хладен зной... Выхода нет от посева,

Не звучит благодатная тишь.
Всё не там. Даже сердце не слева.
Где оно?.. А ты косо молчишь.

И меня донимает волчанье –
Вою, словно голодный собрат.
Ты любила... Теперь – умолчанье,
А за ним – немота во сто крат.

А причем-то любовь? В скоротечной
Жизни живы – едва на плаву
Оттого, что в гордыне извечной
Снизу вверх наклоняем главу.

НА ГОД СОБАКИ

Бежит собака по коридору
В содоме дома, где я живу.
А мне все мнится: иду я в гору, –
Там эдельвейсы... А наяву?

Желанна зависть к тореадору:
Риск на арене – не во хлеву.
Бежит собака по коридору.
Живут собаки... А я живу?

Живу условно. Живу в полмеры,
И движет мною благая мысль:
Пробиться в гору, где путь в премьеры,
Но тщетна доли падучей высь.

Живое слово златому кляпу
Предпочитаю, как тьме – огонь.
Бежит собака... Ну дай же лапу.
Да не на лапу. Ладонь – в ладонь!
1994 г.

СТЕКЛО

Жили мы глаза в глаза – светло

Было в них, блажных, но чуждых розням.
А теперь живём через стекло,
Тронутое инеем морозным.

На стекле мороз – дремучий лес,
Где вольно, как в жизни, заблудиться
И найти тебя среди завес
Снежных – в единении забыться.

На стекле морозней – и уже
Сень папируса, и ты как жрица,
И степной татарник – всё искрится
В белых росах – там... А на душе?

Тронутое инеем змеистым,
В бурелом низвергло нас оно,
Где таился леший с хрипом мгlistым:
В жизни – то бело, а то черно!

Я молил тебя, а сердце жгло:
Дай же мне понять тебя – о, дай же!
Мы познаем близость... Ну, а дальше
Встанет это мерзлое стекло.

Там виденья – любви иль не любви –
Отдавались ледяной реке.
Ты шептала, и смежались губы,
Словно веки с ладанкой в руке.

Я зывал: всесветной мыслью движу –
Как делиться жизнью на двоих...
Ты гласила: я тебя не слышу!
Но и я не слышал губ твоих.

И меня губительно знобило
Оттого, что ты в глухом лесу
Жестами меня наотмашь била,
Точно ветвь по стылому лицу.

И глаза – на стёклышки... И, грешный

Тем, что единенье истекло,
Понял я, срываясь в ад крошечный:
Это есть всецветное стекло.

И душа страдальным алтарём
Вспыхнула – я слеп в безмерном склепе.
Там гудит на все леса и степи:
Кто же будет мне поводырем?
Как же у косящих на виду,
Что так слеп я, не подам и виду,
На тропу всевидения выйду
И тебя покаянно найду?

Тщетно вопрошенье... В снежных росах.
От тебя в смертельном далеке,
Станет мне спасеньем зрячий посох –
Ветвь в твоей исхлестанной руке.

СПАСИТЕЛЬНИЦА

Героиня моя, героиня
Средь бытийного злого огня –
Тяжких сум, диких пуль, героина
В ожиданье святейшего дня.

На телеге, в авто иль в гондоле –
Миллионы, но ты есть одна,
И несусь я тебя на ладони
Белу свету – смотрите: Она!

Свет – Она... Как вселенски ей выжить
На земелье – её же молю.
Доля тяжкая – нежностью вышить
Огрубелую душу мою.

Жажда – жаждешь земного покоя,
Но его-то нам рок не изнёс.
Ты прости – это время такое

Или мы, но живём на износ.

Ах, война... Я таскал оберемья
Тала по снегу – теплится изба...
Ты выносишь меня, словно бремя
Во судьбе, – как роптать на судьбу?!

Только взгляд вопрошающе скосишь,
Свои боли под сердце гоня.
Ты выносишь меня, ты выносишь –
Медсестра... плача... из-под огня.

РАВНОВЕСИЕ

Я не известен миру. Ну и что?
Кому он весь известен – вряд ли знает
Бел свет, над коим высится кресто-
Образный лик, что мыслью тьму пронзает.

А древний крест – былого ли постой?
Нет, живо все, как зрак судьбы пытливой –
Ведуны: есть во истине святой
Земля и небо. И погост под ивой.

Погост... Мой дух витает по крестам.
И мир, вестимо, разумом небесен.
Пока он все ж известен. Ну а там
Мне будет всепогостно не известен.

РЕКВИЕМ

Река течет в земной тиши,
Но есть крутой судьбы излуки:
Стоять у гроба свет-души –
Беда черней смертельной муки.

Беда – не знать, не понимать:

Как жизнь нисходит скоротечно.
Сын навсегда хоронит мать,
А мать хоронит сына вечно.

Мы так живительно живем,
Как будто жить нам целы веки.
И вдруг наш век сырым жнивьем
Устелен саваном навеки.

А веки спят... И вновь живут,
Блаженно видя на планиде
Глаза и душу – кровный жгут
Бессмертия. Но жизнь не иде...

Не иде жизнь. А мысль жива
Своим страдающим стараньем:
Жизнь вечно есть. Но жизнь права
Извечно горьким умирањем.

ВОСПРОШЕНИЕ

Памяти матери

Мать умирала... В слабом теле
Дух сатанинской болью жгло,
На смятой стонами постели
Тлеп выдох: «Дюже тяжело!..».

О боже, а жила легко ли –
То закипь слез, то пот с лица...
И, как ярмо, влачила долю
Солдатки вдовой – до конца.

И без мольбы о дешевизне
Мирской ждала насущных дней.
За что такие муки жизни
И трижды – расставань с ней?

И все ж в метаньях голубиных

На смерть готовленных одежд
За жизнь хваталась – на глубинах
За бревнышко былых надежд.

И шла ко дну в злой водоверти:
Жизнь-смерть, смерть-жизнь – сквозь решето.
...Страша не смерть, а муки смерти,
Как божья кара. А за что?

ЗАПОВЕДЬ

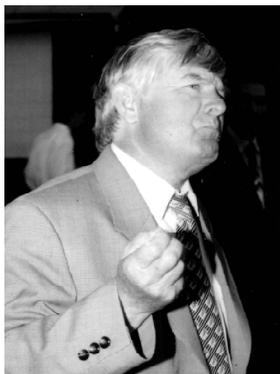
Я дом построил на земле
И дерево взрастил при доме,
Где явлен сын в земном тепле, –
Все есть земное... Что же в томе

Небесно писанном? А в нем
Мне суждено заветным словом
Творить триаду – и огнем
Залить все воды в круге новом.

А как залить? Огонь горит,
А не течет, как воды мира.
Кто говорит: горит, парит –
То все одно. В кострище – сыро...

А вечность высушит былье
В костре, пылающем надводно.
Вода, огонь – и все мое:
Дом, дерево и сын... Всеродно.

Всеродность – степи и леса,
Ветра и травного захлеста
Тропа крутая от погоста
В неведомые небеса.

Леонид КАЛАШНИКОВ

Из цикла «Русский рубеж»

Стихи
90-х годов XX века

Леонид Калашников пишет стихи с 14 лет. В 16 лет впервые его небольшую подборку напечатала молодежная газета «Комсомолец Киргизии».

В годы учебы в Казахском государственном университете в Алма-Ате стихи молодого автора публиковались в республиканской газете «Ленинская смена», а позже – и в краевых газетах «Молодой целинник», «Целинный край», издававшихся в Целинограде (ныне Астана), где в одной из них он работал корреспондентом. В те же годы вышла в свет первая небольшая книжка стихов Леонида Калашникова с романтическим названием «В поисках Города счастья», за которую он получил премию на краевом конкурсе молодых поэтов. А затем – долгие годы работы на поприще публицистики. А стихи писал «в дневник», лишь изредка печатая их в газетах и журналах России, Казахстана, Киргизии.

И вот в 2005 году – к юбилею Леонида Калашникова – издана в Бишкеке книга избранных стихов «Мои раздумья на заре», в которой почти 600 страниц.

Леонид Калашников – один из первых лауреатов премии президента Кыргызской Республики «Золотое перо». Удостоен высоких духовных наград России – медалей имени А.С. Пушкина, М.А. Шолохова. Награжден орденом «Данакер».

Хоть жил я на окраине Союза,
Я с ним был связан сердцем сотней уз.
И мне по силе были эти узы –
Моей Отчизной был большой Союз.

Теперь я бывший, с прозвищем «совковский»,
С самим собой один я на один...
По статусу я вроде эсэнговский,
По жизни – второсортный гражданин.

Такой я и в Москве, да и в Бишкеке –
Потомок русских пращуров. Живу
Опять в двадцатом, красно-белом веке
И всё, что есть, приемлю наяву.

Уже не жду от жизни благодатства,
Теперь я знаю точно: на беду
Я выпал из большого государства
И к малому никак не припаду.

Еще по-русски говорят
В краю долин у горных круч.
Слова, как купола, горят,
Язык по-прежнему могуч.

Но голову клоню я ниц
При стариках, чья боль простая,
Они напоминают птиц,
Отбившихся от стаи.

Не пересилить им себя
И не подняться, не взлететь...
У них жестокая судьба –
Вдали от стаи умереть.

При звуке гимна всё встают,
Стоят, как изваяния, как тени.
Как будто все в одном строю,
Хоть гимн всем распрямил колени.

И я стою! И гимн пою!
Как будто бы в строю не лишний.
Я поднял голову свою
Не так, как в жизни, а повыше.

Но впереди затылки, спины –
Стоят все! Изваянья, тени...
И только смолкли звуки гимна,
Я сел – пора согнуть колени.

Где Русь?

Где Русь? Иль в мире стала лишней?..
Чубайс, Гайдар – сплошной Собчак.
Вся русская Россия вышла...
И жуткий воровской общак

Её в кровавой луже мочит.
Любого встречного спроси:
Рвачам, льстецам, подонкам
Живётся славно на Руси.

Нет русского в России духа,
Иудам отдалась – лежит,
Сванидзе ей вещает в ухо,
Как жить ей, русской, надлежит.

И губит душу бормотухой...
Вот до чего ты, Русь, дошла:
Разграб, разборки и поруха,
Чубайс, погост, колокола...

Душа заходится от стонов,
Тоска изжалила, как гнусь.
Увозят в чемоданах и вагонах
Родимую есенинскую Русь.

Красивых женщин – в бардаки Парижа,
Иконы русские – во все края.
А мне осталось умереть иль выжить
С тобою в сердце, Родина моя!

Не лейте слёзы над страной распятой.
И не пытайте дух, сердца и нервы.
Фашистов мы сломили в сорок пятом,
Победу сдали в девяносто первом.

С годами эта боль невыносима...
Сегодня наяву, а не в молве,
Захваченная бедностью Россия...
С жирующей элитой в Москве.

Да только ль в этом Русь двулика?
Двуглав орёл, разломлен русский ген...
Теперь взамен нам Родины великой
Содружество... с конечной буквой «г».

Пока ещё не всё продали –
В распыл пустили, на позор.
Пока ещё не всех предали,
И жив ещё Земли простор –

Поля России, доли, реки...
Остановитесь! Ведь во зле,
Кипящем в русском человеке,
Быть может приговор Земле.

Ведь Русь горящею кометой
В столетьях на Земле летит,
И взрыв её все страны света
И обожжёт, и ослепит.

Страну и души рвут на части.
О, люди, люди! Как же так?
И мы к такому безучастны? –
Цена нам – ломаный пятак!

На раскуп Родину, на вывоз...
Затмило небо вороньё,
И вновь вопит победный вызов
Свое родное воровьё.

Иль впрямь мы это заслужили? –
Цена нам – ломаный пятак.
Иль мы до грани той дожились,
Что с нами можно только так?

О Родине болят сердца

Людьми мы были здесь – в стране недавней,
Теперь мы как ломбардное хламьё,
И Русь была нам Родиной недалёней,
Теперь она осталась за холмом.

И мы теперь остались за границей,
Изверились мы в Родине большой...
Но приглядишь, Россия, в наши лица,
Ведь мы ж твои, мы – русские ещё.

Но ты в упор не видишь наши лица,
Пытаешь дух у пограничного столбы.
Мы для тебя – всего лишь заграница,
Отпавшая от Родины толпа.

Русь моя отеческая

Когда-то с моей Родиной советской
Сверял свой шаг двадцатый грозный век.
Теперь живу в стране до жути светской,
Под кличку «совковский человек».

Обидно ль мне?.. Обиду пересилю,
Приму – как Страшный суд – всю боль мою и быт,
Но знать бы мне, что Родиной – Россией –
Хоть капельку я буду не забыт.

Но знать бы мне – её кровинке, родинке,
Когда в последний путь свой соберусь,
Что Русь – моя отеческая Родина
В веках не перестанет зваться – Русь!

Мой народ

Мой великий народ, ты всегда был подсуден.
Кто из злых языков про тебя не трепал,
Что и слаб ты умом, загулялся во блуде,
В кабаках свою душу не раз пропивал.

Что работа твоя – вечно поле да сеча,
А дороги твои – буераки и зги,
И в истории ты тем и будешь отмечен,
Что пощады к тебе не питали враги.

Что являешь ты миру, что в мире не видели, –
То гулагские замки, то героев венцы,
А твоих переломок великие лидеры –
Горлопаны, предатели и подлецы.

И живешь ты не в славе, а больше в позоре,
И врагов у тебя – не измерить, не счесть.
И огромный твой дом вечно в диком разоре,
И сегодня пылают в нем ненависть, месть.

Ну а ты все живешь с сердцем настежь, расхристанно...
Я оспаривать злых языков не берусь,
Только знаю, что есть непреложная истина –
Что стоит и стояла Великая Русь.

Ответ другу

Хоть и глаза мои до боли синие,
У этих гор я вовсе не чужой.
Но как-то друг мне бросил: «Да, Россия,
Она теперь уже за рубежом.
А ты теперь ее отлеток грустный,
Отстал ты, брат, от стаи журавлей...
Ты головой и нравом очень русский,
Тебе б жилось на Родине милей.
Пора тебе с твоею слиться Русью,
И ей отдать до капельки всего.
Ведь ты же понимаешь, ты же русский,
Решай: чего бы взял с собой, чего?»

Скажу одно: проводим, как положено.
Устроим той, положим устукан...»
Я чувствую, растет во мне помноженная
На жизнь мою суровая тоска.
Тоска от слов. Их смысл я понял, понял,
Что день настал, когда я стал чужой...
И вот теперь об этом мне напомнили,
Что жил всю жизнь я здесь – за рубежом.
Что по полям ходил, где мать страдала,
Каким–то перелетным журавлем,
Что мне жена детей моих рожала
Как будто здесь, но здесь – за рубежом.
Что дом мой тихий, с сердцем нараспашку,
Под этим небом в думу погружен,
Глядит окном в мои луга и пашни,
Стоит он здесь, но здесь – за рубежом.
Что под холмом, навеки сердцу близком,
Где скорбный крест за веру водружен,
Там мама под горой лежит кыргызской,
Уже давно лежит за рубежом...
Ожгли слова. Пылала мысль, как рана,
И я ответил: «Взял бы я чего? –
Я взял бы землю вместо устукана,
Но только... после гроба моего».

ПУБЛИЦИСТИКА

Станислав ЕПИФАНЦЕВ

Соотечественники. Что ждут они от России. И что жребий готовит им

Родился и вырос в Киргизии. После окончания Ленинградского механического института Станислав Епифанцев работал в ОКБ Института космических исследований в Бишкеке. С 2000 года включается в работу общественных организаций. В 2004 году стал одним из инициаторов создания Православного благотворительного Владимирского общества.

Возглавляет эту организацию с момента ее основания. Представляет Киргизию, Таджикистан и Туркмению во Всемирном координационном совете российских соотечественников.

На самом деле: что ждут русские соотечественники в странах Центральной Азии от России? Как ни парадоксально, но еще вчера абсолютно точным ответом было бы ни - че - го! И этому есть вполне конкретные причины и объяснения. Для понимания ситуации надо слегка углубиться в историю русских в странах региона.

Особый подвид русского человека

Современная русская диаспора региона формировалась на протяжении двух последних столетий. Жизнь пионеров, когда надо было быть готовым и осваивать эти земли, и заодно всегда быть готовым взять оружие в руки, сформировала особый подвид русского человека – стойкого к трудностям и лишениям, трудолюбивого и если и не лишенного традиционных русских поро-

ков, то в значительно меньшей степени им подверженного. К этому можно добавить, что жизнь в приграничье бок о бок с коренным населением выработала и высокую межнациональную толерантность, а иначе здесь и прожить было бы невозможно.

В конце XIX века и начале XX в эти края переехало немало количество людей из числа служилого люда, интеллигенции, предпринимателей и, надо полагать, немало авантюристов. А после Октябрьской революции образовался сплошной поток переселенцев, беженцев, ссыльных, репрессированных и т.д. Соединившись с предыдущими волнами переселенцев, они и дали ту ядреную смесь, которая сегодня называется русскими Центральной Азии, в крови которых чего только не найдешь. Возьмите хотя бы того же генерала Корнилова, мать которого была казашкой (по другой версии – калмычкой). Благодаря высокому уровню образования и культуры переселенцев XX века, русские стран ЦА вовсе не были зачуханными провинциалами. Они являлись носителями хорошего русского языка, в регионе хорошо были развиты литература, театральное, изобразительное искусство. До сего дня отдельные оперные певцы, балетные танцовщики успешны на мировой сцене. И это, конечно, заслуга русских.

Так почему же в новейшие времена русские ничего не ждали от России? Ответ на поверхности. Развал Союза оказался громадной трагедией для огромного количества русских людей, которые мало того, что внезапно оказались без денег, без работы, но еще плюс ко всему оказались внезапно в положении неведомой тогда «диаспоры», то есть, по сути, без Родины. Это была трагедия, суть которой не столь уж многие понимали внутри России. В том числе и российская элита, которая спешно рвала на части бывшую общую собственность и боролась за власть. И которой было вовсе не до наших страданий.

Фактически Россия в то время бросила своих граждан на произвол судьбы и, даже более того, усугубила вопрос, поставив многочисленные рогатки на пути русских, желавших вернуться на родину предков. К примеру, получение российского гражданства было достаточно изматывающей, тяжелой процедурой. А сколько проблем возникало чисто бытовых? Тем не менее миллионы русских своими силами переехали в Россию, и их невидимые миру слезы так и остались невидимыми. Те русские, которые все же остались, показали в полной мере силу духа.

Русские в Киргизии быстро поднялись и, как правило, заняли нишу местного среднего класса. В русской среде весьма мал слой люмпенов. Соответственно, и психотип у этих людей сложился, можно сказать, эволюционно соответствующий. Они привыкли полагаться только на свои силы, привыкли во что бы то ни стало держаться на ногах. Возможно, все это звучит несколько пафосно, но это правда. Например, нам непонятно и порой забавно смотреть российские телеканалы, когда россияне жалуются на все и повсюду, к примеру, в ЖЭК, что у них течет крыша или кран. Они даже не понимают своего счастья, что им есть куда и кому жаловаться. Нам некому жаловаться, мы просто чиним, делаем и только потому выживаем.

При этом здешние русские очень мало политизированы, хотя внимательно следят за общей политической ситуацией. Хотя бы просто потому, что сразу же после получения суверенитетов во всех странах региона развитие пошло по пути этнократии. И ни у одной из клановых национальных групп нет интереса к политической деятельности русской диаспоры, нет такого интереса и у России, а потому немудрено, что в диаспоре доминирует принцип: «Не жди, не надейся, не проси».

Что мы, русские, ждем от России сегодня?

Какова же ситуация сегодня?! В реалиях практически не изменилось ничего, а концептуально очень многое. Принципиальным и архиважным (как говаривал Ленин) является тот факт, что Россия в лице своего руководства провозгласила (другого слова не подберешь) новую политику в отношении соотечественников за рубежом. И вполне понятно, что Россия, претендующая на роль великой державы, просто не могла оставить втуне, без внимания огромную армию соотечественников за рубежом. Ведь в зависимости от формулы понятия «соотечественник» количество этих самых соотечественников колеблется от 25 до 300 миллионов человек. От этой виртуальной цифры может закружиться голова любого политика.

Если России вместе с нами, «соотечественниками за рубежом», удастся построить полноценный «Русский мир», то стоимость и результативность такого проекта будут чрезвычайно велики. Именно этим принципиальным обстоятельством объясняется изменение русского вектора в регионе. К тому же если говорить о Киргизии, то очевидно, что вопрос о нахлебничестве

просто не стоит, мы далеко не африканские беженцы. Практически Россия получила в лице диаспоры огромный и реальный потенциал людских, да и материальных ресурсов. Ведь сегодня каждый самостоятельный переселенец перевозит с собой и инвестирует в Россию минимально десятки, а то и сотни тысяч долларов. Это – покупка квартиры, имущество, а нередко и бизнес. С учетом количества переселенцев это сотни миллионов долларов, и потенциал в этом ракурсе далеко не исчерпан. Кроме того, Россия получает граждан абсолютно адаптированных к рынку, которые до сих пор самостоятельно переезжали и устраивались на местах порой вопреки, а не благодаря поддержке и помощи России. Только из Казахстана и Киргизии отправилось в ее края, по разным оценкам, не менее четырех миллионов граждан. Кто-нибудь пробовал взвесить этот вклад?

Что мы, русские, ждем от России сегодня? Ожидания эти вытекают из тех проблем, которые мы имеем в странах проживания. Впрочем, главное на первом этапе мы уже получили. Это закон об упрощенном принятии гражданства (срок действия которого, к большому сожалению, подходит к концу) и «Программа переселения». Здесь пока вторично, что чиновники, как всегда, заволокнули вопрос, и, по сути, «Программа переселения» еще толком не работает. Русские в регионе живут под постоянным националистическим давлением.

Осознание того, что мы не в тупике, что у нас есть реальный и доступный шанс без проблем уехать, кардинально меняет психологическую ситуацию. Даже местный националистический актив, несмотря на его яростное давление на русских и русский язык, смущает внезапная возможность быстрого и проблемного исхода русского населения. Даже они понимают негативные последствия исхода русского населения для экономики, социальной сферы и пр. Понимает и властная элита. Как результат, власти начинают предпринимать кое-какие меры для ограничения националистической риторики в прессе. В этом плане мы ждем того, чтобы «Программа переселения» реально заработала. Прекрасно, что на переселенческий рынок выйдут дополнительно еще с полсотни регионов России. Конечно, русские в обозримой перспективе не выедут полностью из Центральной Азии, но мирный и планомерный исход русского населения сильно оздоровит ситуацию. И при этом, объективно говоря, повысит востребованность остающихся, что, впрочем, уже

наблюдается. В условиях хронического и катастрофического падения профессионального образования специалисты, практически любых специальностей, востребованы и хорошо оплачиваются по местным меркам.

То есть, по сути, в результате Россия получает людские ресурсы, а с ними прямые и скрытые инвестиции. Желающие вернуться на Родину предков получают эту возможность относительно просто, без больших проблем. Для остающихся русских освобождается рынок труда, и при этом националистическое давление постепенно будет сдуваться, как, например, это уже имеет место в Узбекистане, или переориентироваться на другие национальные группы. В этом, конечно, тоже нет ничего хорошего. Но что есть, то есть.

Партнерские отношения в пространстве Россия – диаспора

Чего же и как мы еще хотим, кроме того, что уже есть? Русские нашего региона в большинстве своем хотят сотрудничества с Россией на паритетных началах. Конечно, мало кто откажется от «халявы», если таковая будет, но это не принципиально. Конечно, социально обездоленные старики в регионе нуждаются, безусловно, в поддержке, причем больше, чем старики в самой России, по вполне понятным причинам. За прошедший период все внимание России концентрировалось на проведении чисто гуманитарных программ и фольклорных мероприятий. Не отрицая важности этого направления, хочется отметить, что нынче поддержки соотечественников, поддержки русского языка и культуры только на фольклорном уровне явно недостаточно.

Отрадно наблюдать появление новых направлений в работе с соотечественниками, появление качественно новых мероприятий, свидетелями и участниками которых многие из нас являются. Ведь уже совершенно очевидно, что если мы хотим иметь сильную и влиятельную диаспору, то необходим переход на партнерские отношения в пространстве Россия – диаспора. Российскими соотечественниками за прошедшие годы накоплен мощный опыт жизни в диаспоре, который может быть полезен России. В процессе организации партнерских отношений стоит воспользоваться и опытом наиболее успешных мировых диаспор на базе своего собственного приобретенного опыта.

На мой взгляд, необходимо создать условия для реализации таких системных взаимосвязанных проектов на местах, которые, с одной стороны, будут гарантированно реализовывать потребности российских соотечественников, будут отталкиваться от принципа самокупаемости, а с другой стороны, смогут стать центром развития, катализатором (и возможно – спонсором) возникновения и развития следующих программ и проектов. Такой подход к работе у большинства не вызывает оптимизма и не приветствуется. И их можно понять. Но можно и посочувствовать. Время диктует новые правила и требует новых решений.

Основной посыл – постепенный отход от программ, работа которых основана только на привлечении и освоении спонсорских средств (конечно, кроме проектов благотворительной направленности). Для первоначального финансирования должны быть представлены проекты, позволяющие на принципах самокупаемости вернуть затраченные на их воплощение средства, либо гарантирующие направление доходной части своего бюджета на новые культурологические, образовательные и т.д. проекты. При этом первоначальный проект становится центром реализации целого направления или даже спектра направлений. Тем самым создается единая «сеть» взаимосвязанных и состоятельных в финансовом плане проектов и программ.

Такая схема работы позволит вывести на новый уровень отношения России с соотечественниками. Исторически так сложилось, что русские за всю свою историю никогда не могли создать сколько-нибудь эффективной и структурированной диаспоры. Предлагаемая схема работы может стать той самой основой, которая позволит русской диаспоре не только самореализовываться, принять активное участие в общественно-политической жизни стран проживания, но и достойно представлять интересы России в регионах.

Наглядным примером возможности реализации «необычных» принципов на практике является деятельность Владимирского общества. Общество осуществляет программу сотрудничества с российскими вузами с целью оказания содействия гражданам республики в области образования и культуры. Уже несколько лет Владимирское общество осуществляет эту работу в партнерстве с организациями из других стран региона. Такое партнерство позволяет организациям объединить свой опыт и потенциал, а также позволяет реализовывать региональные проекты. Основной

посыл всех проектов – гуманитарная направленность и общественная значимость на основе максимальной самоокупаемости.

Ключ от Центральной Азии – русский язык и культура

Россия на сегодня вполне четко и недвусмысленно обозначила свои политические и экономические интересы в регионе и от этого надо отталкиваться. Маловероятно, что интересы соотечественников будут приоритетны по отношению к этим политическим и экономическим интересам, иллюзий особых здесь нет. Россия явно продолжит до поры до времени закрывать глаза на внутреннюю политику стран региона по отношению к соотечественникам. Но, во всяком случае, есть надежда (а после известных событий это уже почти уверенность), что не допустит крайних, радикальных форм. И речь, понятно, о чем.

Ключевыми в этих условиях видятся вопросы поддержки русского языка, культуры и образования. Не только как естественной среды обитания русского человека, но и как важнейшего фактора обеспечения своих интересов в регионе. Не секрет, что лояльность и достаточно толерантное отношение к России до сих пор диктуется тем, что практически вся нынешняя элита получила образование на русском языке и зачастую в российских вузах. Это не довод для них, чтобы любить особо Россию и русских, но из «объятий» русского образования ни психологически, ни на практике вырваться для этой группы невозможно.

Однако совсем иная ситуация с новой генерацией политиков, экономической элиты. Как правило, дети элиты получают образование на Западе, и это очень четко ощущается внутри стран Центральной Азии. Эти люди уже отчетливо ориентированы на западные ценности. Россия для них – вполне отвлеченное понятие, всего лишь бывший колонизатор.

Смягчает ситуацию тот момент, что практически все они русскоязычны и школьное образование получили на русском языке. Но и этот момент имеет тенденцию к отмиранию. Количество школ с преподаванием на русском языке стремительно сокращается. Сегодня в угоду западным донорам в школах и вузах реализуются программы по навязыванию новых «ценностей» и «культурных ориентиров». Нам на смену идет поколение, для которого и совместная история в составе СССР, и нынешняя Россия – абст-

рактность, строка в учебнике, не более. Говорить о воспитании детей в многовековых традициях русской культуры, конечно, уже не приходится. Мы несем невосполнимые потери в рядах новых поколений. К тому же, продолжительный опыт работы нашей организации говорит о том, что ребятам из региона ЦА с каждым годом все сложнее поступать в высшие учебные заведения России. Причин тому много: все большее расхождение школьных программ, нехватка квалифицированных преподавателей, сокращение сферы применения русского языка и многое др. И путь решения проблемы напрашивается сам, и, думается, он очевиден.

На мой взгляд, вполне актуальным на сегодня является вопрос создания в регионе системы кыргызско-русского образования по интегрированным программам и учебникам. Именно поэтому в 2006 году нами была разработана Концепция создания русской гимназии в Бишкеке. Сеть подобных учебных заведений должна стать залогом сохранения единого образовательного пространства и будет гарантировать получение образования на русском языке. Кроме того, такие школы должны быть открыты для детей всех национальностей, для которых такое образование будет, безусловно, привлекательным. Создание, или, вернее, воссоздание, системы образования тождественного российскому должно производиться, главным образом, на условиях нового времени, то есть на условиях самоокупаемости. И отвечая на поставленный в заголовке вопрос, можно сказать, что поддержка в запуске подобных проектов благотворно скажется и на решении проблем самой диаспоры, и на отношении к ней со стороны местного населения.

Приятно, что наша инициатива получила развитие, поддержку и в этом году. Благодаря фонду «Наследие Евразии» был разработан проект «Русские школы в Центральной Азии». Этот проект включает в себя, как один из главных элементов, создание сети учебных заведений, важнейшей задачей которых является изучение и популяризация русского языка. В качестве пилотного проекта рассматривается вариант открытия в Бишкеке Владимирской гимназии. Недавно сделан первый шаг в реализации проекта – 1 сентября 2008 года под патронажем Бишкекской и Среднеазиатской епархии РПЦ была открыта первая в Бишкеке русская православная школа – Школа Святого Владимира. И, несомненно, уникальное на территории Киргизии учебное заведение внесет свой вклад в восстановление и продолжение традиционных

нравственных ценностей и преемственности нашей тысячелетней культуры.

Так что сегодня назрел момент для решительного укрепления позиций русского языка и культуры в регионе. Было бы целесообразно создать региональный центр русского языка и культуры. И в этом плане именно Киргизия представляется наилучшим местом в регионе для реализации проекта. Центр, который объединит под своей крышей усилия всех заинтересованных организаций и структур, который позволит сплестать воедино самые разные проекты, ориентированные на поддержку интересов российских соотечественников.

Практика показывает, что именно русский язык и культура есть то корневое, что может служить базой объединения многочисленных и раздробленных российских организаций за рубежом. Думается, лучшей кандидатуры, чем Бишкек, не найти. Киргизия – это маленькая страна с очень толерантным населением, с прекрасной природой и климатом, равноприближенная ко всем странам региона. И, что немаловажно, без претензий на региональное лидерство. На сегодня это пока страна с самым либеральным законодательством в ЦА. И этот момент тоже необходимо учитывать. К тому же в отличие от наших соседей – с очень умеренными ценами на недвижимость и услуги. Такой центр мог бы стать и центром повышения квалификации учителей русского языка для всего региона и центром работы в рамках ЕГЭ в регионе и многого другого.

Независимо от страны проживания, русские в Центральной Азии испытывают определенный дискомфорт. Чем Россия может повлиять на развитие настроений в обществах стран региона? Продуманная система работы с национальной интеллигенцией, несомненно, должна быть одним из приоритетов. В связи с этим все важнее становится проведение политики поддержки Россией друзей из числа титульного населения. И мы уже видим в нашей стране положительные примеры такой работы. Создание слоя не просто лояльной, но дружественной интеллигенции, бизнесменов, политиков. Деятели культуры должны получать гранты, премии, возможность возвращаться в российском культурном пространстве. В советское время существовала программа подготовки национальных кадров на льготных условиях. Нужна подобная, но с учетом новых реалий. Сегодня друзья России даже порой боятся высказаться в ее поддержку, элементарно боятся, как, напри-

мер, во время кавказской войны. Почему бы не организовать клубы выпускников российских вузов, чтобы они встречались, общались между собой – не раз в году, как сейчас, а на постоянной основе. Расходы будут невелики. Но при разумном подходе они могут быть самоокупаемы, а, главное, престижны и станут одними из центров влияния.

Азия уважает силу?

Общеизвестно: в Азии испокон веку уважают силу – как военную, так и экономическую! Это прекрасно понимали англичане и до сих пор не понимают многие в России. Это хорошо видно по трансформации отношения к России и русским в странах региона. Каким оно было в 90-е годы и каким становится ныне.

Сейчас у России не так уж много друзей. Сильного, может быть, и не очень-то любят, но уважают. Как сказал недавно один польский политик про отношение поляков к России и к русским: «Некоторые поляки были бы полностью удовлетворены, если бы правительство России объявило о самороспуске страны, а всех своих граждан призвало покончить жизнь самоубийством». Но не все так печально, как ноют российские псевдодемократы. Известная поговорка гласит: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным». Уверен, что и России подойдет такой рецепт. Во всяком случае, в нашем регионе ждут только такую Россию. Побаиваются, конечно, но ждут.

Разумеется, в новейшие времена «политика канонеров» не прокатит, но есть богатая Россия, готовая инвестировать и сотрудничать, способная защитить не только свои интересы, но и своих союзников, каковым, несомненно, является Кыргызстан. Вот такую Россию ждем и мы, российские соотечественники в регионе. Даже без каких-то дополнительных программ такая ситуация сильно оздоровит ситуацию. Приход России, приход ее мощных инвестиций в промышленный сектор, как происходит в этом году, одномоментно повысит востребованность в русском языке, снизит прессинг национализма. И это все мы получим, можно сказать, автоматически.

Хотелось бы здесь напомнить, что местное русское население является, пожалуй, самой успешной национальной группой в сфере малого и среднего бизнеса. Есть профессии (например, программисты), разделы бизнеса (СТО), в которых доминируют

русские. В среде топ-менеджмента также весьма велика прослойка русских. Так что даже без протекционизма российскому капиталу есть резон делать ставку на соотечественников. Тем более, что и в титульной среде существует негласное мнение, что если надо делать дело, то лучше брать русского, еврея или корейца. И это не шовинизм, а констатация реалий. Хотя, возможно, и не бесспорная.

Почему разобщены организации русской диаспоры?

Рассуждая на поставленный в заголовке статьи вопрос, было бы неправильно не задать ряд вопросов себе, любимым. На чем строятся наши ожидания? Готовы ли мы к изменениям и готовы ли мы изменяться?

Феномен русской диаспоры есть поистине исторический парадокс. Русских можно любить или не любить, но нельзя не признать, что за последнюю тысячу лет, начиная с некоего почти мистического кучкова подворья в северной глуши, русским удалось создать мощное государство-империю, создать уникальную русскую цивилизацию и культуру, признанные во всем мире. Понятно, что все это оказалось возможным, благодаря мощной пассионарности русских. Можно полагать, что советская историография или тот же «отец народов» И. Сталин были недалеко от истины, говоря комплиментарно о русском народе, русском солдате. Не раз в истории судьба русского народа казалась печальней некуда, но нет! Раз за разом русские поднимались и возрождали мощь и славу страны. События последних лет – еще одно подтверждение этого тезиса.

И в то же время параллельно этой истории мы видим диаметрально противоположную историю русской диаспоры. Никогда и нигде за эту же тысячу лет русским не удалось создать сколько-нибудь эффективной диаспоры. Более того, даже и в своей имперской экспансии русским никогда не удавались классические колониальные завоевания, подобные испанским, английским, французским и т.д. Пример «русской Америки» хорошо иллюстрирует этот момент. Тем более, что в истории России были и другие эпизоды подобного рода. Все волны, потоки и группы русской эмиграции бесследно растворялись. Впрочем, индивидуально русские были вполне успешны. Киргизия знает немало славных русских имен, прославивших республику.

XX век породил несколько мощных волн русской эмиграции, которые не смогли полностью раствориться в мировом пространстве. Новые времена – новые песни. В постиндустриальном мире, где царят информационные технологии, где нет непреодолимых расстояний и с любым человеком ты можешь общаться в режиме реального времени, вопрос русской диаспоры претерпел неожиданную трансформацию благодаря политическому посылу со стороны руководства России. Россия, поднимающаяся с колен после долгого периода национального унижения, устами президента провозгласила новое отношение к диаспоре. Россия осознала возможную выгоду от наличия столь мощной диаспоры. Удастся ли ей в новых обстоятельствах переломить негативный вековой опыт? Время покажет.

Что же касается русской диаспоры в Киргизии, то это отдельная глава. Русская диаспора здесь, несмотря на мощную эмиграцию 90-х годов, по-прежнему остается заметной, хотя доля ее за последние пятьдесят лет сократилась в общем составе населения республики с тридцати до двенадцати процентов. Уезжая в другие края, кыргызстанцы, как правило, успешны. В новые времена в независимой республике русские встроились в «капиталистическую жизнь», крепко стоят на ногах и привыкли полагаться только на самих себя. После 91-го года они одноментно из граждан СССР превратились в граждан другого государства – независимого Кыргызстана – и сразу стали доселе неведомой диаспорой. И если с гражданством все обстоит более или менее нормально, то с диаспорой сложнее.

Русские де-факто не ощущают своей общности по этническому признаку, или, вернее, русская этническая общность есть невостребованный товар. Тому множество подтверждений – и на бытовом уровне, и на государственном. Например, русским не свойственно сплачиваться, подобно иным нацменьшинствам в какие-либо группировки по этническому принципу. Даже в криминальном мире нет тенденции к чисто русской этнической преступности. Это не значит, что в среде русских нет криминалитета, просто здесь царит интернационал. Или возьмем чисто бытовую зарисовку, в самом обыденном базарном или уличном конфликте русский, в отличие от того же кыргыза, никогда практически не придет на помощь только потому, что в конфликте участвует русский.

В деловом мире русские, как правило, также не делают став-

ку только на русских, скорее, напротив, им свойственно делать выбор по принципу эффективности, независимо от национальности. И чем выше они поднимаются, тем отчетливее это просматривается. Русским, достигшим самого высокого ранга, вообще свойственно полное безразличие к «русским делам», и даже наоборот, они стараются избегать участия в «русских мероприятиях», за исключением тех, что «одобрены» властью или же ею проводятся. Успешные русские обычно не участвуют в делах русских организаций, чем еще в большей степени маргинализируют русские организации.

Русские в Киргизии имеют массу организаций, но не имеют ни одной организации, обладающей хоть каким-либо авторитетом и влиянием в значительном масштабе. Плюс в подобной ситуации только в русле поговорки: «Чем хуже, тем лучше». Зато, как следствие, никто не видит в русских организациях соперников ни в одном секторе общественно-политической жизни, соответственно, никто их и не трогает. Русские организации в основном специализируются на выяснении отношений между собой. Де-факто на сегодня русская диаспора живет сама по себе, а большинство русских организаций сами по себе. Впрочем, в последние год-два, благодаря посольству России, намечилось определенное движение. Но в русскоязычной прессе о деятельности русских организаций почти ничего нет. Вот и гадай: то ли молчат они от скромности, то ли рассказывать не о чем? Но в любом случае, безгласность отдаляет организации от диаспоры, создает вокруг нее определенный вакуум. В их же интересах информировать широкий круг читателей о проводимых мероприятиях и существующих проблемах.

Может ли само по себе что-то измениться в русской диаспоре? Нет! Будет только хуже. Нынешний актив стареет и вымирает. Молодежи «по барабану» эти вопросы. И вообще в русских организациях мало молодежи, а еще меньше тех, кто адекватен вызовам времени. Срабатывает, видимо, и черта русского характера, подмеченная Н.Бердяевым: «Русский никогда не чувствует себя организатором, он привык быть организуемым». Однако так ли безнадежно будущее русской диаспоры и русских организаций? Все-таки мир сегодня сильно изменился. Создание или стремление к созданию в Киргизии этнократического общества и архаично само по себе, и контрпродуктивно в рамках мировой конкуренции. По мере развития гражданского общества и даль-

нейшей демократизации волей-неволей наше общество все более будет соответствовать мировым стандартам.

Думается, что уже в следующую избирательную кампанию мы будем наблюдать некоторую востребованность в русских организациях. Откровенно говоря, попытка «построить» русских в первую очередь должна исходить от власти. В условиях предполагаемой свободной политической конкуренции неизбежно возникнет необходимость в эффективных русских лидерах. Соответственно спрос должен рождать предложение. Права была старушка Виктория, утверждая, что миром правят интересы. К тому же ситуацию подстегнет позиция руководства России.

Даже программа переселения русских для эффективной реализации нуждается и в хороших организаторах, и определенном вложении материальных ресурсов. К тому же должен сработать своеобразный психологический эффект. Одно дело, когда ельцинской России было наплевать на диаспору, другое дело теперь, когда сначала Путин, а затем и Медведев сделали «русский вопрос» одним из приоритетов национальной политики. Неизбежна при этом реакция – «такая корова нужна самому». Тем более что в реализме русские в Киргизии далеко не нахлебники.

Разумеется, будет происходить убыль русского населения, но этот процесс вполне может быть позитивным для всех заинтересованных сторон. Россия получит рабочие руки, русские, желающие уехать, смогут проделать это более или менее комфортно. Опыт Восточной Европы говорит, что после массовой эмиграции возрастает стоимость труда оставшихся. Даже уже сейчас мы видим настоящую охоту за специалистами в ряде отраслей. Соответственно возрастет цена и ценность оставшихся в глазах работодателей, а возможно, и власти. Убыль русского населения утихомирит пыл националпатриотов. Например, в Узбекистане после резкой убыли русского населения в 90-х годах практически не наблюдается никакой националистической риторики.

Элита при этом, трезво оценив ситуацию, осознает необходимость работы с русскоязычным электоратом, для чего понадобятся русские лидеры, но уже другие. Многие острые проблемы сойдут на нет. Например, у нас сегодня в провинциальной глубинке русские школы буквально трещат от нашествия учеников, при том, что собственно русских там почти что и нет. Местное население требует от властей открытия русских школ.

Таким образом, резюмируя данный пассаж, можно сделать вывод, что политика России в отношении соотечественников за рубежом способна внести существенные коррективы в течение событий и на уровне персоналий, и на уровне государственном, собственно и не преследуя подобных целей изначально. В отличие от времен строительства коммунизма возможный результат нам суждено увидеть еще при своей жизни. Как вариант – на данную схему возможно наложение и других обстоятельств. В первую очередь это касается интеграционной политики руководства Киргизии, а также ориентации значительной части элиты на европейские, западные ценности. Такой подход, помимо прочего, будет способствовать формированию единой политической нации в Киргизии, тем самым делая приоритет гражданства де-факто неоспоримым. В случае такого развития событий надобность в политизированности по этнической принадлежности совершенно отпадает, и роль этнических организаций не будет выходить за рамки культурологических задач, что, кроме пользы, никакого вреда не принесет ни русской диаспоре, ни народу республики в целом.

Каждый человек будет иметь право свободно перемещаться в интегрированном пространстве, жить и работать в любой стране, то есть все то, что мы видим в Евросоюзе. Соответственно все граждане будут равны не только в отдельно взятой стране, но и в рамках интегрированного пространства. Может быть, я выдаю желаемое за действительное и все это лишь розовые иллюзии? Конечно, все возможно, однако очень хочется оказаться правым.

Резюмируя можно сказать: главное, чего ждут российские соотечественники, чтобы Россия пришла, вернее, вернулась в регион всерьез и надолго, и при этом хорошо бы, четко представляла чего она хочет. А все остальное – вторично. Сермяжная суть вопроса в том, что мы и так не пропали, а в новых политических реалиях только выиграем, если Россия продолжит возрождение великой страны, полагаясь при этом также на своих соотечественников.

КУЛЬТУРА

Георгий ХЛЫПЕНКО,
профессор

Славянский мир в журнале «Литературный Кыргызстан»

«Литературный Кыргызстан» – литературно-художественный и общественно-политический журнал на русском языке, издающийся в республике с 1955 года по настоящее время. Он является правопреемником альманаха «Киргизстан», основанном еще в 1940 году.

За время существования журнала его возглавляли известные литераторы. Первым редактором был прозаик Михаил Меньшиков (1955–1960). За ним последовали: молодой писатель-билингв Чингиз Айтматов (1959–1960), прозаик и переводчик Анатолий Сальников (1960–1965), критик и литературовед Александр Жирков (1965–1984). Последним, пятым по счету, главным редактором журнала является прозаик и публицист Александр Иванов. С его именем связаны самые памятные события в истории «Литературного Кыргызстана»: и «золотой век» в эпоху перестройки (журнал выходил ежемесячно, его тираж вырос до 55 тысяч экземпляров, а география подписчиков расширилась до 60 городов Союза, включая Москву и Ленинград), и драматическая борьба за выживание в эпоху дикого капитализма («Литературный Кыргызстан» менял свой облик – от журнала до альманаха, композиционную структуру – от тематического номера до книги в журнале, издательский формат – от книжного варианта до электронного, и наоборот). Кстати, в настоящее время журнал выходит в электронном формате.

В разное время сотрудниками журнала на административных должностях работали известные писатели и журналисты республики: поэты Сергей Фиксин, Светлана Суслова (Токомбаева),

Александр Никитенко, Асфандияр Булатов; прозаики Анатолий Сальников, Леонид Дядюченко, Евгений Колесников; публицисты Валерий Сандлер, Сергей Занин, Александр Князев; критики и литературоведы Вениамин Горячих, Николай Локтев, Михаил Озмитель.

Таким образом, журнал «Литературный Кыргызстан» имеет богатую и славную историю, составными частями которой являются: соби́рание и воспитание творческих кадров, участие в формировании литературного процесса, укрепление межнациональных культурных связей, развитие русской литературы Кыргызстана как региональной единицы русской национальной литературы. Всё это способствовало тому, что журнал стал форпостом русского языка и литературы, средоточием русского мира в регионе. И не только русского, но и – шире – славянского мира, ибо славянская диаспора в Киргизии была и остаётся фактически русскоязычной. Автор этой статьи, кыргызстанский украинец в четвертом поколении, задался целью очертить контуры «Литературного Кыргызстана» как русскоязычного журнала, с тем, чтобы привлечь внимание специалистов к изучению данного вопроса.

На наш взгляд, *славянский мир журнала «Литературный Кыргызстан» – это духовный мир славянского этноса, выраженный в русскоязычных публикациях.* В соответствии с профилем журнала их можно разделить на две группы: *литературно-художественную и общественно-политическую*, – а те, в свою очередь, на функциональные подгруппы, тяготеющие к журнальным рубрикам.

Славянский мир в литературно-художественной сфере журнала

Данная сфера представлена *русскоязычными художественными произведениями* – как оригинальными, так и переводными.

Основным объектом внимания журнала является *русская литература Киргизии*, причем не в узком значении термина – как литература русского этноса, а в широком его понимании – как литература русского языка, то есть литература, создаваемая русскоязычными писателями независимо от их этнической принадлежности. Стратегическая цель редакции журнала как органа

Союза писателей республики – забота о приумножении русской литературы путем собирания и воспитания творческих кадров.

Разумеется, основной контингент авторов составляют представители русского этноса. Начиная с 1960-х годов их ряды начинают пополнять кыргызские писатели-билингвы и русскоязычные писатели: Чингиз Айтматов, Мар Байджиев, Дооронбек Садырбаев, Улан Токомбаев, Чолпонбек Нусупов, Абдыкалык Молдокматов, Сабырбек Куручбеков, Малика Шабаева, Илимкан Лайлиева и другие. Заметный вклад в развитие русскоязычной литературы вносят кыргызстанские диаспоры: украинская (Александр Детыненко, Антон Левченко, Николай Кулак, Николай Бондаренко, Александр Крячун), белорусская (Алла Юшкова), немецкая (Алексей Штраус), корейская (Герон Ли, Лариса Ли), уйгурская (Исраил Ибрагимов), армянская (Анэс Зарифьян), азербайджанская (Хасан Мустафаев), осетинская (Алан Кубатиев) и другие.

Сейчас, когда специалисты начинают обращаться к изучению истории русской литературы Кыргызстана, вырисовывается общая картина формирования ее творческих кадров, которая выглядит следующим образом.

Первое поколение писателей формировалось в 1930–1940-е годы. Его представители были связаны общностью судеб, основными вехами которых были Октябрьская революция и Гражданская война. Накануне Великой Отечественной войны в русской секции Союза писателей Киргизии состояло шесть человек. Трое из них: Николай Чекменёв, Николай Удалов и Вениамин Горячих – стали впоследствии известными писателями – родоначальниками русской литературы Кыргызстана.

В годы войны присутствие русской литературы в Киргизии резко возросло за счет писателей, эвакуированных, главным образом, из России и Украины, вследствие чего численный состав писателей республики увеличился почти вдвое (в 1942 году – 80 человек). Среди прибывших были поэты (Георгий Шенгели, Аделина Адалис, Александр Жаров, Александр Кравцов, Ефим Зоря и др.), прозаики (Александр Степанов, Лев Пасынков, Виктор Авдеев, Евгений Босняцкий и др.), драматурги (Яков Апушкин, Виктор Винников и др.). Некоторые из эвакуированных остались в Киргизии и дополнили отряд русских писателей республики: Евгений Ковский, Якуб Земляк (Зиссельман), Михаил Меньшиков и другие. А вскоре после войны к ним присоединились писа-

тели, которые также избрали Киргизию своей второй родиной: Сергей Фиксин, Николай Имшенецкий, Анатолий Борцов, Виктор Швембергер, Федор Самохин и другие.

Второе поколение входило в литературу в 1950–1960-е годы. Оно формировалось в благоприятных условиях «оттепельного периода», получило высокую профессиональную подготовку и внесло весьма значительный вклад в русскую литературу Кыргызстана. Наиболее известными писателями этой генерации являются Анатолий Сальников, Леонид Дядюченко, Геннадий Петрухин, Михаил Ронкин, Лев Аксельруд, Евгений Колесников, Александр Иванов, Анатолий Сорокин и другие.

Последующие генерации русских писателей Кыргызстана также дали ряд известных имен, в их числе: Вячеслав Шаповалов, Светлана Сулова (Токомбаева), Николай Пустынников, Александр Никитенко, Анэс Зарифьян, Асфандияр Булатов, Хаит Муслимов и другие.

Названные писатели (а неназванных – еще больше!) были постоянными авторами журнала «Литературный Кыргызстан». Публикуя свои произведения, они создавали художественный мир русской литературы, который становился составной частью духовного мира этнических славян республики.

Другая составная этого мира – **кыргызская литература в переводах на русский язык**, также бывшая объектом постоянного внимания журнала «Литературный Кыргызстан».

Известно, что национальную литературу приумножают не только оригинальные, но и переводные произведения, которые, становясь частью воспринимающей литературы, способствуют ее художественному обогащению. История художественного перевода в каждой стране является органической частью национальной литературы. В Советском Союзе переводы составляли более трети всех изданий художественной литературы, а по количеству переводов СССР занимал первое место в мире.

Этот факт подтверждает практическая деятельность «Литературного Кыргызстана». В советское время не выходило ни одного номера журнала без переводных произведений кыргызских писателей. В орбиту перевода попадали все жанры: от стихотворения до поэмы, от рассказа до романа – и все писатели: от признанного классика до начинающего литератора. В качестве переводчиков выступали преимущественно русские писатели-

кыргызстанцы: поэты Сергей Фиксин, Михаил Ронкин, Евгений Колесников, Юрий Смышляев, Лев Аксельруд, Вячеслав Шаповалов, Светлана Токомбаева и другие, прозаики Николай Чекименев, Михаил Аксаков, Евгений Ковский, Михаил Меньшиков, Вениамин Горячих, Анатолий Сальников, Леонид Дядюченко и другие, литературоведы Михаил Рудов, Александр Жирков, Валерий Вакуленко и другие. Им активно помогали российские переводчики: Лариса Лебедева, Ирина Волобуева, Юрий Гордиенко, в том числе уроженцы Киргизии Владимир Цыбин, Михаил Синельников и другие.

К сожалению, в настоящее время, когда художественное творчество, в том числе и перевод, лишились государственной поддержки, русскоязычные переводы кыргызских писателей почти исчезли со страниц «Литературного Кыргызстана». Более или менее урожайными на перевод оказались два года – 2004-й: поэма «Канат и Зарина» Сооронбая Джусуева в переводе Светланы Сусловой; повесть «Красный вихрь души моей...» Арслана Кубата (псевдоним Чолпонбека Абыкеева) в переводе Мамасалы Апышева – и 2007-й: стихи Рамиса Рыскулова в переводах автора, а также Вячеслава Шаповалова, Юрия Смышляева, Анатолия Поперечного и других; романы «Бриллиантовая змея» Чолпонбека Абыкеева в переводе Мамасалы Апышева и «Архат» Казата Акматова в переводе Мырзабюбю Усеновой.

Свертывание переводческого дела – это подлинная катастрофа и для кыргызской литературы, которой грозит самоизоляция, и для русской литературы Кыргызстана, которая утрачивает связи с кыргызской литературой, и для русского языка в республике, который лишается функции языка-посредника. «Это поистине огромное упущение нашего времени, которое с каждым годом становится необратимой утратой духовной связи между народами», – говорит таджикский писатель и ученый-филолог Азим Аминов, анализируя состояние переводческого дела в Центральной Азии (*Литературный Кыргызстан, 2004, №1. – С. 108*). И тем не менее нельзя отрицать, что кыргызская литература в переводах на русский язык, становясь частью русской литературы Кыргызстана, по-прежнему оказывает воздействие на формирование этнического сознания кыргызстанских славян.

Третья составная славянского мира в журнале «Литературный Кыргызстан» – это **публикация произведений славянских писателей, живущих на исторической родине.**

Здесь пальма первенства также принадлежит русской литературе, точнее – русской литературе России и литературе русского зарубежья. Пик публикаций художественных произведений, созданных в этих регионах, приходится на конец 1980-х – начало 1990-х годов, когда в союзные и республиканские журналы хлынул поток возвращенной литературы. В рубрике «Публикации «Литературного Кыргызстана» печатались произведения русских советских писателей: Михаила Булгакова, Исаака Бабеля, Дмитрия Фурманова, Бориса Пильняка, Пантелеймона Романова, Валентина Пикуля, Владимира Высоцкого, – а также писателей-эмигрантов: Ивана Бунина, Аркадия Аверченко, Михаила Арцыбашева, Александра Солженицына. В качестве публикаторов, авторов предисловий и примечаний выступали известные литературоведы республики: Михаил Рудов, Валерий Вакуленко, Александр Кацев, Николай Локтев и другие.

О том, как напряженно работала редакция журнала в это время, может свидетельствовать история с публикацией глав из романа Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В 1988 году журнал обратился к писателю с просьбой опубликовать фрагменты из книги. В ответном письме на имя главного редактора автор удовлетворил просьбу, оговорив при этом условия публикации. По его мнению, при частичном печатании отрывков из романа возможно использование не фрагментов, а полных глав без каких бы то ни было сокращений. Предоставив список таких глав, писатель подчеркнул, что тексты необходимо брать только из собрания сочинений. С согласия и в соответствии с пожеланиями автора журнал предложил читателям главы, присланные писателем специально для «Литературного Кыргызстана».

Значительно скромнее выглядят в журнале публикации украинских, тем более белорусских писателей. Они представлены, как правило, в составе материалов, подготовленных к знаменательным датам или литературным событиям.

Такова, например, подборка материалов под рубрикой «*Братский салам писателям Украины!*», приуроченная к Декаде украинской литературы в Киргизии (1968). В ней представлены участники декады: Олесь Гончар, Микола Зарудный, Василь Земляк, Василь Мысык, Борислав Степанюк, Петро Скунець, Евгений Летюк, Петро Ребро, – а также опубликованы стихи Дмитра

Павлычко, Ивана Радченко, Бориса Олейника, рассказы Олеса Гончара и Юрия Мушкетика.

Подборка материалов под рубрикой «*Дружбой богаты, братством сильны*» приурочена к 60-летию образования СССР (1982). В ней помещены стихи украинца Микола Нагнибеды и белоруса Кастуся Киреенко, а также эссе белорусского художника Михаила Савицкого «Чистые краски Родины». Прочитываем отрывок из него.

«Часто говорят, что в палитре художника собраны самые чистые краски его родной земли. Мудрая истина в этих словах: для любого человека первым учителем красоты и творчества становятся Родина, народ и история. Мою землю ласково и нежно нарекли Белоруссией, Белой Русью. За что был дан ей этот символ – белый? Может быть, за чистоту неярких красок белорусской природы? За спокойную гладь ее озер, в которых раскинулось безмятежное, как взгляд ребенка, небо? Или за легкий полет белых аистов над вековыми дубравами? Лазурь цветущего льна и прозрачность лесных криниц, янтарь вызревших хлебов и ясного неба слились в этих словах – Белая Русь... Но мне кажется, что именем «белая» наречена и чистая душа моего народа: доброго, щедрого на ласку и сочувствие, гостеприимного» (ЛК, 1982, №6. – С. 19 – 20).

Да, художественное творчество – самый действенный фактор формирования этнического мира народа.

Славянский мир в общественно-политической сфере журнала

В этой сфере основное место занимают рубрики «*Публицистика*», «*Критика и литературоведение*», «*Культура*».

Предмет **публицистики** – вся жизнь, в ее прошлом и настоящем, частная и общественная, реальная или отраженная в прессе, искусстве, документе. Публицистика является традиционно сильным звеном в деятельности «Литературного Кыргызстана», начиная с перестроечных времен, когда журнал достиг пика своей популярности. «В отделе, возглавляемом Валерием Сандлером, работали Сергей Занин и Александр Князев, – вспоминает главный редактор. – Их блистательные статьи и поныне

читаются с неподдельным интересом, некоторые из них составляют золотой фонд журнальной публицистики» (ЛК, 2004, №2. – С. 128).

Эта «великолепная тройца» и сейчас поддерживает творческие связи со своим журналом. В последние годы каждый из названных журналистов выступил в «Литературном Кыргызстане» в нынешнем своем амплуа: В. Сандлер – как сотрудник нью-йоркской газеты «Новое русское слово» («Чужих детей не бывает»), С. Занин – как представитель интеллектуального бизнеса («Почему вы неудачник? Причины», «Хозяин и работник: кто кого?»), А. Князев – как ученый-историк и политолог («Иншалла, или Мой Афганистан», «Кульджинский крест, или Русские в Китае»). Завидную творческую активность проявляет в настоящее время В. Сандлер. Во всех интернетовских номерах журнала за 2007 год есть его остросюжетные публикации, тематически связанные со своей бывшей малой (Киргизия) и большой (Советский Союз) родиной («Рыцарь прошедшего времени», «Опаленные родиной», «Исцеление по Белову», «Если враг оказался... друг»).

К великому сожалению, преждевременно ушел из жизни талантливый публицист Александр Алянчиков (последняя журнальная публикация – аналитическая статья «Я есмь, ибо я буду»). Однако в «Литературный Кыргызстан» пришел новый автор – признанный журналист-международник Александр Зеличенко («Косовский дневник»).

Помимо названных журналистов, в разное время проявили себя и другие публицисты: Александр Жирков, Леонид Дядюченко, Виктор Никсдорф, Хасан Мустафаев, Валерий Вакуленко, Вячеслав Тимирбаев.

В лучших традициях журнала – организация серийных выступлений на злободневные темы под одной рубрикой. Остановимся на характеристике некоторых рубрик в плане нашего разговора.

Самая памятная из них – «*Многонациональный Кыргызстан: сплоченность и своеобразие*». В принципе, это был масштабный публицистический проект многоцелевого назначения – социального, культурного, политического. Редакция журнала, констатируя общеизвестный факт о том, что в Киргизии живут представители более восьмидесяти наций и народностей, задалась вопросом: «Но много ли мы знаем об их истории, обычаях, традицион-

ных занятиях, семейном укладе?». Ответ был неутешительным: «Увы!». Вывод: «А ведь все народы Киргизии – и большие, и малые – вносят свою лепту в строительство нашего общего дома. Значит, мы должны как можно больше знать друг о друге, всемерно крепить взаимопонимание, чтобы совместными усилиями добиваться его крепости» (ЛК, 1987, №12. – С. 104).

Рубрика открывалась статьей Исмара Шамузы «Дунгане» (ЛК, 1987, №12), а закрывалась статьей Сергея Занина «Живущие рядом» – о малых диаспорах (ЛК, 1989, №12). За эти два года было опубликовано 19 статей – своеобразных мини-очерков, в которых, как в зеркале, отразился национальный мир около 30 этносов Киргизии, начиная от многочисленных (кыргызы, узбеки, русские, украинцы, дунгане) и кончая самыми малочисленными (народы Северного Кавказа, яхуди, греки, иранцы). Славянская диаспора была представлена в статьях «Русские» писателя Анатолия Сорокина (ЛК, 1989, №5), «Украинцы» литературоведа Георгия Хлыпенко (ЛК, 1988, №8) и «Живущие рядом» (белорусы, поляки, чехи) публициста Сергея Занина (ЛК, 1989, №12).

Разговор пришелся к месту и ко времени, поскольку совпал с демократическими преобразованиями в эпоху перестройки. Редакция вела его тактично, но смело, предлагая авторам полную открытость, откровенность, какая возможна только в кругу истинных друзей. О том, насколько велик был интерес к этому разговору, можно судить по отзывам читателей, опубликовавшихся в рубрике «Почта «Литературного Кыргызстана». На волне общественного интереса к теме и появился сборник «Под небом Кыргызстана» (Фрунзе, 1991), составленный из журнальных публикаций. Главный редактор журнала А. Иванов, выступивший в качестве автора вступительной статьи к сборнику, подвел итог состоявшемуся разговору: «Взаимоузнавание обогащает только тогда, когда оно идет на предельно искренней ноте. Соединяют не указания сверху, а интерес, пробуждающийся изнутри. Нации, особенно малые, вдоволь хлебнувшие горя, должны почувствовать, что часовой механизм их взаимоотношений с другими национальностями будет показывать то время, в котором мы живем» (С. 5 – 6).

Через некоторое время, в 1991 году, журнал вернулся к этой теме, но под видоизмененной рубрикой – «*Многонациональный Кыргызстан: тревоги и надежды*». «Ныне, – констатировала

редакция, – все вокруг изменилось столь кардинально, что мы ощущаем настоятельную потребность <...> повторить переключку народов Кыргызстана, ощутить нынешний пульс каждого из них в изменившемся смутном мире. Ведь содружество народов – как живой организм, от температуры любой нации напрямую зависит самочувствие общества в целом» (ЛК, 1991, №9 – 10. – С. 197).

О тематической направленности статей можно судить по некоторым заголовкам: «Курды: рассеянные по свету», «Греки: потерпевшие кораблекрушение». К сожалению, после публикации четырех статей рубрика закрылась. В это же время вне рубрики появились злободневные статьи по «русском у вопросу». Публицистический цикл открыл Александр Князев статьей «Русский вопрос» (ЛК, 1991, №1). Затем последовали статьи: «Уносимые ветром» этого же автора (ЛК, 1991, №9 – 10), «Погода для окраинных русских» Александра Иванова (ЛК, 1992, №1), «Врозь дружнее?» Александра Алянчикова (ЛК, 1992, №11 – 12). Эти публикации внесли существенные коррективы в изменяющийся мир славянской диаспоры Кыргызстана.

Совсем недавно, в 2006 году, в журнале одна за другой появились три статьи на животрепещущую миграционную тему: «Дорогие мои татары» и «Немцы, которых уже нет с нами» Владимира Петрова, а также «Евреи в Кыргызстане» Андрея Кузнецова. Судя по всему, должно последовать продолжение разговора.

Как бы то ни было, но масштабный проект «Литературного Кыргызстана» уже сыграл свою общественную роль. Он высветил изнутри этнический мир многих диаспор Кыргызстана, в том числе и славянской диаспоры, в их диалектике и взаимодействии.

Наше внимание привлекла также неординарная рубрика «*Духовные проповеди*», открытая в восьмом номере журнала за 1990 год. Необходимость её была обоснована во вступительной статье «...А надежда? А любовь?», где утверждалось, что в современном обществе остро ощущается нехватка таких человеческих качеств, как сердечная теплота, взаимопонимание, сострадание и любовь к ближнему. Поочередно утрачивая веру – вначале в Бога, затем во всемогущего вождя и, наконец, в коммунизм, – мы утратили веру в триединую сущность Истины, Слова и Дела и тем самым оторвались от корней истинно человеческой

природы. Вывод: «Наш журнал желает помочь читателю обрести неразумно утраченные нравственные ценности, которые одинаково волнуют и верующих, и безрелигиозных людей» (*ЛК*, 1990, № 8. – С. 98). С этой целью журнал прибегает к помощи духовных наставников четырёх основных религиозных направлений, действующих в Киргизии.

«Свершается благое дело, – с чувством благодарности и просветления заявили священнослужители в ответ на предложение «Литературного Кыргызстана» выступить на его страницах с пастырскими обращениями к читателям. – Ведь религиозная мудрость есть мудрость народная, накапливавшаяся веками, отбрасывающая всё временное, преходящее. И нравственные догматы, содержащиеся в наших верованиях, есть кладёшь мудрости, создававшийся многими поколениями из народных же нравственных устоев» (*ЛК*, 1990, № 8. – С. 99). Священнослужители определили также круг проблем духовных проповедей, всегда составлявших сущность и смысл человеческого бытия: мораль и нравственность, милосердие и миролюбие, любовь к ближнему, укрепление семьи.

Совместное заявление подписали: Абдрахман уулу Кимсанбай – казы мусульман Киргизии, протоиерей Пахомий – настоятель Воскресенского собора, Николай Сизов – старший пресвитер Церкви евангельских христиан-баптистов по Киргизии и Роман Вагнер – председатель совета Церкви адвентистов седьмого дня по Киргизии. Именно они стали главными проповедниками, к которым в дальнейшем присоединились и другие священнослужители: протоиерей Владимир – настоятель церкви в честь Казанской Иконы Божьей матери, протоиерей Владимир Савицкий – благочинный Бишкекского округа, священник Владимир Клипштейн, Александр Ситко – пастор Церкви адвентистов седьмого дня, Оторбай уулу Дуйшенбек-ажы – секретарь казы мусульман Киргизии. Примечательно, что проповеди служителей мусульманского культа публиковались на двух языках – кыргызском и русском.

Рубрика «Духовные проповеди» безусловно способствовала расширению границ славянского мира журнала «Литературный Кыргызстан». Материалы рубрики публиковались регулярно на протяжении более двух лет – вплоть до пятого-шестого номера журнала за 1992 год.

В практике журнальной работы **критика и литературоведение** идут рука об руку, в одной рубрике. Критика отслеживает современный литературный процесс, а литературоведение включает его в исторический контекст развития литературы.

Авторский состав критиков и литературоведов в журнале «Литературный Кыргызстан» был всегда представлен. Большинство из них имели дипломы кандидатов и докторов наук, а также членские билеты Союза писателей. В разное время постоянными авторами были (по алфавиту): Абдылдажан Акматалиев, Кенешбек Асаналиев, Валерий Вакуленко, Вениамин Горячих, Салиджан Джигитов, Чолпон Джолдошева, Александр Жирков, Александр Кацев, Илимкан Лайлиева, Николай Локтев, Чинара Мамытбекова, Элеонора Прояева, Михаил Рудов, Абдыкадыр Садыков, Валентина Сердюк, Александр Фиксин, Рея Шамурзина, Вячеслав Шаповалов и другие, в том числе этнические украинцы Николай Никипорец, Евгений Озмитель, Георгий Хлыпенко, Иван Шерстюк, белорус Геннадий Павлюк.

Критика, как и публицистика, представляет собой вид литературной деятельности. Основная задача критики – истолкование и оценка художественных произведений с точки зрения современности. Выражаясь научным языком, критика – это самосознание литературы в обществе и общества в литературе. Поэтому критика принимает активное участие в формировании духовного мира личности и общества.

В «Литературном Кыргызстане» критика представлена во всём разнообразии её видов (профессиональная, писательская и читательская) и жанров (рецензия, статья, творческий портрет, литературное обозрение). В этом нетрудно убедиться даже при беглом обзоре литературно-критических материалов.

В годы советской власти практически вся художественная литература, выходящая в республике на русском языке – оригинальная и переводная, становилась объектом внимания журнала «Литературный Кыргызстан». Первичным жанром критики была, конечно же, рецензия. Нередко новинки литературы попадали под «перекрестный огонь» – тогда завязывался критический диалог. А случалось и так, что книга, вызвавшая всеобщий интерес, подвергалась широкому обсуждению, как, например, роман Чингиза Айтматова «Плаха». После рецензирования произведения про-

фессиональной критикой редакция журнала организовала по нему читательскую конференцию, материалы которой были опубликованы (ЛК, 1987, №6). А в следующем номере появились ответы Айтматова на вопросы читателей. Наконец, некоторое время спустя журнал опубликовал материалы зарубежной прессы: «Франция читает "Плаху"» (ЛК, 1988, №7) и «Айтматов в современном мире» (ЛК, 1988, №12).

В конце 1980-х – начале 1990-х годов журнал вел постоянную рубрику «Литературный дневник», в которой публиковались обзоры новинок русской литературы Киргизии и кыргызской литературы в переводах на русский язык. Нередко в обзоры включались также произведения многонациональной литературы Союза.

Одной из форм литературно-критической деятельности журнала были «круглые столы», тематика которых определялась потребностями литературного процесса в республике. В качестве примера приведем темы нескольких «круглых столов»: «Литература Киргизии в 1969–70 гг. Итоги, проблемы» (ЛК, 1971, №2), «Кыргызская литература в ее взаимосвязях с братскими литературами народов СССР» (ЛК, 1979, №1), «Художественный перевод: ступени зрелости, роста» (ЛК, 1982, №4).

Своеобразными «круглыми столами» были обсуждения литературы Киргизии на республиканских съездах писателей, на заседаниях Совета по кыргызской литературе Союза писателей СССР, материалы которых публиковал «Литературный Кыргызстан». А самым масштабным мероприятием оказалась литературная часть II Декады кыргызского искусства и литературы в Москве (1958). В течение двух дней в Союзе писателей СССР обсуждались произведения современной прозы, поэзии, драматургии, работы критиков и литературоведов. В качестве аналитиков выступали известные московские литераторы, а также гости из Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Казахстана. Русская литература Киргизии была представлена на декаде прозой Николая Чекменёва, Анатолия Сальникова, Николая Удалова, поэзией Сергея Фиксина и Николая Имшенецкого. На заключительном вечере председатель Правления Союза писателей Киргизии Азиз Салиев сказал: «После той духовной атмосферы, которая царила на обсуждении и в которой наши писатели с ревностной заинтересованностью принимали товарищескую критику <...> наши литераторы вернутся домой духовно обогащенными и окрыленными <...>».

Всё это благотворно отразится на нашей литературе, которая пойдет по пути нового подъема» (ЛК, 1958, № 6. – С. 111–112).

В современном обществе, где происходит коренная ломка социальных, идеологических и культурных устоев, литература вытесняется на периферию общественного сознания под натиском других его форм: политики, идеологии, религии. Отсюда, как следствие, потеря литературой высокого общественного статуса, отсутствие финансовой поддержки со стороны государства, резкое снижение тиражей, засилье массовой культуры, конкуренция со стороны средств массовой коммуникации. Литературный процесс деформируется настолько, что специалисты начинают сомневаться в его существовании, а критике – организующей силе литературного процесса – предрекают клиническую смерть.

К счастью, эти прогнозы во многом не оправдываются, но, к сожалению, они нанесли ощутимый урон критике, в том числе и на страницах журнала «Литературный Кыргызстан». Во-первых, в нем исчезла постоянная рубрика «Критика»; во-вторых, атрофировался первичный жанр критики – рецензия; в-третьих, журнал утратил былые связи с профессиональными критиками.

Пользуясь случаем, мы хотим представить информацию, которая должна заинтересовать редакционную коллегию журнала «Литературный Кыргызстан», а также редакции ведущих русскоязычных газет. В 2006 году на филологическом отделении гуманитарного факультета КРСУ введена дополнительная специализация – «Литературная критика и редактирование», так что у нас в республике скоро появятся дипломированные критики.

Литературоведение, или наука о литературе, в отличие от критики, развивающей эстетическое сознание, участвует в формировании научного сознания общества. На страницах журнала «Литературный Кыргызстан» литературоведение развивалось по трём основным направлениям: литературные связи и взаимодействия, теория и практика художественного перевода, преемственность традиций и новаторство.

Наиболее результативный, на наш взгляд, проект был реализован под рубрикой «В семье братских литератур» (1986 – 1987). Цель его – создать общую картину межнациональных связей кыргызской литературы.

Примечательно, что реализация проекта началась статьями о кыргызско-славянских связях: кыргызско-русских (Лайлиева И.

Связи определяющие, крепнущие. – ЛК, 1986, №1), кыргызско-украинских (Хлыпенко Г. ...Быть понятным и понять других. – ЛК, 1986, №2) и кыргызско-белорусских (Павлюк Г. Роман и меняющаяся действительность. – ЛК, 1986, №3). Разумеется, эти публикации расширяли исторические, культурные и эстетические границы как кыргызского, так и славянского этнического мира.

Остальные публикации были посвящены контактными связям кыргызской литературы с литературами других республик Союза: Казахстана, Молдавии, Грузии, Азербайджана, Латвии, Литвы и Эстонии. Они также обогащали славянский мир новым знанием о литературах братских народов.

Автор данной статьи занимается изучением кыргызско-украинских связей на протяжении более трех десятилетий.

В 1980 году он издал монографию «Чувство семьи единой. Исследования, статьи, обзоры по кыргызско-украинским литературным связям». Книга получила положительные отзывы в многочисленных рецензиях, опубликованных на Украине и в Киргизии, в том числе в журнале «Литературный Кыргызстан» (ЛК, 1982, №2). Кроме того, по данной теме автором осуществлено более 60 публикаций на русском, украинском и кыргызском языках, из них около 10 в журнале «Литературный Кыргызстан».

В 2002 – 2005 годах автор был руководителем научной темы «Украинский этнос в Кыргызстане: история, материальная и духовная культура», а также редактором-составителем двух сборников «Украинцы в Кыргызстане. Статьи. Исследования. Материалы» (2003, 2006). Кроме того, по результатам работы над этой темой опубликованы статьи других авторов в научных изданиях Кыргызстана, Украины и Казахстана, а также издана монография Евгения Шульги «Украинцы Кыргызстана (этносоциологический облик)», по которой защищена кандидатская диссертация.

На наш взгляд, эти факты, осмысленные суммарно, позволяют сделать вывод о том, что украинская диаспора Кыргызстана обрела свою историю, национальное самосознание в науке.

Рубрика «Культура» не имела постоянной прописки в журнале «Литературный Кыргызстан», но публикации по этой теме осуществлялись достаточно регулярно. Главное их назначение – знакомить читателей с их культурным наследием, расширять границы культурного пространства в духовной жизни общества.

Представляется, что самым важным шагом «Литературного

Кыргызстана» в этом направлении была рубрика «Мир Востока», которая функционировала в журнале на протяжении четырех лет (1990 – 1993). По замыслу редакции, в ней должны быть представлены в популярном изложении наиболее интересные и характерные памятники философии, религии, этики, литературы. «Интерес к этому необычайно высок сегодня во всем мире, – объясняла редакция. – Не составляют исключения и читатели «Литературного Кыргызстана», которые обращаются с просьбами рассказать о восточных религиях, памятниках культуры, опубликовать фрагменты из них. Учитывая, что «ЛК» – журнал, издающийся в Азии, на Востоке, редакция охотно идет навстречу пожеланиям читателей и всеобщему интересу» (ЛК, 1990, №5. – С. 122).

Новую рубрику журнал начал с публикации изречений индийского брамина, аскета и философа Рамакришны (1833–1886), с его морального и религиозного учения, последователей которого можно найти во всем мире. Рамакришна не выдавал себя за основателя новой религии – он только проповедовал древнюю религию Индии. В последние годы жизни Рамакришна стал изучать христианство, как прежде изучал мусульманство и другие религии. В конце концов он пришел к заключению, что все религии истинны, хотя каждая из них берёт только одну сторону неделимого и вечного бытия, знания и блаженства. Главное, что и сегодня привлекает в изречениях Кришны, – это вечное стремление человека к своему духовному и нравственному совершенству, к поиску истины и смысла бытия.

В рубрике «Мир Востока» было опубликовано около 20 памятников восточной культуры. Все они были снабжены комментариями различного характера, а в ряде случаев представлены в новых переводах. Представим некоторые, наиболее ценные для читательского восприятия публикации.

«Сад Благоуханный» Шейха аль-Нефсави (ЛК, 1990, № 7, 8; 1991, № 1). Это арабский трактат о любви (XVI век), соотносимый с такими памятниками, как свод арабских сказок «Тысяча и одна ночь», индийские трактаты «Кама Сутра» и «Ананга Ранга». Многие мотивы и сюжеты «Сада Благоуханного» можно обнаружить в античной поэзии, в «Декамероне» Боккаччо, в «Гаврилиаде» Пушкина. «Предлагая вниманию читателей перевод отрывков из «Сада Благоуханного», «ЛК» вступает на почву, давно и основа-

тельно заброшенную нашей литературой», – отмечал искусствовед Сарман Асанбеков, автор предисловия к публикации. Перевод памятника с английского осуществил кыргызстанский литературовед Михаил Озмитель.

«*Песнь песней*» Соломона (ЛК, 1990, № 12). Дивный памятник ближневосточной лирики, один из самых ранних поэтических текстов христианства, драгоценная жемчужина в створках сурового эпоса библейских сказаний... Как только ни называли «Песнь песней», вошедшую наряду с притчами и премудростями древнего иудейского царя в Священное Писание – в Библию, в Ветхий Завет. Две культуры – Востока и Запада – сошлись в этом памятнике, доказывая векам, откуда живо человечество, что нет Востока и нет Запада, а есть Земля и чудесное её творение – Человек.

Стихи средневековых поэтов-суфиев (Рудаки, Омар Хайям, Сана'и, Захир Фарьяби, Низами, Руми, Саади, Хафиз, Нематуллах Вали, Джамал, Бедиль). Автором вступительной статьи «Танцующие дервиши» является кыргызстанская поэтесса Светлана Токомбаева (Суслова) – знаток и переводчик суфийской поэзии (ЛК, 1991, № 12).

Очерк Владимира Соловьева «Магомет, его жизнь и религиозное учение» – памятник русской теософской мысли. Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – русский религиозный философ, поэт, публицист. По мнению исследователя А.В. Жуковского, соловьевский очерк (1886) представляет собой не просто описание жизни и учения пророка мусульман. «Это – своеобразная христианская апология ислама» (ЛК, 1991, № 3. – С. 112).

«*Знаки Агни Йоги*» (ЛК, 1991, № 7–8). Книга не имеет автора. Анонимный издатель указал во введении, что Великий Гуру (учитель) передал другим учителям и ученикам данное знание. Каждый «Знак» представляет собой непосредственную манифестацию Учителя, как бы беседующего с вопрошающими знание. «Знаки Агни Йоги», с одной стороны, указывают на перемены, происшедшие в космическом околоземном пространстве, с другой стороны, нацеливают на поиски выхода ту часть человечества, которая в состоянии оценивать и прогнозировать.

В составе рубрики «Мир Востока» были также опубликованы ценные материалы по истории и культуре Киргизии. Это фрагменты из «Истории древних кыргызов» Белека Солтоноева – про-

светителя, историка, философа, поэта, репрессированного в 1937 году (ЛК, 1990, № 6); историческая повесть Амана Газиева «Барсбег, каган кыргызов» (ЛК, 1992, № 1); фрагменты из культурологического исследования Мелиса Убукеева «Тайна эпоса “Манас”» (ЛК, 1992, № 11–12; 1993, № 5–6).

Вообще, эпос «Манас», подобно магниту, постоянно притягивает к себе внимание разноликих специалистов. Об этом свидетельствуют публикации уже за пределами рубрики «Мир Востока»: «“Манас” на все времена» писателя Леонида Дядюченко (1995), «Разгадка тайны Драгоценного, Истинно Непокоримого, Непобедимого хана» публициста Сабырбека Абдыраманэра (ЛК, 2005, № 1), «Неустрасимый дружинник Манаса» литературоведа Вячеслава Шاپовалова (ЛК, 2006, № 1) и другие.

В рубрике «Культура» значительный интерес представляют публикации о присутствии славянского мира в Кыргызстане в прошлом и настоящем: «Иссык-Куль: христианское наследие и затонувшие памятники» ученого-историка Владимира Плоских (ЛК. *Избранное*, 2001–2002), «Звени, гитара семиструнная» музыканта Алексея Агибалова и другие.

Таким образом, славянский мир в журнале «Литературный Кыргызстан» представлен достаточно полно и многогранно. Его этническими особенностями являются, с одной стороны, устоявшееся моноязычие (русскоязычие), с другой – диалогическая открытость для восточного (кыргызского) мира.

История журнала «Литературный Кыргызстан» неотделима от истории славянской диаспоры в республике. Более того, «*Литературный Кыргызстан*» как духовная целостность является собой образ-символ славянского мира в Кыргызстане.

*Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой
Корректор Алена Барханская*

**Подписано в печать 3.03.2009 г. Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 12,5 Заказ 14.**